

ИРР
СВЕТ

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

Вопросы современной лингвистики KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Трудности перевода терминологии
в контексте анализа нормативного типа
испанского юридического дискурса

Социальная и психологическая
составляющие языка
(в трудах Ф. В. Фаррара и Х. Штейнталя)

2023 / № 6

ISSN 2949-5059 (print)

2023 / № 6

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2023 / № 6

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. – д-р филол. наук, доц., ГУП

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., ГУП

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. – канд. филол. наук, ГУП

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викулова Л. Г. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. – д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Елифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Иванов Н. В. – д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. – д-р филол. наук, проф., Военный университет Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Малюга Е. Н. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Ощепкова В. В. – д-р филол. наук, проф.;

Пан Кё Ён – д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., ГУП;

Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., ГУП;

Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Чеснокова О. С. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.journals-gpu.ru, www.linguamgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. – 2023. – № 6. – 144 с.

© Государственный университет просвещения, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

сайт: www.linguamgou.ru

Founder:
State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), SUE

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Potsdam (Germany);

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

V. V. Oshchepkova – Dr. Sci. (Philology), Prof.;

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "Cyber-Leninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.journals-gup.ru; www.linguamgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2023. – № 6. – 144 p.

© State University of Education, 2023.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Воякина Е. Ю., Макеева М. Н.</i> Цифровой экономический дискурс в тропеическом измерении (на материале малых сюжетосодержащих дискурсивных форм)	6
<i>Гусева А. Е., Прокофьева О. В.</i> Этнические стереотипы в текстах немецких и британских СМИ	21
<i>Колядин А. В.</i> Компоненты информативного кода в концептосфере публицистического текста об архитектуре (на материале статей из журнала «Вокруг света»)	30
<i>Ларионова М. В., Фокина А. Д.</i> Трудности перевода терминологии в контексте анализа нормативного типа испанского юридического дискурса	40
<i>Лукин Д. С.</i> Транспозиция как лингвокультурная проблема передачи англоязычного юмора (на материале публикаций Дж. Брандрета)	53
<i>Лунькова Л. Н., Мигдаль И. Ю.</i> Паратекстуальность заглавия художественного текста ...	60
<i>Мигдаль И. Ю.</i> Особенности функционирования вкраплений-испанизмов в англоязычном художественном тексте	67
<i>Стекольников И. В., Николаева Т. Ю.</i> Социальная и психологическая составляющие языка (в трудах Ф. В. Фаррара и Х. Штейнталя)	75
<i>Сюн Чанван.</i> Семантический объём фразеологизма «потеря лица» в русском и китайском языках	82
<i>Титова Е. А.</i> Особенности ритмики русской, немецкой и английской поэзии (на материале детских стихотворений)	90

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

<i>Нуридджанян Р. Г.</i> Языковая репрезентация культуры гуарани в парагвайском медиaprостранстве	105
<i>Погорецкая О. А., Иванов Н. В.</i> Фонетические, грамматические и лексические особенности современного итальянского рэпа на примере сардинской группы Salmo ...	114
<i>Соловьева М. В.</i> Особенности функционирования и семантической эволюции старофранцузского прилагательного “debonnaire”	123

НАШИ ИЗВЕСТНЫЕ УЧЁНЫЕ: ЛИНГВИСТЫ, ПЕДАГОГИ, НАСТАВНИКИ

Чалкова Елизавета Григорьевна (1950-2016)	133
Юрий Николаевич Марчук – учёный-практик и педагог (1932–2018)	136
Георгий Сергеевич Клычков (1932-1987)	139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная деятельность диссертационного совета 72.2.020.05 в 2023 г.	141
---	-----

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>E. Voyakina, M. Makeeva.</i> Digital Economic Discourse in the Tropeic Dimension (on the Material of Small Plot-Based Discursive Forms)	7
<i>A. Guseva, O. Prokofeva.</i> Ethnic Stereotypes in the Texts of German and British Media	21
<i>A. Koliadin.</i> Components of Informative Code in the Conceptual Sphere of a Journalistic Text about Architecture: an Analysis of Articles from the Magazine "Around the World"	30
<i>M. Larionova, A. Fokina.</i> Difficulties of Terminology Translation in the Context of Analyzing the Normative Type of Spanish Legal Discourse	40
<i>D. Lukin.</i> Transposition as a Linguocultural Problem of Transmitting English-Language Humor (Based on Publications by J. Brandreth)	53
<i>L. Lunkova, I. Migdal.</i> The Title Paratextuality of a Literary Text	60
<i>I. Migdal.</i> Peculiarities of Foreign Inclusions (Hispanisms) Functioning in an English-Language Literary Text	67
<i>I. Stekolshchikova, T. Nikolaeva.</i> Social and Psychological Aspects of Language (in the Works of F. W. Farrar and H. Steinthal)	75
<i>Syun Chanvan.</i> The Semantic Volume of the Phraseological Unit "Loss of Face" in Russian and Chinese	82
<i>E. Titova.</i> Specifics of Rhythm in Russian, German and English Poetry (on the Material of Children's Poems)	90

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC AND ROMANCE)

<i>R. Nuridzhanyan.</i> Linguistic Representation of the Guarani Culture in the Paraguayan Media Space	106
<i>O. Pogoretskaya, N. Ivanov.</i> Phonetic, Grammatical and Lexical Features of Modern Italian Rap Exemplified by the Sardinian Group Salmo	114
<i>M. Solovieva.</i> Specific Features of Functioning and Semantic Evolution of Old French Adjective "Debonnaire"	123

OUR FAMOUS SCIENTISTS: LINGUISTS, EDUCATORS, MENTORS

Elizaveta Grigoryevna Chalkova (1950-2016)	133
Yury Nikolaevich Marchuk – scientific practitioner and educator (1932–2018)	136
Georgy Sergeevich Klychkov (1932-1987)	139

ACADEMIC LIFE

Scientific Activity of the Dissertation Council 72.2.020.05 in 2023	141
---	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-23

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-6-20

ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТРОПЕИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МАЛЫХ СЮЖЕТОСОДЕРЖАЩИХ ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМ)

Воякина Е. Ю., Макеева М. Н.

Тамбовский государственный технический университет

392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106, Российская Федерация

Аннотация

Цель статьи – исследование тропеической организации цифрового экономического дискурса на материале малых сюжетосодержащих дискурсивных форм (далее – МССДФ) путём выявления и анализа тропеических комбинаций, задействованных в сюжетах МССДФ, репрезентирующих явления и события мира экономики.

Процедура и методы. Анализ эмпирического материала, включающего 250 МССДФ экономического содержания, отобранных методом сплошной выборки из русскоязычных и англоязычных источников новых медиа, проводился в рамках когнитивно-дискурсивной и антропоцентрической научных парадигм с использованием методов контекстуального и стилистического анализа.

Результаты. Проведённый анализ показывает, что тропеическая репрезентация экономических объектов и явлений зачастую осуществляется посредством визуализации классических вербальных тропов в формате МССДФ, отражающих сюжетную линию и обладающих поликодовой структурой. В ходе исследования установлено, что сюжеты МССДФ цифрового экономического дискурса генерируются на основе тропеических комбинаций, в которых основными элементами выступают метафора, метонимия, ирония, гипербола и олицетворение, активно взаимодействующие друг с другом и порождающие целостное структурно-смысловое единство, позволяющее адекватно интерпретировать экономическую действительность и формировать ценностные ориентиры в рамках описываемых экономических ситуаций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Рассмотренный материал и полученные выводы могут быть использованы как при дальнейшей разработке проблем цифровых типов дискурса, так и в курсах по теории языка, стилистике, дискурс-анализу и прагмалингвистике.

Ключевые слова: малые сюжетосодержащие дискурсивные формы (МССДФ), тропеическая комбинация, цифровая коммуникация, цифровой экономический дискурс

DIGITAL ECONOMIC DISCOURSE IN THE TROPEIC DIMENSION (ON THE MATERIAL OF SMALL PLOT-BASED DISCURSIVE FORMS)

E. Voyakina, M. Makeeva

Tambov State Technical University

ulitsa Sovetskaya 106, Tambov 392000, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the tropeic organization of digital economic discourse on the material of small plot-based discursive forms by identifying and analyzing trope combinations involved in the plots of the analyzed discursive forms representing phenomena and events from the world of economics.

Methodology. The analysis of the empirical material, including 250 small plot-based discursive forms of economic content, selected by a continuous sampling method from Russian and English new media sources, was carried out within the framework of cognitive-discursive and anthropocentric scientific paradigms using the methods of contextual and stylistic analysis.

Results. The analysis shows that the tropeic representation of economic objects and phenomena is often carried out by visualizing classical verbal tropes in the small plot-based discursive formats reflecting the storyline and having a polycode structure. In the course of the study, it has been established that the plots of small plot-based discursive forms in digital economic discourse are generated on the basis of trope combinations, where the main elements are considered to be metaphor, metonymy, irony, hyperbole and personification, actively interacting with each other and generating a holistic structural and semantic unity that allows to adequately interpret the economic reality and form value orientations within the described economic situations.

Research implications. The factual material and findings can be used in the further investigation of digital types of discourse, as well as in teaching the theory of language, stylistics, discourse analysis, and pragmalinguistics.

Keywords: small plot-based discursive forms, trope combinations, digital communication, digital economic discourse

Введение

Современная цифровая коммуникация, являясь нестабильным, постоянно изменяющимся феноменом, требует многостороннего исследования не только со стороны отдельных лингвистических и экстралингвистических особенностей её функционирования, но и основных принципов её организации, которым, на наш взгляд, является *тропеичность*. Тропеический принцип описания окружающей действительности является важным принципом формирования картины мира коммуникантов, в том числе и в цифровом пространстве.

По сути, весь язык, используемый в настоящее время для общения в цифровой среде, имеет тропеическую природу, хотя пользователи часто не осоз-

нают этой тропеичности, поскольку она встроена в культурный контекст, который широко принят обществом. Многие тропы, изначально возникающие как необходимость описания новых реалий, со временем становятся неотъемлемой частью культурных коммуникаций, подсознательно формируя когнитивные рамки и восприятие коммуникантов, которые определяют будущее развитие цифровой среды. Причём тропеическая организация цифрового пространства склонна к постоянной трансформации, вследствие чего возникают всё новые тропы, либо пересматриваются уже существующие на предмет того, точно ли они отражают современные цифровые реалии. Такое непрерывное обновление средств (как вербальной, так и невербальной приро-

ды), возникающих для описания новых реалий цифровой среды, не может не вызывать интерес различного рода исследователей, в том числе обуславливает повышенный интерес лингвистов к изучению языка цифровой коммуникации и цифровой картины мира, транслируемой через язык.

В данной работе мы обращаемся к цифровому экономическому дискурсу, что обусловлено ролью, которую играют экономические явления и процессы в жизни современного общества и отдельного индивидуума. Всё чаще реалии мира экономики, затрагивающие широкие массы людей, актуализируются в разнообразных цифровых дискурсивных формах, отражающих широкий спектр коммуникативных ситуаций.

Принимая во внимание дискурсивные особенности и внутренние процессы «полифонии» знаковых систем, характерных для цифровой коммуникации в целом и цифрового экономического дискурса в частности, мы обратимся к рассмотрению *малых сюжетосодержащих дискурсивных форм* (далее по тексту – МССДФ) как широко распространённых и постоянно обновляющихся феноменов цифрового экономического дискурса, обладающих мощным прагматическим потенциалом. Данные дискурсивные формы представляют собой малоформатные поликодовые тексты, выступающие как единицы цифровой информации и отражающие сюжетную линию. Среди наиболее распространённых МССДФ выделяются интернет-мемы, демотиваторы, гиф-изображения, цифровая реклама, демонстрирующие в своей репрезентации и интерпретации насыщенность визуализированными образами, полисемантичесность, полимодальность, аттрактивность, клиповость, гипертекстуальность, интерактивность, медийность, образность, прагматический потенциал и другие дискурсообразующие характеристики. Сюжет МССДФ может быть выражен в вербальном, визуальном, паралингви-

стическом планах, что ещё раз отсылает нас к поликодовости и полимодальности данных форм цифровой коммуникации, зачастую построенных на комбинации различных тропов.

МССДФ могут трактоваться как реализация аксиологического трансфера в цифровое малоформатное дискурсивное пространство через тропеическую языковую подсистему, включающую основанные на вторичной репрезентации вербальные и невербальные средства коммуникации. В связи с этим представляется целесообразным провести анализ тропеической организации МССДФ с целью выявления наиболее устойчивых комбинаций тропов.

Цель данной работы заключается в исследовании тропеической организации цифрового экономического дискурса на материале МССДФ путём выявления и анализа тропеических комбинаций, действовавших в сюжетах МССДФ, репрезентирующих явления и события мира экономики.

В задачи исследования входит выявление и анализ тропеических комбинаций, реализуемых сюжетами МССДФ экономического дискурса; определение наиболее продуктивных тропеических комбинаций, участвующих в процессе интерпретации реалий мира экономики; обоснование тропеической плотности цифрового экономического дискурса.

Методом сплошной выборки эмпирического материала было проанализировано около 250 МССДФ экономической тематики. Выбор МССДФ экономического содержания обусловлен тем, что проблемы экономики вызывают интерес не только среди специалистов в этой области, но и простых обывателей, для которых экономические вопросы становятся сегодня жизненно важными и которые сами являются создателями МССДФ, представляющих своего рода реакцию на проходящие в мире экономические процессы.

Источниками исследуемого фактического материала послужили различные

форматы новых медиа, представленные в цифровой среде посредством социальных сетей, сообществ, новостных лент, финансово-экономических порталов и т. д. (bussinesidea.ru, caricatura.ru, dzen.ru, interbiz.ru, lenta.ru, memepedia.ru, mk.ru, rusdemotivator.ru, vk.com, ya.ru и др.).

В процессе работы использовались как общенаучные, так и чисто лингвистические методы в рамках когнитивно-дискурсивной антропоцентрической научных парадигм: анализ и синтез, индукция и дедукция, описание, сравнение, аргументация, классификация и систематизация исследуемого материала, метод сплошной выборки фактического материала, интерпретация, контекстуальный анализ, стилистический анализ.

Теоретическая база исследования

Тропеический характер организации цифровой коммуникации подчёркивается в трудах отечественных и зарубежных лингвистов, анализирующих цифровую коммуникацию как тропеически организованное пространство. Российский психолог А. Е. Войскунский подчёркивает, что метафоричность цифровой коммуникации объясняется метафоричностью осмысления человеком самой цифровой среды [5]. Н. А. Ахренова анализирует ключевые метафорические концепты интернет-лингвистики [1]. Л. В. Балашова и А. А. Сосновская рассматривают метафорическую подсистему сетевого сленга, выявляя лексические группы, выступающие в качестве источников формирования переносных сленговых значений [2]. М. Я. Блох и Е. С. Молчанова исследуют метафоры и сравнения в жанрах интернет-дискурса [3]. Проводится анализ различных метафорических моделей и концептуальных метафор, выстраиваемых на основе знаний человека о мире и его жизненного опыта, применимо к разным типам текстов, представленных на цифровых медиаплатформах [4; 10].

Мультимодальные тропеические средства становятся объектом лингви-

стического анализа и в рамках изучения поликодовых структур в цифровых дискурсах [7; 9; 16]. В круг исследовательских проблем лингвистов, изучающих цифровой мультимодальный дискурс, входят проблемы концептуальной конвергенции элементов метонимического и метафорического переноса в рекламном, общественно-политическом, экономическом дискурсе и т. д. [13; 15; 18]. Исследуется языковое и стилистическое своеобразие цифрового дискурса в рамках создания прагматического эффекта, манипулирования общественным мнением и преобразования реальности [8; 11]. Предметом лингвистических исследований является и манипулятивный потенциал гиперболизации, выступающей в качестве одного из эффективных механизмов концептуализации окружающей действительности, формирования языковой картины мира, выражения эмотивно-оценочных смыслов [12; 19]. В работе В. А. Каменевой и О. Н. Горбачевой проводится моделирование различных коммуникативных ситуаций на основе олицетворения, анализируется воздействующий потенциал визуального олицетворения и визуализированная деперсонификация образа человека в различных типах цифровых текстов [6].

Вопросами тропеической организации цифровой коммуникации интересуются и простые интернет-пользователи. Так, в 2004 г. был создан вики-проект “TV Tropes”¹, нацеленный на сбор и исследование различных приёмов, сюжетных тропов, образов и персонажей, встречающихся в разнообразных цифровых медиаформатах (фильмах, телесериалах, аниме, играх, т. е. во всём, что имеет сюжет и может быть отнесено к массовой цифровой культуре). Участники данного проекта называют себя троперами и даже создают свою собственную терминологию (Cloudcuckoolander – персонаж «не от

¹ См.: TV Tropes [сайт]. URL: <https://tvtropes.org/> (дата обращения: 11.02.2023).

мира сего», «житель Тучекукуевска»; Kick the dog – бессмысленная демонстрация злодеем своей агрессии с целью облачения отрицательных качеств персонажа, не способных вызвать симпатию у целевой аудитории; The dragon – «правая рука» главного злодея, отвечающая за силовое решение проблем и выступающая как посредник между главным героем и главным злодеем). Существование подобных проектов, собирающих тысячи пользователей по всему миру, выявляющих тропы в различных формах цифровой коммуникации, ещё раз подтверждает тропеический характер организации цифрового пространства.

В целом, интерес лингвистического научного сообщества и обычных интернет-пользователей к тропеическим средствам представления информации в цифровой среде, в том числе экономического характера, во-первых, свидетельствует о широком распространении тропов в цифровой коммуникации; во-вторых, способствует пониманию механизмов воздействия анализируемых дискурсивных форм цифровой коммуникации на реципиента; в-третьих, позволяет выявить форматы представления знаний, заложенных в МССДФ, для адекватной интерпретации явлений и событий цифровой и объективной реальности в рамках непрерывного потока информации.

Результаты и дискуссия

Рассматриваемые в настоящем исследовании МССДФ цифрового экономического дискурса по своей природе насквозь тропеичны, причём их тропеическая организация проявляется как в вербальном, так и в невербальных структурных компонентах. Преимущество соединения вербального и невербального элементов в тропеических сюжетах МССДФ заключается в том, что когнитивные механизмы, заложенные в их поликодовой структуре, в значительной степени способствуют более глубокому пониманию укоренившихся в культуре

знаний и соответственно более полной интерпретации современных феноменов, которые могут быть недостаточно чётко выражены исключительно вербальным способом.

Анализируя визуальную метафору в рекламных поликодовых текстах, М. В. Терских справедливо утверждает, что «визуализация метафорического переноса позволяет, с одной стороны, представить привычные образы в оригинальной, нестереотипной форме, с другой – увеличить воздействующий потенциал когнитивной метафоры за счет привлечения невербальных кодов» [13, с. 386]. Анализ МССДФ в цифровой коммуникации указывает на тропеичность их организации в плане невербальной передачи классических тропов в сюжетах многочисленных интернет-мемов, демотиваторов, рекламных текстов и т. д. Наличие тропеического невербального компонента облегчает восприятие текста и помогает интерпретировать сообщение в правильном ключе.

Следует отметить, что МССДФ цифрового экономического дискурса по большей части основаны не на одном единственном тропе, а на целом комплексе тропов, реализуемых в одной сюжетосодержащей дискурсивной форме, что обусловлено, в первую очередь, их поликодовой природой. Тропеическую насыщенность дискурсивных форм цифровой коммуникации подтверждает К. Мюллер, что также даёт основание говорить о существовании тропеических единиц, основанных на комбинации нескольких тропов. Рассуждая об образной плотности текста, лингвист описывает феномен, когда одновременно реализуются несколько различных образных операций [17].

В связи с широким распространением МССДФ, сюжет которых основан на сочетании и взаимопроникновении различного рода тропов, считаем целесообразным рассмотреть тропеические комбинации, реализуемые МССДФ

экономического содержания. Данные комбинации включают целый набор тропеических элементов, комплексно взаимодействующих друг с другом в отдельно взятой МССДФ и порождающих структурно-смысловое единство. Подобные тропеически организованные дискурсивные формы участвуют в процессе интерпретации окружающей действительности (как цифровой, так и объективной), оказывая целостное прагматическое воздействие на реципиента.

Для того чтобы понять суть реализации тропеических процессов в сюжетах МССДФ, обратимся к более детальному рассмотрению наиболее продуктивных тропеических комбинаций, отражающих тропеическую организацию МССДФ, функционирующих в экономическом дискурсе.

Метафора + метонимия

Перемещаясь в цифровое пространство, экономическая действительность зачастую получает метафорическую репрезентацию, представляя собой своего рода вторичную картину мира, отражающую ценностные установки коммуникантов, пропустивших через себя информацию, выводимую в формате МССДФ. Применимо к цифровой коммуникации метафора часто вступает в отношения с другим тропом – метонимией, также представляющей собой не просто риторическую стратегию, а важный когнитивный процесс, участвующий в мотивации и развитии метафорического образа. Метонимия может определять и представлять реальность и показывать, как текст должен восприниматься целевой аудиторией. В динамичных сюжетах МССДФ метонимические отображения зачастую не только заменяют или репрезентируют цель, но и расширяют процесс интерпретации метафорических текстов.

Метафора и метонимия как основные способы когниции тесно переплетаются между собой и оказывают влияние друг на друга и на смысл текста в

целом, выступая тем самым как единый когнитивный механизм познания действительности, в том числе в цифровом мультимодальном дискурсе, о чём свидетельствуют исследования отечественных и зарубежных лингвистов в этой области. П. Перес-Собрино, исследуя цифровую рекламу, рассматривает мультимодальную метафонию как способ метафорического конструирования фрагмента действительности, в процессе которого задействуются разные модальности коммуникации для проецирования знаний между отдельными областями [18].

Рассмотрим интернет-мем (рис. 1), в котором метафониическая проекция метонимического сужения в области-источнике и области-цели метафоры реализуется посредством метонимических отношений «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ», работающих на создание метафорического образа. Данный тип метафониической проекции является наиболее продуктивным в конструкции сюжетов МССДФ, при котором метонимия сигнализирует центральное выведение метафорического проецирования. Сюжет интернет-мема невербально демонстрирует концептуальные метонимические связи, возникающие вследствие замещения одной сущности другой. В данном случае газопровод «Северный поток», идущий из России в Германию, выступает в качестве власти РФ, визуально воплощаемой изображением Кремля. В то же время реализуется ассоциативная связь между данными сущностями по метафорическому принципу: сокращение поставок газа в Европу метафорически сравнивается с «закручиванием вентиля на газопроводе», т. е. основной смысл интернет-мема репрезентируется через частные образы. В данном примере метонимия является конструктором для метафорического осмысления экономической политики между Россией и Европой.

Метафониический способ концептуальной интеграции является сложным когнитивным механизмом, участвующим

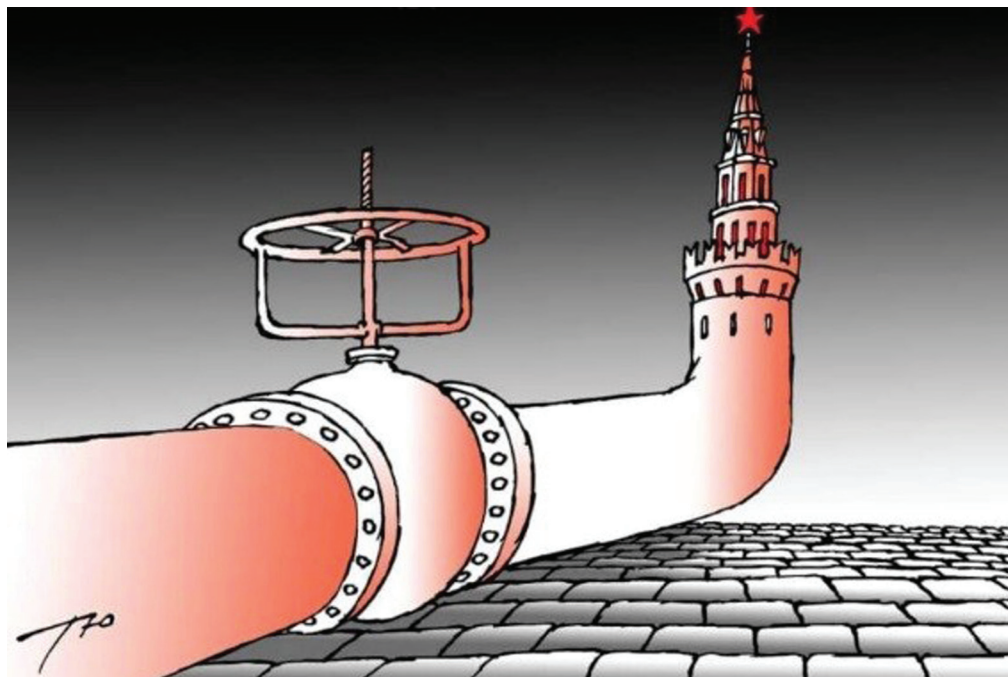

Рис. 1 / Fig. 1. Интернет-мем, реализующий метафтонимические отношения / Internet meme implementing metaphtonymic relations

Источник: Хроники Мутного Времени. Sergey Aleksashenko [Электронный ресурс].
URL: <https://hronika.substack.com/p/27-2022?sd=pf> (дата обращения: 14.03.2023).

в формировании сюжетов МССДФ, для декодирования которых требуется большая когнитивная нагрузка, связанная с расшифровкой и интерпретацией заложенных в ней компонентов, нахождения общего смысла сообщения. Следующий пример МССДФ (рис. 2) демонстрирует реализацию метафтонимического механизма концептуальной интеграции за счёт метонимической передачи образа президента США Бенджамина Франклина, изображённого на купюре 100 долларов США. Сюжет рекламы банка Bank-Med, содержащий вербальный компонент «*Make your money work for you*» (Заставь деньги работать на тебя), написанный мелким шрифтом, дополняется невербальным компонентом, включающим образ бывшего американского президента, выполняющего физическую работу в складском помещении. В данном случае лексема «деньги» в вербальной части ви-

зуализируется через образ Бенджамина Франклина. Полимодальная метафтонимия представлена бинарной структурой, одним из компонентов которой является источник, выраженный невербально в виде изображения президента, а вторым компонентом выступает цель в виде надписи-слогана. В результате метафтонимического проецирования возникает интегрированная полимодальная структура при интерпретации которой в сознании реципиента формируется интегративное ментальное пространство, порождающее самостоятельную концептуальную единицу, содержащую такие когнитивно выводимые семантические признаки, как «надёжность», «прибыльность», и имеющую прагматическую направленность рекламного текста. Вербальный и визуальный компоненты в анализируемой рекламе основаны на интегративных взаимоотношениях (согласно

Рис. 2 / Fig. 2. Цифровая реклама банка, основанная на метафтонимическом способе концептуальной интеграции / Bank digital advertising based on the metaphonymic way of conceptual integration

Источник: Шедевры рекламы. Реклама BankMed: «Заставьте ваши деньги работать на вас» [Электронный ресурс] // ВКонтакте: [сайт]. URL: https://vk.com/wall-29302425_792107?yclid=lg0p3gzjd2851530907 (дата обращения: 11.03.2023).

классификации В. Е. Чернявской [14]), когда интерпретация компонентов по отдельности может привести к коммуникативной неудаче, т. е. вербальную часть невозможно адекватно декодировать без соответствующего изображения. Для получения полной информации о содержании сюжета рекламы участники коммуникации осуществляют когнитивную деятельность по интерпретации заложенных в нём смыслов как вербального, так и невербального характера.

Таким образом, интерпретация метафтонимически организованных МССДФ обеспечивается когнитивным процессом осмысления семантики поли-

кодовых структур данных дискурсивных форм, относящихся к разным семиотическим системам и обусловленных контекстуальными связями. Когнитивные операции, связанные с интерпретацией реалий мира экономики, протекают в виде концептуальной интеграции ментальных пространств, формируемых в процессе слияния вербального и визуального компонентов, порождающих единое структурно-смысловое пространство.

Олицетворение + метафора

Помимо метафтонимических комбинаций в цифровом экономическом дискурсе наблюдается стремление к персонализации. Иными словами, явления и объекты мира экономики приобретают человеческий облик, обеспечивая информационному сообщению внимание реципиента и создавая мощный прагматический эффект. На наш взгляд, это связано с тем, что интерпретация олицетворённых образов протекает легче, нежели исключительно вербальное представление информации.

Анализ МССДФ показал, что в цифровом мультимодальном экономическом дискурсе олицетворение нередко сочетается с другими тропами, формируя целостный тропеический образ. В примере на рис. 3 олицетворение российской и американской валют создаёт метафорическую картину в сознании реципиента, репрезентирующую экономические отношения между странами, национальные валюты которых получают тропеическое представление. Приём олицетворения в данном случае разыгрывает метафорический сценарий, демонстрирующий доминантное положение доллара над рублём.

Олицетворение + метафора + ирония

Олицетворение также может являться механизмом формирования метафоры и иронии. Сюжет, изображённый на рис. 4, описывает экономическую ситуацию, когда страны ОПЕК поставляют завышенное количество нефти, перегружая

Рис. 3 / Fig. 3. Реализация тропеической комбинации «олицетворение + метафора» / Implementation of the trope combination “personification + metaphor”

Источник: Макеев Н. Рубль от краха не спасет даже нефть // Новостной портал Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/economics/2017/07/28/rubl-ot-krakha-ne-spaset-dazhe-neft.html> (дата обращения: 10.03.2023)

Рис. 4 / Fig. 4. Реализация тропеической комбинации «олицетворение + метафора + ирония» / Implementation of the trope combination “personification + metaphor + irony”

Источник: Актуальные мемы про нефть // Forexu – всё о финансах: блог на Dzen.ru. URL: https://dzen.ru/a/Xmaz5kapyiNSd_4A (дата обращения: 16.03.2023).

мировую экономику. Данный метафорический сценарий репрезентируется через олицетворение стран ОПЕК и мировой экономики, создавая ироническое отношение к описываемой экономической ситуации.

Таким образом, наделение экономических субъектов, объектов и явлений человеческими качествами и признаками придаёт анализируемым дискурсивным формам динамизм, прагматическую направленность, а также способствует созданию экспрессивного образа описываемых явлений, облегчающего интерпретацию текста реципиентом.

Гипербола + метафора

Гипербола, заключающаяся в намеренном преувеличении описываемых объектов и явлений действительности, является одним из эффективных тропов, находящихся выражение на визуальном уровне и выступающих в качестве мани-

пулятивного инструмента в цифровом экономическом дискурсе.

МССДФ ярко демонстрируют манипулятивный потенциал посредством гиперболизации, основанной на комбинации гиперболы с другими тропеическими средствами, что придаёт текстам аттрактивность и оказывает прагматическое воздействие на реципиента. Проведённый анализ показал, что наиболее продуктивной формой реализации тропеических комбинаций, основанных на гиперболе, являются гиперболические метафоры, передаваемые через визуальный образ. Одним из примеров данной комбинации могут служить сюжеты на тему роста цен и инфляции. Динамичный сюжет интернет-мема на рис. 5 передаётся через метафорический перенос, сопровождаемый гиперболизацией. Цены представлены в виде кома огромных размеров, преследующего потребителя, направляющегося за покупками.

Рис. 5 / Fig. 5. Реализация тропеической комбинации «гипербола + метафора» / Implementation of the trope combination “hyperbole + metaphor”

Источник: Добролюбов П. Ценам не прикажешь [Электронный ресурс] // Аргументы Недели – Сахалин: [сайт]. URL: http://ansakhalin.blogspot.com/2014/10/blog-post_19.html (дата обращения: 13.03.2023).

Гипербола + оксюморон + ирония

Другой продуктивной тропеической комбинацией, на основе которой разворачиваются сюжеты МССДФ, является сочетание гиперболы, оксюморона и иронии. Данное сочетание в большинстве случаев отличается семантической парадоксальностью, поскольку реализуется за счёт контраста вербального и визуального компонентов с характерной иронической модальностью (от мягкой насмешки до сарказма). Оксюморонные гиперболизированные противопоставления зачастую становятся основой сюжетов МССДФ, определяя их логику. На рис. 6 представлен демотиватор, сюжет которого содержит вербальную часть, выраженную гиперболической фразой «АВТОВАЗ покоряет мир», контрастирующую с невербальным компонентом, а именно грудой буксируемого металлолома. Подобное сочетание тропов служит своеобразным аттрактором, притягивающим внимание реципиента к описываемой проблеме российского автопрома. Благодаря своей комической направленности демотиватор выполняет когнитивную, аттрактивную и эмоционально-экспрессивную функции.

Таким образом, гиперболизация является эффективным тропеическим механизмом, на основе которого строятся сюжеты МССДФ, обладающие мощным манипулятивным потенциалом, направленным на вызов нужной эмоциональной реакции, а также участвующим в переконцептуализации устоявшейся картины мира в сознании реципиента с целью формирования у него определённого мнения, стереотипов, ценностных установок по отношению к описываемым событиям из мира экономики.

Ирония + аллюзия

Как показал проведённый анализ, в сюжетах МССДФ часто выражается ироническое отношение к описываемым явлениям действительности. Приведённые

АВТОВАЗ

покоряет мир

Рис. 6 / Fig. 6. Реализация тропеической комбинации «гипербола + оксюморон + ирония» / Implementation of the trope combination “hyperbole + oxymoron + irony”

Источник: Автоваз покоряет мир [Электронный ресурс] // Демотиваторы по-русски: [сайт].
URL: <http://rusdemotivator.ru/demotivatory-prikoly/51257-avtovaz-pokoryaet-mir.html>
(дата обращения: 11.03.2023).

выше примеры МССДФ демонстрировали ироническое описание реалий мира экономики. В целом, следует отметить, что анализируемые дискурсивные формы отличаются комизмом. Здесь ирония практически всегда вступает в интегративные отношения с другими тропами, усиливая экспрессивность текста.

Ироническое отношение также проявляется через сюжет, содержащий аллюзию, представляющую собой продуктивную модель создания МССДФ в экономическом дискурсе. Механизм создания иронического отношения посредством аллюзии заключается в использовании прецедентных имён, ситуаций, высказываний, текстов, способствующих выражению определённых эмоций, ценностных установок реципиента и раскрывающих истинный смысл МССДФ.

Удачный пример данной тропеической комбинации представлен на рис. 7. Сюжет интернет-мема отсылает реципиента в детскую анимацию при помощи изображения из мультфильма и соответствующего вербального текста (строка из песни). Однако сам сюжет отражает экономический контент через вербальный компонент, а именно: надписи с ценами на столбах и наименованиями вагонов. Подобная концептуальная интеграция анимационного и экономического контекстов порождает иронию по отношению к описываемой ценовой политике на природные ресурсы (газ и нефть), заключающейся в непрерывном повышении цен. Финансовый рынок, изображённый в виде последнего вагона, метафорически концептуализируется как ведомый, зависимый от продаж природных ресур-

Рис. 7 / Fig. 7. Реализация тропеической комбинации «ирония + аллюзия» / Implementation of the trope combination “irony + allusion”

Источник: Нефть продолжает свой рост или о чем нам говорят запасы сырой нефти в США // Finbox2019: блог на Dzen.ru. URL: <https://dzen.ru/a/YCTLj6BqKmx67cs0> (дата обращения: 14.03.2023).

сов. Текст песни из мультфильма также дополняет ироническое содержание интернет-мема, как бы говоря о том, что в нынешних экономических условиях остаётся только смотреть в будущее с оптимизмом, сожалея о прошлом.

Таким образом, ирония, будучи тропеическим элементом, участвующим в разнообразных тропеических комбинациях, является продуктивным приёмом структурирования сюжетов МССДФ, активно участвующих в концептуализации объектов и явлений мира экономики.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что современный экономический дискурс, по большей части переместившись в цифровую среду, организован по принципу тропеичности. Изучение эмпирическо-

го материала продемонстрировало, что МССДФ, участвующие в концептуализации мира экономики, построены не на одном единственном тропе, а на комбинации различных тропов, что свидетельствует о тропеической плотности экономического дискурса. В связи с широким распространением подобных МССДФ в работе анализируются наиболее продуктивные тропеические комбинации, включающие набор тропеических элементов, комплексно взаимодействующих между собой в отдельно взятой дискурсивной форме цифровой коммуникации и порождающих структурно-смысловое единство на основе концептуальной интеграции ментальных пространств.

В ходе исследования установлено, что сюжеты МССДФ цифрового экономического дискурса генерируются на основе

тропеических комбинаций, в которых основными элементами выступают метафора, метонимия, ирония, гипербола и олицетворение, плотно взаимодействующие друг с другом и участвующие в процессе интерпретации окружающей действительности путём заполнения недостающих пробелов в системе знаний человека о мире экономики и формирования определённых ценностных ориентиров, стереотипов, мнений в рамках описываемых экономических ситуаций. Анализ фактического материала позволил выявить тропеические комбинации, в которых доминирующее положение занимает определённая разновидность тропа, однако полноценное раскрытие сюжета происходит лишь при активизации всего тропеического комплекса. Следует отметить, что в большинстве случаев от-

мечается присутствие метафорического компонента, что объясняется метафоричностью мышления человека.

Таким образом, анализ фактического материала позволяет говорить о том, что экономический дискурс, будучи частью современной цифровой коммуникации, представляет собой вторичную картину мира, основанную в том числе и на принципе тропеичности.

Перспективы дальнейшего исследования усматриваются в проведении моделирования тропеической организации на основе различных аттрактивных сюжетов МССДФ цифровой коммуникации, отражающих общие и культурно-специфичные черты формирования цифровой и объективной картин мира коммуникантов.

Дата поступления в редакцию 11.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахренова Н. А. Ключевые метафорические концепты интернет-лингвистики: киберпространство, виртуальная реальность, виртуальное сообщество, виртуальное время, виртуальная языковая личность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 46–55.
2. Балашова Л. В., Сосновская А. А. Интернет-коммуникация в зеркале метафоры // Известия Саратовского университета. Новая серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. № 4. С. 3–9.
3. Блох М. Я., Молчанова Е. С. Метафоры и сравнения в жанрах интернет-дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14.
4. Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н. Мир животного vs мир человека: через культурные коды к архетипическим характеристикам анималистической метафоры // Вестник славянских культур. 2022. № 64. С. 239–254. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-64-239-254.
5. Войскусний А. Е. Метафоры Интернета // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 64–79.
6. Каменева В. А., Горбачева О. Н. Глобальная социальная интернет-реклама. Воздействующий потенциал визуального олицетворения и овеществления в социальной интернет-рекламе // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 144–149.
7. Канашина С. В. Специфика функционирования полимодальной метафоры в англоязычных интернет-мемах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 11. С. 308–311. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.65.
8. Копнина Г. А. Речевая манипуляция в массмедийном тексте/дискурсе: проблема распознавания // Филология и человек. 2021. № 3. С. 30–46. DOI: 10.14258/flichel(2021)3-04.
9. Максименко О. И., Подлегаева Е. П. Интерпретация интертекста в мультисемиотичном анимационном дискурсе (переводческая проблема) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. С. 104–110. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-104-110.
10. Опарина Е. О. Метафора в дискурсе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2021. № 3. С. 131–141. DOI: 10.31249/ling/2021.03.10.
11. Поварницына М. В. Манипуляция, суггестия, аттракция и фасцинация в креолизованном тексте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 117–124.

12. Прагматический эффект гиперболы в медиадискурсе (на материале немецкого и русского языков) / Пром Н. А., Высоцкая И. В., Глебова Е. А., Тихаева В. В. // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 4-1. С. 176–189. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-176-189.
13. Терских М. В. Специфика визуальной метафоризации в дискурсе социальной рекламы // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 362–386.
14. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009. 248 с.
15. Feng W. Metonymy and visual representation: towards a social semiotic framework of visual metonymy // Visual Communication. 2016. Vol. 16. Iss. 4. P. 441–466. DOI: 10.1177/1470357217717142.
16. Forceville Ch., Urios-Aparisi Ed. Multimodal Metaphor. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2009. 484 p.
17. Müller C. Metaphors Dead and Alive, Sleeping and Waking: A Dynamic View. Chicago – London: University of Chicago Press, 2008. 290 p.
18. Pérez-Sobrino P. Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017. 232 p.
19. Saffah M. D. Hyperbole: A Pragmatic Perspective // Advances in Social Sciences Research Journal. 2021. Vol. 8. No. 8. P. 571–574. DOI: 10.14738/assrj.88.10699.

REFERENCES

1. Akhrenova N. A. [Key metaphoric concepts of Internet linguistics: cyberspace, virtual reality, virtual community, virtual time, virtual language individuality]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2015, no. 3, pp. 46–55.
2. Balashova L. V., Sosnovskaya A. A. [Internet-Communication in the Mirror of Metaphor]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 2009, vol. 9, no. 4, pp. 3–9.
3. Blokh M. Ya., Molchanova E. S. [Metaphors and similes in the genres of Internet-discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 3, pp. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14.
4. Borodulina N. Yu., Makeyeva M. N. [Animal world vs human world: through cultural codes to archetypical characteristics of animalistic metaphor]. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2022, no. 64, pp. 239–254. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-64-239-254.
5. Voyskunsky A. Ye. [Metaphors of the Internet]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2001, no. 11, pp. 64–79.
6. Kameneva V. A., Gorbacheva O. N. [Global social Internet advertising: manipulative effect of visual personification and objectification]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2015, no. 2 (52), pp. 144–149.
7. Kanashina S. V. [Specificity of multimodal metaphor functioning in the English Internet memes]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 11, pp. 308–311. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.65.
8. Kopnina G. A. [Verbal manipulation in mass media text / discourse: the problem of recognition]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], 2021, no. 3, pp. 30–46. DOI: 10.14258/filichel(2021)3-04.
9. Maksimenko O. I., Podlegayeva E. P. [Interpretation of intertext in multysemiotic animation discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 1, pp. 104–110. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-104-110.
10. Oparina Ye. O. [Metaphor in discourse]. In: *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics], 2021, no. 3, pp. 131–141. DOI: 10.31249/ling/2021.03.10.
11. Povarnitsyna M. V. [Manipulation, suggestion, attraction and fascination in a creolized text]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2016, no. 2 (106), pp. 117–124.
12. Prom N. A., Vysotskaya I. V., Glebova E. A., Tikhayeva V. V. [Pragmatic effect of hyperbole in the me-

- dia discourse (as based on the material of German and Russian languages)]. In: *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Issues], 2018, vol. 10, no. 4-1, pp. 176–189. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-176-189.
13. Terskikh M. V. [Specificity of visual metaphorization in the PSA discourse]. In: *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], 2016, no. 10, pp. 362–386.
14. Chernyavskaya V. Ye. *Lingvistika teksta. Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of the text. Polycode, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 248 p.
15. Feng W. Metonymy and visual representation: towards a social semiotic framework of visual metonymy. In: *Visual Communication*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 441–466. DOI: 10.1177/1470357217717142.
16. Forceville Ch., Urios-Aparisi Ed. *Multimodal Metaphor*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2009. 484 p.
17. Müller C. *Metaphors Dead and Alive, Sleeping and Waking: A Dynamic View*. Chicago, London, University of Chicago Press, 2008. 290 p.
18. Pérez-Sobrino P. *Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2017. 232 p.
19. Saffah M. D. Hyperbole: A Pragmatic Perspective. In: *Advances in Social Sciences Research Journal*, 2021, vol. 8, no. 8, pp. 571–574. DOI: 10.14738/assrj.88.10699.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воякина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация» Тамбовского государственного технического университета; e-mail: voyackina.elena@yandex.ru

Макеева Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», Тамбовского государственного технического университета; e-mail: marnikma@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena Yu. Voyakina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages and Professional Communication, Tambov State Technical University; e-mail: voyackina.elena@yandex.ru

Marina N. Makeeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Foreign Languages and Professional Communication, Tambov State Technical University; e-mail: marnikma@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воякина Е. Ю., Макеева М. Н. Цифровой экономический дискурс в тропеическом измерении (на материале малых сюжетосодержащих дискурсивных форм) // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 6–20.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-6-20

FOR CITATION

Voyakina E. Yu., Makeeva M. N. Digital economic discourse in the tropeic dimension (on the material of small plot-based discursive forms). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 6–20.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-6-20

УДК: 81-23

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-21-29

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ И БРИТАНСКИХ СМИ

Гусева А. Е., Прокофьева О. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Провести сравнительно-сопоставительный анализ этнических стереотипов в немецких и британских медиатекстах.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал метод сравнительно-сопоставительного анализа, с помощью которого были выделены интегральные и дифференциальные признаки немецкой и британской лингвокультур. Метод случайной выборки позволяет повысить объективность исследования.

Результаты. Выявлено, что в образе Германии и Великобритании в текстах СМИ преобладают различия. Описан автостереотипный и гетеростереотипный образ выше упомянутых стран.

Теоретическая значимость заключается в успешно осуществлённом сравнительно-сопоставительном анализе этнических стереотипов текстов СМИ Германии и Великобритании. Полученные данные расширяют наши знания о парадигматическом взаимодействии языковых средств, отражающих стереотипы в различных лингвокультурах. **Практическая значимость** состоит в том, что результаты исследования могут быть применены на занятиях по иностранному языку, лингвокультурологии, сопоставительной лексикологии и в практике межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: этнические стереотипы, автостереотипы, гетеростереотипы, интегральные признаки, дифференциальные признаки, СМИ

ETHNIC STEREOTYPES IN THE TEXTS OF GERMAN AND BRITISH MEDIA

A. Guseva, O. Prokofeva

State University of Education

ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To conduct a comparative analysis of ethnic stereotypes in the texts of German and British media.

Methodology. The research is based on the framework of comparative analysis that allows to identify integral and differential features in German and British language cultures. Besides, random sampling is applied, which allows to increase the objectivity of the research.

Results. It is shown that differences prevail in the image of Germany and Great Britain in the texts of mass media. The autostereotypic and heterostereotypic image of the above-mentioned countries is described.

Research implications. A successful comparative analysis in the texts of German and British media has been conducted. The obtained data expand our knowledge about the paradigmatic interaction of linguistic means, which reflect stereotypes in various linguistic cultures. The research results can be applied in classes on foreign languages, cultural linguistics, comparative lexicology and in practice of international communication.

Keywords: ethnic stereotypes, autostereotypes, heterostereotypes, integral features, differential features, mass media

Введение

На сегодняшний день проблеме этнических стереотипов уделяют повышенное внимание исследователи различных направлений [2; 3; 6; 7; 11; 12]. В эпоху глобализации межкультурный диалог становится всё более актуальным. Не последнюю роль в нём играют этнические стереотипы. Проблема межэтнических стереотипов имеет междисциплинарный характер. Она рассматривается в лингвистике, социологии, психологии, межкультурной коммуникации.

Важно понимать, что этнические стереотипы могут быть обнаружены не только на уровне отдельных лексических единиц. В качестве стереотипизированных могут выступать целые тексты.

Особенно интересными для лингвистических исследований представляются сравнительно-сопоставительные анализы текстов средств массовой информации (далее СМИ). В последнее время изучение репрезентации этнических стереотипов в медиапространстве становится всё более актуальным. Это связано в первую очередь с процессами глобализации, укрепления связей между странами, а также с геополитической ситуацией. Несмотря на устойчивость этнических стереотипов как таковых, стереотипы в текстах СМИ имеют несколько иную природу. Стереотипный образ той или иной страны здесь может меняться, исходя из ситуации на международной арене и целей государства. Этим обусловлена актуальность изучения этнических стереотипов в текстах прессы и публицистики.

Цель исследования – провести сравнительно-сопоставительный анализ гетеро- и автостереотипов в текстах немецких и британских СМИ. **Материалом** анализа выступили тексты немецких и британских газет, таких как Focus online¹,

Deutsche Welle², The Guardian³, The Times⁴. **Задачи** исследования состоят в сборе и анализе источников прессы Германии и Великобритании, сравнительно-сопоставительном анализе образа Германии и Великобритании, выделении интегральных и дифференциальных признаков выше упомянутых лингвокультур.

Методология исследования

Особое внимание роли этнических стереотипов учёные стали уделять лишь в XX веке. Тогда У. Липман в своей работе «Общественное мнение» впервые ввёл понятие стереотип. Под стереотипом он понимал «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой картинки мира в голове человека» [6]. Однако Уолтер Липман рассматривал стереотипы в широком смысле. Затем они получили дальнейшую разработку в работах других учёных [2; 3; 4; 5; 8; 9; 10; 11; 12]. На сегодняшний день выделяют этнические, гендерные, профессиональные, возрастные и другие типы стереотипов.

Кроме того, различают автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотипы – мнение представителя этноса о собственной культуре. Гетеростереотипы отражают восприятие других народов. Самооценка народа, как правило, завышена. Образ других стран обычно выделяется за счёт отрицательной оценки. Однако существуют и этнические группы с нормальной самооценкой. В нашем исследовании внимание будет уделено этим двум типам стереотипов.

А. П. Чудинов справедливо заметил, что «стереотипы возникают в силу дей-

¹ FOCUS Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.focus.de/> (дата обращения: 08.06.2023).

² Deutsche Welle [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/de> (дата обращения: 08.06.2023).

³ The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 08.06.2023).

⁴ The Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/> (дата обращения: 08.06.2023).

ствия двух тенденций человеческого сознания: стремления к конкретизации, то есть сближению абстрактных сущностей с какими-то конкретными образами, и тенденции к упрощению, редукционизму, суть которой сводится к выделению нескольких признаков в качестве ведущих для обозначения сложных явлений» [13].

В данном исследовании мы опираемся на гипотезу о том, что язык является носителем культурной информации. Как правило, некоторые слова изначально являются культурно маркированными. Этнические стереотипы в текстах СМИ можно классифицировать по лексико-фразеологическим полям, состоящим из ядра и периферии.

Стереотипы широко представлены в текстах СМИ. Как отмечают В. О. Попова и Е. А. Балезина, к основным функциям социального стереотипа относится манипулирование общественным сознанием, что особенно актуально для политического дискурса [9]. Сюда можно отнести экономические и политические стереотипы, намеренно применяемые в текстах СМИ с целью изменения сознания людей, достижения определённых политических целей. К функциям текстов СМИ относят информативную и персуазивную функции. При этом объективная подача фактов в СМИ практически отсутствует. Почти все сообщения сопровождаются эмоционально окрашенной оценкой, содействующей формированию определённых стереотипов.

Особенно интересными для лингвистических исследований представляется сравнительно-сопоставительный анализ текстов СМИ. В последнее время изучение репрезентации этнических стереотипов в медиапространстве становится всё более актуальным. Это связано, в первую очередь, с процессами глобализации, укрепления связей между странами, а также с геополитической ситуацией.

Методология исследования предполагает сравнительно-сопоставительный анализ двух лингвокультур. Сравнитель-

но-сопоставительный анализ позволяет выявить общие и различные черты образа Германии и Великобритании, транслируемого в текстах прессы и публицистики на данный момент. Данное исследование включает в себя следующий алгоритм: выборка текстовых фрагментов и вычленение ключевых слов, группировка ключевых слов по типам этнических стереотипов, анализ полученного материала, выделение интегральных и дифференциальных признаков образа Германии и Великобритании.

Образ Германии в текстах немецких и британских СМИ

Ранее мы уже акцентировали внимание на том, что оценка собственного народа зачастую завышена, а представления о народе в чужих культурах описываются преимущественно лексическими единицами с отрицательной коннотацией.

Проанализировав автостереотипы в текстах немецких СМИ, мы пришли к заключению, что образ Германии в текстах прессы и публицистики не является полностью положительным.

В ходе анализа текстов немецких СМИ нами были выявлены следующие этнические стереотипы, которые могут быть классифицированы по соответствующим лексико-фразеологическим полям (далее ЛФП) [1; 7]: озабоченность экологическими проблемами, экономическая нестабильность, экономность, организованность и эффективность, бюрократия, воинственность и стремление к свободе и справедливости.

Проблемам экологии посвящена существенная часть немецких статей. В результате анализа было установлено, что немцы равнодушны к изменениям климата, проблемам окружающей среды, стараются жить в согласии с природой:

Nachhaltigkeit, perfekt nachhaltig sein, Öko, grün sein, grünes Paradies, Ökobilanz verbessern, die Umwelt, das Klima, Klimabemühungen, biodeutsch sein, klimaneutral werden, Klimakrise ist nah und bedrohlich.

На сегодняшний день большинство лексем, выделенных в результате случайной выборки, указывают на экономическую нестабильность Германии, что напрямую связано с ситуацией на международной арене.

Inflation, Rezession, Teuerungsphase, die Lebenshaltungskosten steigen, Deindustrialisierung, Verlustängste, Mangelwirtschaft.

Следующий стереотип об экономике немцев известен и за пределами Германии. Возможно, повышенное внимание к этой черте немцев связано с экономическими проблемами. К данному ЛФП можно отнести следующие слова и сочетания слов:

Schnappen, Schnäppchen, sparen, gratis, kostenlos, günstiger sein, Sparpreis genießen, das Geld sichern, das Sparen, einen Betrag auf die Seite legen.

Среди положительных качеств немцы отмечают организованность собственных граждан и эффективность страны в целом:

alles unter Kontrolle haben, Deutschland – Hort der Effizienz und Verlässlichkeit, gründlich gemacht, typisch deutsch – bis ins Kleinste ausgearbeitet, Sicherheitsstrategie.

К другим положительным характеристикам можно отнести воинственность немцев. Однако она понимается скорее в положительном ключе. Исходя из анализа, немецкие граждане борются за справедливость, они дорожат жизнью и свободой:

kämpferisch, hart kämpfen, der Kampf, unabhängig sein, Menschenrechte, freie Medien, freie Meinung, freie Menschen.

К отрицательным качествам, выделяемым в немецких медиа, можно отнести немецкую бюрократию, которая известна и за пределами этой страны. Она вызывает явное недовольство у граждан. Практически все лексические единицы, отражающие данный этнический стереотип, обладают отрицательной коннотацией:

wirkliche Bürokratie, Bürokratie-Monster Deutschland, Bürokratie-Irrsinn, über Bürokratie schimpfen, XXL-Bürokratie.

Таким образом, этнические стереотипы, транслируемые немецкими официальными СМИ, обладают как положительной, так и отрицательной окраской, что говорит о нейтральной самооценке немецкого народа.

Что касается образа Германии в текстах СМИ Британии, нами были выявлены следующие группы гетеростереотипов: экономическая нестабильность, стремление к свободе, память о нацизме, суровый характер, стремление к налаживанию взаимосвязей между странами.

Этнический стереотип «экономический спад» является не только автостереотипом, но и гетеростереотипом. Этот признак присутствует также и в образе Германии, создаваемом британскими СМИ. На данный момент экономическая ситуация остаётся напряжённой во всём мире. И самые развитые страны не являются исключением, о чём свидетельствуют следующие словосочетания:

to enter a recession, Germany drops into recession, inflation remains high, to take a toll on the country's economy, doubt in the future of Germany, rising costs, to pin Germany at bottom of G7 economy, push Germany to brink of recession, hundreds of redundancies expected.

Не менее важным гетеростереотипом о Германии является память об эпохе нацизма. Этот гетеростереотип, вероятно, присутствует во всех странах, затронутых Второй мировой войной. При этом особое внимание уделяют также существующему в Германии неонацизму:

Neo-Nazis, extremists, a Nazi-past, fascism and nationalism, to be openly fascist.

Стремление немцев к свободе также упоминается в текстах британских СМИ. С целью выражения данной черты немецкого национального характера СМИ применяют соответствующие слова и словосочетания:

freedom, no dictatorship, democracy, want someone's freedom back.

Британские СМИ отмечают некоторую жёсткость в характере немцев:

endless infighting, violent attacks, to be furious, teach the art of war.

Однако этот гетеростереотип является противоречивым. Несмотря на то, что немцы для британцев – скорее суровый народ, они всё же выделяют их стремление к налаживанию взаимоотношений со странами-партнёрами:

mend fences, mend relations, the renewal of friendships.

Образ Германии в британских СМИ обладает преимущественно отрицательной коннотацией. Это подтверждает гипотезу о том, что гетеростереотипы преимущественно отрицательны.

Образ Великобритании в текстах британских и немецких СМИ

Как мы выяснили ранее, автостереотипный образ Германии на сегодняшний день обладает нейтральной оценкой, а гетеростереотипный – преимущественно отрицательной.

Что касается автостереотипного образа Великобритании, мы разбили его на несколько ЛФП: экономические проблемы, консервативность британского общества, озабоченность экологическими проблемами, важность классовой принадлежности.

Глобальная экономическая ситуация затронула в том числе и Великобританию. Однако главное отличие от похожего стереотипа о Германии заключается в том, что экономика Великобритании пострадала ещё и за счёт выхода Великобритании из Евросоюза:

high inflation, to pay the price, cost of living prices, savings are becoming worthless, Brexit – a catastrophic failure, the economic pain, Britain – the dustbin of Europe, a financial derailment, a punch in the guts, high unemployment.

Британцы считаются приверженцами традиций, одной из самых консервативных наций. Об этом свидетельствуют слова и словосочетания, полученные нами в результате сплошной выборки:

the Conservatives, new life to old traditions, conventional, high regard for tradition.

Кроме того, британцы совершенно не скрывают тот факт, что они являются одной из самых высокоинтеллектуальных наций. В британских СМИ подчёркивается высокий уровень и статус науки:

with a clever wit, cleverness, top scientists, science award, cleverness – a very British trait.

Проблемы в сфере экологии представляют важность не только для Германии. Великобритания также придаёт им не последнее значение, стараясь сохранить планету:

eco-friendly, damage of the environment, global heating, climate crisis, greening up, pollution.

К другим не менее важным автостереотипам относится значение социального статуса и классовое неравенство в британском обществе. Роль класса, богатства и статуса подчёркивается в том числе и в официальных медиа:

luxurious, the global elite, bog-standard, upper class, privileged winners, working class, new elite obsession, elite professions, metropolitan elite.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в автостереотипном образе Великобритании преобладают положительные черты. Однако напряжённая ситуация, как в мире, так и внутри страны, приводит также и к созданию негативного образа страны, использованию лексических единиц (ЛЕ) с отрицательной коннотацией.

Гетеростереотипный образ Великобритании в текстах немецких СМИ представлен неявно. Преимущественно в текстах немецких медиа сообщаются лишь факты об этой стране без дополнительной оценки.

Среди этнических стереотипов нами были выделены следующие группы: британская монархия, важность экологических проблем, любовь к богатству и роскошной жизни, брексит и его экономические последствия.

Британская монархия является, вероятно, наиболее распространённым гетеростереотипом, связанным с этой страной. Данный стереотип ярко представлен не только в немецких СМИ, но и в других странах. Именно с монархией прежде всего ассоциируется Великобритания. Подтверждение этой теории находит своё место и в текстах немецких газет:

König Charles III, die Krönung, Monarch, Royal, Queen Elizabeth, königliches Winken, Buckingham-Palast, die königliche Familie, sich als Königin etablieren.

Неустойчивая экономическая ситуация в Великобритании признаётся и в немецких СМИ. При этом немецкие СМИ возлагают ответственность за экономический спад в Великобритании исключительно на решение Великобритании выйти из Евросоюза. Брексит всячески критикуется в немецких газетах и считается роковым решением:

wirtschaftliche Katerstimmung, Wirtschaftswachstum hemmen, ein wirtschaftliches Disaster, die Gefahr von Handelskonflikten, ein Land im Krisenmodus, steigende Inflation, vor dem Kollaps stehen, Energiearmut.

Среди прочих гетеростереотипов важную роль играет любовь британцев к богатству и роскоши. Предположительно, это связано с тем, что Британия была одной из самых богатых стран мира. Эта черта британцев бросается в глаза немцам, для которых богатство играет меньшую роль:

ein Leben im Luxus und Glamour, Elite Englands, Geldsorgen sind fremd, in den besten Kreisen verkehren, Limousinen, Hochglanz.

Гетеростереотип о важности экологических проблем в жизни британцев является интегральным признаком образа Германии и Великобритании. Великобритания, как и многие другие развитые страны, прилагает усилия для сохранения природы. Этот стереотип занимает особое место в текстах немецких СМИ:

Grüne Finanzen, CO2 neutral, Plastikverschmutzung, Biobauernhof.

Несмотря на то, что этнические стереотипы о Британии на сегодняшний день практически отсутствуют в текстах немецких газет, образ Германии можно оценить как преимущественно нейтральный. Лексические единицы с отрицательной коннотацией используются немецкими СМИ исключительно для описания последствий Брексита.

Интегральные и дифференциальные признаки образа Германии и Великобритании в текстах немецких и британских СМИ

В результате проведённого анализа было выяснено, что в современном образе Германии и Великобритании имеется небольшое количество общих черт. Обе европейские страны обладают схожими качествами. Это связано с общими историческими событиями. К интегральным признакам можно отнести экономическую нестабильность в проанализированных странах, озабоченность экологической ситуацией. Оба стереотипа одновременно являются автостереотипами и гетеростереотипами. Экономические проблемы на данный момент наблюдаются у большинства стран мира. Они вызваны эпохой коронавируса, ситуацией на международной арене. Однако в Великобритании на спад экономики повлияло решение развиваться независимо от Евросоюза, что подвергается критике как со стороны британских, так и со стороны немецких СМИ.

Что касается дифференциальных признаков, то здесь можно сделать вывод, что они преобладают при сравнительно-сопоставительном анализе соответствующих лингвокультур. Тем самым подчёркивается их уникальность.

В автостереотипном образе Германии преобладают такие черты, как бюрократия, воинственность, стремление к справедливости, качественная и эффективная работа немцев, экономность.

Несмотря на то, что некоторые из этих стереотипов известны за пределами стра-

ны, в современных текстах СМИ Британии они обнаружены не были. Единственным совпадением стало стремление немцев к свободе. Этот гетеростереотип был выделен в текстах британских газет.

В британских СМИ Германия выделяется за счёт сурового характера, памяти времён нацизма, стремления к налаживанию взаимоотношений с другими странами.

Автостереотипный образ Великобритании характеризуется следующими качествами: консервативностью британцев, особой ролью принадлежности к тому или иному классу. В немецкой лингвокультуре такие черты полностью отсутствуют. Жители Германии менее консервативны, а классовое неравенство не играет в Германии такой важной роли.

Однако гетеростереотипный образ Великобритании в немецком медиадискурсе отличается от самооценки этой страны. Что касается гетеростереотипного образа, то здесь к интегральным признакам Великобритании можно отнести особое положение британской монархии, приверженность богатству и роскошной жизни. В немецкой лингвокультуре монархия полностью отсутствует, являясь реалией Великобритании, а уровень дохода населения не играет важной роли в межличностных отношениях.

Заключение

Цель нашего исследования заключалась в сравнительно-сопоставительном анализе образа Германии и Великобритании в немецком и британском медиадискурсах.

Для достижения цели нами была составлена выборка ключевых слов из

текстов немецких и британских СМИ, проведена классификация ЛЕ по стереотипным признакам. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены интегральные и дифференциальные признаки стереотипного образа вышеупомянутых лингвокультур. В результате анализа мы пришли к выводу, что в образе Германии и Великобритании преобладают различия, хотя имеют место отдельные интегральные признаки.

Кроме того, было выявлено, что в автостереотипном образе Великобритании преобладают положительные черты, а самооценку немецкого народа можно охарактеризовать как нормальную.

Образ Германии в западных СМИ обладает преимущественно отрицательной коннотацией. При этом гетеростереотипный образ Великобритании в немецких СМИ оказался нейтральным.

Таким образом, теоретическая значимость исследования направлена на усовершенствование сравнительно-сопоставительного анализа этнических стереотипов, в частности в медиа Германии и Великобритании. Результаты работы расширяют наши представления о парадигматическом взаимодействии языковых средств, транслирующих этнические стереотипы.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в рамках занятий по практике речевого общения английского и немецкого языков, лингвокультурологии, сопоставительной лексикологии и межкультурной коммуникации.

Дата поступления в редакцию 08.08.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусева А. Е. Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2007. № 1. С. 247–254.
2. Жерновая О. Р. Этнокультурные стереотипы как отражение меняющейся культурной и политической действительности общества // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 109–113.
3. Жихарева Н. А., Яковлева Е. П. Стереотипы как средства влияния на массовое сознание в политическом дискурсе // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 2. С. 31–40. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4.

4. Жуковская Н. В., Нужнова Е. Е. Языковые средства отражения этнических стереотипов в современных СМИ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 1. С. 74–81. DOI: 10.15593/2224-9389/2020.1.7.
5. Кириллова Н. Н. К вопросу о стереотипах во фразеологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2002. Т. 2. № 2. С. 129–140.
6. Липпман У. Общественное мнение. М.: ИФ «Общественное мнение», 2004. 384 с.
7. Национально-культурная специфика во фразеологии / Хатхе А., Читао И., Аутлева Ф., Хуажева Н., Тешева М., Шхалахова Р. // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. № 49-3. С. 21–23.
8. Новиков А. Л., Новикова И. А. Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 977–989. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989.
9. Попова В. О., Балезина Е. А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 2 (22). С. 88–94.
10. Прожилов А. В. К вопросу о стереотипах в лингвистике // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 6. С. 78–82.
11. Серегина М. А. Стереотипы лингвокультурного сообщества в зеркале немецкой паремиологии // Филология: научные исследования (сетевое издание). 2020. № 3. С. 74–81. URL: <https://nbpublish.com/fmag/> (дата обращения: 08.01.2023). DOI: 10.7256/2454-0749.2020.3.30062.
12. Тереньтева С. С. Этнонимы как средства выражения национальных стереотипов в английском языке // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (Саратов, 27 января 2021 г.). Саратов: ИП Емельянов Николай Владимирович, 2021. С. 166–168.
13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, Наука, 2012. 256 с.

REFERENCES

1. Gusseva A. Ye. [Contrastive phraseology: state & development prospects]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2007, no. 1, pp. 247–254.
2. Zhernovaya O. R. [Ethnic-cultural stereotypes as a reflection of changing cultural and political reality of a society]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2010, no. 2 (32), pp. 109–113.
3. Zhikhareva N. A., Yakovleva E. P. [Stereotypes as means of influencing mass consciousness in political discourse]. In: *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research result. Theoretical and Applied Linguistics], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 31–40. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4.
4. Zhukovskaya N. V., Nuzhnova E. E. [Language means for reflecting ethnic stereotypes in modern mass media]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], 2020, no. 1, pp. 74–81. DOI: 10.15593/2224-9389/2020.1.7.
5. Kirillova N. N. [On the problem of stereotypes in phraseology]. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2002, vol. 2, no. 2, pp. 129–140.
6. Lippman U. *Obshchestvennoye mneniye* [Public opinion]. Moscow, IF «Obshchestvennoye mneniye» Publ., 2004. 384 p.
7. Khatkhe A., Chitao I., Autleva F., Khuazheva N., Tesheva M., Shkhalakhova R. [National-cultural specificity in phraseology]. In: *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2020, no. 49-3, pp. 21–23.
8. Novikov A. L., Novikova I. A. [Ethnic stereotypes in intercultural communication: psychological and semantic aspects]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2019, vol. 10, no. 4, pp. 977–989. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989.

9. Popova V. O., Balezina E. A. [Role of mass media in formation of stereotypes of mass consciousness]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"], 2015, no. 2 (22), pp. 88–94.
10. Prozhilov A. V. [On the issue of stereotypes in linguistics]. In: *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov], 2013, no. 6, pp. 78–82.
11. Seregina M. A. [Stereotypes of linguocultural community in the mirror of German paremiology]. In: *Filologiya: nauchnyye issledovaniya (setevoye izdaniye)* [Philology: Scientific Researches (online edition)], 2020, no. 3, pp. 74–81. Available at: https://nbpublish.com/e_fmaga (accessed: 08.01.2023). DOI: 10.7256/2454-0749.2020.3.30062.
12. Teren'teva S. S. [Ethnonyms as a means of expressing national stereotypes in English]. In: *Novyye impul'sy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovaniy: sbornik statey VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Saratov, 27 yanvarya 2021 g.)* [New development impulses: issues of scientific research: collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference (Saratov, January 27, 2021)]. Saratov, IP Yemelyanov Nikolay Vladimirovich Publ., 2021, pp. 166–168.
13. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2012. 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусева Алла Ефимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения;
e-mail: angst51@rambler.ru

Прокофьева Ольга Владимировна – аспирант кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения;
e-mail: olya.prokofeva.99@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla E. Guseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German and Romance philology, State University of Education;
e-mail: angst51@rambler.ru

Olga V. Prokofeva – Postgraduate Student, Department of German and Romance philology, State University of Education;
e-mail: olya.prokofeva.99@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гусева А. Е., Прокофьева О. В. Этнические стереотипы в текстах немецких и британских СМИ // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 21–29.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-21-29

FOR CITATION

Guseva A. E., Prokofeva O. V. Ethnic stereotypes in the texts of German and British media. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 21–29.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-21-29

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-30-39

КОМПОНЕНТЫ ИНФОРМАТИВНОГО КОДА В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ОБ АРХИТЕКТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ИЗ ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА»)

Колядин А. В.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, Российская Федерация

Аннотация

Цель: выявить особенности интерпретации концептосферы публицистического текста об архитектуре арабского мира в журнале «Вокруг света».

Процедура и методы. Проведён лингвокогнитивный анализ статей «Поскутное одеяло каирских кварталов» (Д. Виноградов) и «Не только небоскребы: 6 необычных архитектурных проектов Абу-Даби», определены основные компоненты концептосферы данных публицистических текстов.

Результаты. В ходе проведённого анализа был сделан вывод, что статьи «Поскутное одеяло каирских кварталов» Д. Виноградова и «Не только небоскребы: 6 необычных архитектурных проектов Абу-Даби» имеют концептосферу, в которых выявлено два концепта-доминанты – ГОРОД и АРХИТЕКТУРА, описывающих архитектуру Каира и Абу-Даби. Эти концепты-доминанты репрезентируют городское пространство как пространство культуры, сочетающей в себе как традиционные, так и современные элементы.

Теоретическая значимость данной статьи заключается в обобщении теоретического материала по проблеме построения и структуры концептосферы публицистических текстов, определения основных характеристик концептосферы подобных текстов. **Практическая значимость** статьи определяется составлением собственной классификации структурных компонентов концептосферы в рамках описания архитектурного пространства на примере анализируемого материала.

Ключевые слова: концептосфера, публицистический текст, лингвокультурема, концепт, концепт-доминанта, арабский мир

COMPONENTS OF INFORMATIVE CODE IN THE CONCEPTUAL SPHERE OF A JOURNALISTIC TEXT ABOUT ARCHITECTURE: AN ANALYSIS OF ARTICLES FROM THE MAGAZINE “AROUND THE WORLD”

A. Koliadin

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
ulitsa Mira 19, Ekaterinburg 620002, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the features of the interpretation of the concept sphere of a journalistic text about the Arab world architecture in the magazine “Around the World”.

Methodology. The linguistic-cognitive analysis of D. Vinogradov's article "The Patchwork of Cairo Quarters" and "Not only skyscrapers: 6 unusual architectural projects of Abu Dhabi" was carried out, the main components of the concept sphere of these journalistic texts were determined.

Results. In the course of the analysis, it was concluded that D. Vinogradov's articles "The Patchwork of Cairo Quarters" and "Not only skyscrapers: 6 unusual architectural projects of Abu Dhabi" have a concept sphere with two dominant concepts, CITY and ARCHITECTURE, which describe the architecture of Cairo and Abu Dhabi. These dominant concepts represent urban space as a space of culture combining both traditional and modern elements.

Research implications. The theoretical significance of this article lies in the generalization of the theoretical material on the problem of the construction and structure of the concept sphere of journalistic texts, the definition of the main characteristics of the concept sphere of such texts. The practical significance of the article is determined by the compilation of its own classification of the structural components of the conceptual sphere within the framework of the description of the architectural space on the example of the analysed material.

Keywords: concept sphere, journalistic text, linguistic culture, concept, concept dominant, Arab world

Введение

Актуальность проблемы, которая рассматривается в данной статье, связана с тем, что каждый текст имеет определённую лингвистическую структуру, которая определяется концептами и их номинативными полями. Важно понимать, что в зависимости от тематических особенностей и стилистики текста эта структура будет иметь свою специфику [16].

Формирование художественной модели мира, которая осуществляется автором при создании любого текста, в том числе и публицистического, – это сложный процесс поиска наиболее подходящих и стилистически маркированных концептов и их номинативных полей, которые максимально точно сформируют определённую атмосферу, которую автор хочет передать в своём тексте.

Проблема моделирования текстового концепта затрагивается в работах Е. А. Огневой [9–11], рассматривающей структуру концепта и содержание концептосферы текста с различных точек зрения. А. Н. Афолина и А. В. Клименко [1; 6] исследовали частные вопросы структурирования концепта в разного типа текстах, в том числе публицистических.

Цель статьи – выявить особенности интерпретации концептосферы публицистического текста об архитектуре арабского мира в журнале «Вокруг света».

Объект исследования – концепты-доминанты публицистического текста.

Предмет исследования – особенности построения концептов-доминант в концептосфере публицистического текста об архитектуре арабского мира в журнале «Вокруг света».

Методология исследования – лингвистический анализ, контент-анализ, сравнительно-сопоставительный анализ.

1. Терминологические аспекты исследования

Для проведения анализа концептосферы публицистических текстов важно понимать сущность некоторых терминов, которые используются исследователями в научной литературе, посвящённой данной проблематике.

Так, под концептом в научной литературе понимается определённая смысловая категория, которая выражается в специальных лексических единицах конкретного языка, в совокупности формирующих некую художественную модель мира [7, с. 40] как достояние социума в

целом и как единицу культурно-исторического наследия [5, с. 23].

Концепт всегда содержит ядро и периферийные единицы, сочетание которых позволяет выделить концепты-доминанты, под которыми понимаются те концепты, которые в ядерно-периферийной концептосфере определённого текста занимают главенствующее место [6].

Кроме того, в каждой концептосфере выделяется такое понятие, как «номинативное поле концепта», под которым понимается комплекс лексических единиц, которые формально или семантически отражают сложившуюся в тексте художественную модель мира [6].

При этом, согласно другому определению, данное понятие обозначает те речевые средства и приёмы, осуществляющие объективизацию или вербализацию определённых явлений с учётом конкретного временного периода, в который они используются [3].

По мнению В. З. Демьянкова, под концептом понимается содержательная сторона, которая характеризует каждый словесный знак. Концепт обозначает какое-то реальное явление, которое существует в материальной или духовной сфере жизни человека и общества [2, с. 606].

Каждый автор, создающий тот или иной текст, осуществляет моделирование концепта, которое предполагает формирование архитектоники, свойственной именно данному тексту и имеющей ядерно-периферийный характер. В процессе моделирования концепта формируется комплекс субконцептов, имеющих различные номинативные поля, представляющие собой совокупность номинантов или специальных концепт-элементов [7, с. 63].

И. А. Стернин выделяет в своём исследовании три основных этапа, на которых строится процесс моделирования концепта, в частности:

1) формирование макроструктуры создаваемого концепта, которая основана на соответствии ряда познавательных

признаков информационному и художественному компонентам, а также определение их места и роли в структуре всего концепта;

2) обозначение структуры концепта категориального характера, которая обусловлена тем, какие познавательные классификационные признаки осуществляют концептуализацию явления или предмета, а также составление их иерархии в структуре концепта;

3) создание полевой структуры концепта, которая связана с выделением ядра, а также периферий различной отдалённости от ядра [12, с. 123].

Концепт-доминанта, который существует в тексте, имеет собственный информативный код – комплекс лексических единиц и их грамматических соединений, являющихся основой для построения номинативного поля концепта-доминанта [14].

В рамках информативного кода «концепта-доминанта» выделяется целый ряд понятий, посредством которых этот код может анализироваться и оцениваться: проксемы, колоративы, глутонимы и др.

Например, пространственные лексические единицы и грамматические сочетания в тексте обозначаются как проксеммы. При этом отмечается, что проксеммы, которые используются в тексте, могут дифференцироваться на два основных типа – с вертикальной и горизонтальной осями [11, с. 55].

Те номинанты, которые имеют отношение ко времени (или темпоральной организации художественного пространства), называются в научной литературе хронемами [8].

Для обозначения цветовых характеристик пространства используются колоративы, которые могут представлять собой указание на конкретные, реально существующие цвета, или описываться лексическими единицами, которые формируют цвет в воображении читателя [4].

В рамках описания пищи в текстах авторы используют глутонимы. При этом

нужно отметить, что это не только те лексические единицы, которые непосредственно обозначают продукты питания, это слова или словосочетания, которые прямо или косвенно относятся к концепту «Пища». В частности, особое внимание уделяется тем лексическим единицам или их грамматическим соединениям, которые обозначают запахи пищи или ассоциируются у читателей с ними [1, с. 23].

Для обозначения названий городских топонимов используются такие компоненты информативного кода «концепта-доминанта», как топонимы, которые основаны на названиях улиц, а также агоронимы, обозначающие названия площадей.

При этом все названия, которые обозначаются культурно значимыми именами собственными, в научной литературе обозначаются как лингвокультуремы, которые могут основываться на реальных названиях или именах, а также на тех, которые вымышлены автором для повышения художественной ценности и стилистической окраски текста¹.

Анализ комплекса лексических единиц в публицистическом тексте способствует восприятию лингвокультурного кода, так как «в нем содержится структурная модель какой-либо области бытия» [13, с. 59].

2. Анализ концептосферы текста статьи Д. Виноградова «Лоскутное одеяло каирских кварталов»

Для проведения анализа концептосферы публицистического текста об архитектуре арабского мира нами была выбрана статья Д. Виноградова «Лоскутное одеяло каирских кварталов», которая была опубликована в 2008 г. в журнале «Вокруг света»². Объем анализируемого

материала составляет 1934 слова. Выбор статьи обусловлен ярко выраженной корреляцией национальной специфики архитектурных объектов города, построенных его жителями различных национальностей, культурных традиций и религиозных мировоззрений.

В анализируемом материале выявлено следующее количество лексических единиц, формирующих информацию о культурном коде: (1) десять проксем, репрезентирующих вертикальную пространственную ось: «цитадель на неприступной скале», «возвышаются загадочные локаторы», «70-метровые минареты», «спиралевидный минарет», «грот в глубине церкви», «подвешенная церковь», «двухэтажная высокая лестница», «возвышается один из символов», «уровень воды», «повышается на 10 метров»; (2) шесть проксем, репрезентирующих горизонтальную пространственную ось: «самое большое кладбище в мире», «в противоположную сторону от цитадели», «вне туристических троп», «вагон заполнен исключительно женщинами», «вплотную к соседним домам», «плоские двухмерные»; (3) шесть проксем, репрезентирующих горизонтально-вертикальную пространственную и вертикально-горизонтальную пространственную оси «макет в натуральную величину», «огромные ворота», «стены вокруг города», «аккуратно обнесены забором», «музей под открытым небом», «большой каменный сарай»; (4) семь лингвокультурем: «Египет», «Каир», «пирамиды Гизы», «Африка», «Ближний Восток», «Нил», «Архангел Михаил»; (5) три хронемы – «не ограничен 10 веками ее основания», «в VII веке», «в 1975 году»; (6) пять глутонимов – «пряности», «благовония», «вкус», «кофейни», «чай».

С точки зрения фундаментального подхода, в тексте статьи Д. Виноградова можно выделить два концепта-доминанта – ГОРОД и АРХИТЕКТУРА, которые включают в себя субконцепты, например, ЗДАНИЕ.

¹ См.: Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2022. С. 99.

² См.: Виноградов Д. Лоскутное одеяло каирских кварталов [Электронный ресурс] // Вокруг света: [сайт]. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/telegraph/globe/620/> (дата обращения: 21.11.2022).

Эти субконцепты образованы различными номинативами, выраженными как в лексических единицах, так и в словосочетаниях, которые имеют определённую стилистическую окраску и в некоторых случаях отражают экспрессию, вызванную эмоциями, полученными автором статьи из журнала «Вокруг света» во время путешествия по Каиру.

Самым большим блоком информативного кода концептосферы рассматриваемой статьи являются проксемы, которые предпочтительно использует автор для создания описаний увиденного в Каире.

В тексте можно встретить проксемы, в семантике которых отражена как вертикальная, так и горизонтальная оси. К проксемам с вертикальной осью в тексте статьи можно отнести следующие номинанты: «цитадель на неприступной скале», «возвышаются загадочные локаторы», «70-метровые минареты», «спиралевидный минарет», «грот в глубине церкви», «подвешенная церковь», «двухэтажная высокая лестница», «возвышается один из символов», «уровень воды», «повышается на 10 метров».

К проксемам с горизонтальной осью относятся такие номинанты, как: «самое большое кладбище в мире», «в противоположную сторону от цитадели», «вне туристических троп», «вагон заполнен исключительно женщинами», «вплотную к соседним домам», «плоские двухмерные».

Кроме того, в тексте статьи были обнаружены смешанные типы проксем, например: «макет в натуральную величину», «огромные ворота», «стены вокруг города», «аккуратно обнесены забором», «музей под открытым небом», «большой каменный сарай».

Довольно часто в тексте статьи Д. Виноградова встречаются различные лингвокультуры, которые можно разделить на несколько групп:

а) названия стран («Египет», «Израиль» и др.);

б) названия городов («Каир», «Багдад» и др.);

в) названия архитектурных сооружений (например, «пирамиды Гизы»);

г) другие названия территорий (например, «Африка», «Ближний Восток»);

д) иные топонимы (например, «Нил»);

е) имена людей, исторических персоналий и мифологических / религиозных персонажей (например, «Архангел Михаил»).

Встречаются в тексте статьи Д. Виноградова «Лоскутное одеяло каирских кварталов» и хронемы, среди которых есть конкретные указания на исторические периоды, например: «не ограничен 10 веками ее основания», «в VII веке», «в 1975 году», а также присутствуют лексические единицы или словосочетания, которые не уточняют определённый период времени, но относятся к номинативному полю концепта «Время», например, «до поздней ночи», «самая старая часть», «молод», «куда старше его самого», «самый древний из существующих».

Немаловажную роль в описаниях Каира, с точки зрения концепта-доминанта «Город», играют глютонимы, которые определяют запахи и вкусы описываемого населённого пункта, не касаясь его архитектуры. Так, в тексте статьи можно выделить такие глютонимы, как: «пряности», «благовония», «вкус», «кофейни», «чай».

При этом нужно отметить, что Д. Виноградов недостаточное внимание уделял колоративам, включив в описания лишь номинанты, которые косвенно можно отнести к глютонимам: «яркий» и «окутанные дымкой испарений».

3. Анализ концептосферы текста редакционной статьи «Не только небоскребы: 6 необычных архитектурных проектов Абу-Даби»

Следующим материалом для проведения анализа концептосферы публицистического текста об архитектуре арабского мира была выбрана редакционная статья «Не только небоскребы: 6 необычных архитектурных проектов Абу-Даби», которая была опубликована в феврале

2022 г. в журнале «Вокруг света»¹. Анализируемый материал состоит из 559 слов. Привлечение данной статьи для анализа было обусловлено тем, что материал презентует не характерные для данного мегаполиса небоскрёбы, как того следовало бы ожидать, а знакомит с совершенно иными архитектурными объектами традиционной застройки.

Проведённый анализ выявил наличие следующих лексических компонентов культурного кода: (1) пятнадцать проксем, репрезентирующих пространственную ось: «периметр здания», «затейливая восьмиугольная форма», «зона отдыха», «фасады», «колонны», «окна», «своды», «деревянная отделка», «асимметричные стальные арки», «конусообразные элементы», «современная интерпретация традиционного ближневосточного базара», «ансамбль трех храмов: мечети имама Аль Тайеба, церкви Святого Франциска и синагоги Моисея Бен Маймона», «Лувр Абу-Даби», «музей», «арабские ветряные башни»; (2) шесть собственных имён, выраженных антропонимами «мечеть имама Аль Тайеба», «церковь Святого Франциска», «синагога Моисея Бен Маймона», «Мост Шейха Зайда», «Лувр Абу-Даби», «Музей Гутгенхайма»; (3) четыре колоратива: «дождь света», «солнечные блики», «динамика света и тени», «игра света»; (4) три лингвокультуемы: «восточный орнамент», «арабские ветряные башни», «ближневосточный базар»; (5) две хрономы: «2022», «2025»; (6) один глутоним: «редкие пряности и деликатесы».

В данной статье, посвящённой архитектуре города Абу-Даби, также в качестве концептов-доминантов могут быть выделены ГОРОД и АРХИТЕКТУРА. При этом статья отличается гораздо более выраженным фокусом на архи-

тектурных объектах, чем обусловлена высокая частотность проксем в тексте. Примечательно, что нередко эти проксеммы репрезентируют не отдельные части пространства («периметр здания», «затейливая восьмиугольная форма», «зона отдыха», «фасады», «колонны», «окна», «своды», «деревянная отделка», «асимметричные стальные арки», «конусообразные элементы» и др.), а завершённые целостные пространства, которые сами по себе могут восприниматься как артефакты пространственной культуры: «современная интерпретация традиционного ближневосточного базара», «ансамбль трех храмов: мечети имама Аль Тайеба, церкви Святого Франциска и синагоги Моисея Бен Маймона», «Лувр Абу-Даби», «музей», «арабские ветряные башни». Использование в тексте номинаций целостных завершённых пространств позволяет автору насытить описание культурными символами, что хорошо согласуется с идеей статьи, согласно которой современная архитектура Абу-Даби вбирает в себя «как визионерский дух Ближнего Востока, так и идеи сохранения традиций, гуманизма, бережного отношения к природе и миру».

Неповторимость и индивидуальность описываемых в статье архитектурных объектов подчёркивается именами собственными, такими как: мечеть имама Аль Тайеба, церковь Святого Франциска, синагога Моисея Бен Маймона, Мост Шейха Зайда, Лувр Абу-Даби, Музей Гутгенхайма и др. В то же время содержательное наполнение этих архитектурных объектов, помимо отмеченных ранее проксем, раскрывается с помощью колоративов: «дождь света», «солнечные блики», «динамика света и тени», «игра света». Обращает на себя внимание доминирование в информативном коде статьи колоративов, связанных с солнечным светом, что передаёт природно-климатические особенности описываемого города. В некоторых случаях колоративная функция косвенно выполняется сочета-

¹ См.: Не только небоскребы: 6 необычных архитектурных проектов Абу-Даби [Электронный ресурс] // Вокруг света: [сайт]. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/ne-tolko-neboskreby-6-neobychnykh-arkhitekturnykh-proektov-abu-dabi-id717204/> (дата обращения: 10.01.2023).

нием проксем с атрибутами, указывающими на цветовые характеристики пространства: «аравийское небо встречается с золотыми песками Саадията и водами Персидского залива».

Глютонимы выполняют в анализируемом тексте сравнительно меньшую роль, примечательна, однако, их культурная насыщенность – в тексте упоминаются глютонимы, устойчиво ассоциирующиеся с культурой Ближнего Востока: «редкие пряности и деликатесы» упоминаются автором текста как составляющие пространства ближневосточного базара. В то же время при описании городской архитектуры регулярно используются лингвокультуемы, которые обеспечивают связь описываемых объектов с арабской культурой. К таким лингвокультуемам могут быть отнесены номинанты «восточный орнамент», «арабские ветряные башни», «ближневосточный базар». Во многих случаях разграничение лингвокультурем и проксем затруднено ввиду того, что автор мыслит архитектурное пространство как неотъемлемую часть современной арабской культуры, представляющей для русскоязычного автора «чуждую реальность» [15]. На связь с современностью при этом указывают хрононимы – обозначения годов «2022», «2025», а также прилагательные типа «современный».

Заключение

В ходе анализа концептосфер двух публицистических текстов об архитектуре арабского мира, который был проведён на материале статей Д. Виноградова «Лоскутное одеяло каирских кварталов», а также «Не только небоскребы: 6 необычных архитектурных проектов Абу-Даби», опубликованных в журнале «Вокруг света», было выявлено, что авторами было смоделировано два концепта-доминанта: ГОРОД и АРХИТЕКТУРА.

В этих концептах-доминантах выделяется достаточно большое количество субконцептов, которые состоят из различных номинантов, составляющих ин-

формационный код двух рассмотренных публицистических текстов.

Основными компонентами информационного кода двух проанализированных статей являются проксем, семантика которых указывает на вертикальную и горизонтальную пространственные оси, а также смешанные проксем и лингвокультуемы, дифференцированные на несколько видов: топонимы, глютонимы и имена собственные.

Проведённый анализ материала позволил нам представить сравнительно-сопоставительную модель двух городов, Каира и Абу-Даби. Совокупно они репрезентируют концепцию арабской архитектуры как гармонично сочетающей в себе традиционные и современные культурные элементы, как пространство культурного диалога.

Теоретическая значимость исследования заключается в пополнении теории дискурса новыми данными о частотности компонентов информативного кода в публицистических статьях об арабском мире, написанных русскоязычными авторами, в дополнении теории межкультурной коммуникации новым лингвоматериалом об архитектуре арабского мира, осмысленной сквозь призму инокультурных авторов, а также в дополнении лингвокогнитивистики новым подходом к интерпретации концептов-доминант через рассмотрение компонентов информативного кода концептосферы публицистического текста.

Практическая значимость нашего исследования связана с составлением собственной классификации структурных компонентов информативного кода концептосферы в рамках описания архитектурного пространства публицистического дискурса, что может быть применено в лекциях и на практических занятиях по дискурсологии, межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистике и теории текста.

Дата поступления в редакцию 14.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Афонина А. Н. Глуттонимы современного немецкого языка // Научный потенциал. 2012. № 2 (7). С. 23–27.
2. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 606–622.
3. Жирова И. Г. От слова к значению слова и концепту // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1-1 (55). С. 111–115.
4. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10 (44). С. 4–11.
5. Клевцова В. М. Некоторые вопросы теоретической градации концептов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 1. С. 20–25.
6. Клименко А. В. Особенности построения номинативного поля концепта (на материале повести Н. В. Гоголя «Невский проспект») // Международный студенческий научный вестник (сетевое издание). 2018. № 5. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18948> (дата обращения: 20.11.2022).
7. Кульпина В. Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. 695 с.
8. Кушнерук С. Л. «Мир дискурса» в аспекте когнитивного моделирования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (34). С. 105–114.
9. Огнева Е. А. Архитектоника научно-популярного концепта-доминанты «географические открытия» в свете интерпретативного моделирования // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 2. С. 78–94. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-8.
10. Огнева Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. М.: Эдитус, 2019. 190 с.
11. Огнева Е. А. Типология текстовых проксем в свете романо-германского перевода // Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (78). С. 54–58. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-78-2-054-058.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Учебное издание. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. 598 с.
13. Савицкий В. М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 55–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62.
14. Alefirenko N. F., Stebunova K. K. Linguo-philosophic substance of a symbol // Anthropology, archaeology, history and philosophy: International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2015 (Bulgaria, Albena, 26 aug.-1 sent). Albena: STEF92 Technology Ltd., 2015. Book 3, Vol. 1. P. 607–613 [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/15796> (дата обращения: 26.02.2023).
15. Alien reality I source text and its reflection in translation / Khukhuni G., Vekovishcheva S., Pugina E., Kholstinina T. // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 210. Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020). P. 21013. DOI: 10.1051/e3sconf/202021021013.
16. Text definitions of classifying type / Sedykh A. P., Bezrukova E. I., Krivchikova N. L., Kudryavtseva N. B., Naydenova M. V., Skokova T. N., Moiseeva S. A. // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7. No. 5. P. 811–815. DOI: 10.18510/hssr.2019.75103.

REFERENCES

1. Afonina A. N. [Gluttonyms of the modern German language]. In: *Nauchnyy potentsial* [Scientific potential], 2012, no. 2 (7), pp. 23–27.
2. Demyankov V. Z. [The term “concept” as an element of terminological culture]. In: *Yazyk kak materiya smysla: sbornik statey v chest' akademika N. Yu. Shvedovoy* [Language as a matter of meaning: a collection of articles in honor of academician N. Yu. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007, pp. 606–622.
3. Zhirova I. G. [From word to word meaning and concept]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, no. 1-1 (55), pp. 111–115.

4. Karasik V. I. [The concept as a unit of linguistic cultural code]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2009, no. 10 (44), pp. 4–11.
5. Klevtsova V. M. [Some questions of the theoretical gradation of concept]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2009, no. 1, pp. 20–25.
6. Klimenko A. V. [Construction's features of the concept's nominative field (based on the story "Nevsky prospekt" by N. V. Gogol)]. In: *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik (setevoye izdaniye)* [International Student Scientific Bulletin (online publication)], 2018, no. 5. Available at: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18948> (accessed: 20.11.2022).
7. Kulpina V. G. *Teoreticheskiye aspekty lingvistiki tsveta kak nauchnogo napravleniya sopostavitel'nogo yazykoznaniya: diss. ... dokt. filol. nauk* [Theoretical aspects of linguistics of color as a scientific direction of comparative linguistics: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2002. 695 p.
8. Kushneruk S. L. ["World of discourse" in cognitive modeling perspective]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2013, no. 1 (34), pp. 105–114.
9. Ogneva E. A. [Architectonics of the popular science concept-dominant "Geographical discoveries" in the light of interpretative modeling]. In: *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 78–94. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-8.
10. Ogneva E. A. *Kontsepty-dominanty kak informativnyye konstrukty tekstovykh mirov* [Dominant concepts as informative constructs of text worlds]. Moscow, Editus Publ., 2019. 268 p.
11. Ogneva E. A. [Proxemes typology in the point of view of Romance and Germanic translation]. In: *Gumanitarnyye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2021, no. 2 (78), pp. 54–58. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-78-2-054-058.
12. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST «Vostok-Zapad» Publ., 2007. 598 p.
13. Savitsky V. M. [The concept of linguocultural codes: a rationale the theoretical substantiation of the concept of linguocultural codes]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Linguistics], 2016, no. 2, pp. 55–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62.
14. Alefirenko N. F., Stebunova K. K. Linguo-philosophic substance of a symbol. In: *Anthropology, archaeology, history and philosophy: International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2015 (Bulgaria, Albena, 26 aug.-1 sent)*. Albena, STEF92 Technology Ltd., 2015. Book 3, vol. 1, pp. 607–613 Available at: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/15796> (accessed: 26.02.2023).
15. Khukhuni G., Vekovishcheva S., Pugina E., Kholstinina T. Alien reality I source text and its reflection in translation. In: *E3S Web of Conferences*, 2020, vol. 210. Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020), pp. 21013. DOI: 10.1051/e3sconf/202021021013
16. Sedykh A. P., Bezrukova E. I., Krivchikova N. L., Kudryavtseva N. B., Naydenova M. V., Skokova T. N., Moiseeva S. A. Text definitions of classifying type. In: *Humanities and Social Sciences Reviews*, 2019, vol. 7, no. 5, pp. 811–815. DOI: 10.18510/hssr.2019.75103.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колядин Антон Валерьевич – ассистент подготовительного отделения для иностранных учащихся, Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
e-mail: kav3105@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton V. Koliadin – Assistant of the preparatory department for foreign students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin;
e-mail: kav3105@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колядин А. В. Компоненты информативного кода в концептосфере публицистического текста об архитектуре (на материале статей из журнала «Вокруг света») // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 30–39.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-30-39

FOR CITATION

Koliadin A. V. Components of informative code in the conceptual sphere of a journalistic text about architecture: an analysis of articles from the magazine “Around the World”. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 30–39.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-30-39

УДК 81 33

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-40-52

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА НОРМАТИВНОГО ТИПА ИСПАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ларионова М. В., Фокина А. Д.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

Аннотация

Цель статьи состоит в изучении когнитивно-семантических механизмов формирования значений юридических терминов и выявлении инвариантности их концептуальных доминант как условия обеспечения сопоставимости понятий при переводе.

Процедура и методы. Используются методы сравнительно-сопоставительного, семантического, контекстуального, интерпретативного и дискурс-анализа, обеспечивающие соблюдение логического закона тождества и недопущения смысловых ошибок при проведении когнитивно-семантических исследований терминологии в сравнительном правоведении.

Результаты. Рассмотрены различные подходы к переводу ряда испанских терминов, которые имеют аналоги в наследственном праве России, но требуют уточнения ввиду их полисемии – *sucesión* и *herencia*, а также безэквивалентных терминов, характерных для наследственного права Испании – *colación* и *mejora* и однокоренных слов.

Теоретическая и практическая значимость. В контексте возрастающего интереса к сравнительно-правовым исследованиям в статье рассматриваются трудности толкования и перевода правовых терминов юридического дискурса, обусловленные полисемией, синонимией, а также безэквивалентностью терминов в различных языках. Предложены логические и дискурсивные алгоритмы перевода, позволяющие соотнести семантический объём понятий, выражаемых профессиональными терминами испанского и русского юридического дискурса, для их адекватной интерпретации, исключающей возможные искажения или смысловую неопределённость.

Ключевые слова: испанский язык, нормативный дискурс, термин, юридический дискурс, юридический перевод, юридическая терминология

DIFFICULTIES OF TERMINOLOGY TRANSLATION IN THE CONTEXT OF ANALYZING THE NORMATIVE TYPE OF SPANISH LEGAL DISCOURSE

M. Larionova, A. Fokina

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (MGIMO University)
prospekt Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the cognitive-semantic mechanisms of forming the meanings of legal terms and to reveal the invariance of their conceptual dominants as a condition for ensuring the comparability of concepts when translating.

Methodology. The methods of comparative, semantic, contextual, interpretive and discourse analysis are used in order to ensure compliance with the logical law of identity and to avoid semantic errors when conducting cognitive and semantic studies of terminology in comparative jurisprudence.

Results. The article considers different approaches to the translation of Spanish terms that have analogues in Russian inheritance law, but require clarification due to their polysemy – *sucesión* and *herencia*, as well as non-equivalent terms characteristic of Spanish inheritance law – *colación* and *mejora* and their derivatives.

Research implications. In the context of growing interest in comparative legal research, the article focuses on the difficulties of interpretation and translation of legal terms in legal discourse due to polysemy, synonymy, as well as non-equivalence of terms in different languages. Logical and discursive algorithms of translation are proposed, allowing to correlate the semantic volume of concepts expressed by professional terms of Spanish and Russian legal discourse for their adequate interpretation, excluding possible distortions or semantic uncertainty.

Keywords: juridical terminology, juridical translation, legal discourse, normative discourse, Spanish language, term

Введение

Проблемы, возникающие при переводе юридических текстов, обусловлены необходимостью правильного толкования иностранных правовых понятий и поиском наиболее точного термина, используемого в языке, на который осуществляется перевод, с целью избежать возможных искажений или смысловой неопределённости. Качественный перевод, критериями которого являются адекватность, эквивалентность, равноценность и инвариантность (в рамках достижимого), требует исследования семантики переводимого термина в юридическом дискурсе, анализ которого начинается с законодательства. Конечным результатом указанного процесса должен стать оптимальный перевод, который обеспечит создание если не тождественного, то по меньшей мере коммуникативно равноценного переводного текста, позволяющего передать смысл исходного текста русскоговорящему реципиенту, обладающему надлежащими правовыми познаниями и зачастую не владеющему испанским языком. Справедливо утверждается, что оптимальный перевод исходного текста не абсолютен, а существует исключительно для конкретных получателей, целей, в конкретной ситуации перевода и исторической обстановке [4, с. 69]. Это доказывает необходимость и особую важность

анализа прагматики дискурса как среды функционирования терминологии, которая детерминирована релевантными когнитивными, интенциональными, прагматическими и экстралингвистическими условиями, репрезентирующими тот или иной вид социальной практики и образующими коммуникативную ситуацию, а также собственно референтом дискурсивного послания.

Проблемы юридического перевода обусловлены прежде всего его междисциплинарным характером: он находится на стыке таких дисциплин, как лингвистика, юриспруденция и переводоведение. При переводе терминов, вызывающих трудности, переводчик осуществляет сравнительно-сопоставительный анализ правовых систем, учитывая историю, традиции, культуру, особенности менталитета и языка [3, с. 12].

Специфика юридического перевода позволяет выделить следующие основные *трудности*, с которыми сталкивается переводчик при переводе юридических текстов с испанского языка на русский и которые, как будет показано далее, могут эффективно разрешаться с применением метода дискурс-анализа:

- необходимость обеспечения исключительной точности, эквивалентности перевода юридических терминов, в особенности при переводе нормативно-

правовых актов и документов, которые могут использоваться юристами, не владеющими испанским языком, при рассмотрении дела судом, где интерпретационные ошибки недопустимы;

– различия в лингвистической традиции использования в двух языках одного и того же термина, который может иметь несколько вариантов перевода не только в рамках одной отрасли права, но и в рамках одного и того же нормативно-правового акта;

– полисемия терминов и зачастую избыточная синонимия как два взаимосвязанных и антонимических феномена, свойственные испанскому юридическому языку в целом, требуют в каждом случае контекстного, дискурсивного анализа терминологических единиц;

– недостаточность и несовершенство имеющихся специализированных словарных изданий и научных статей по праву Испании.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью поиска адекватного решения указанных проблем и возрастающим интересом к сравнительно-правовым исследованиям российских юристов, которые сталкиваются с такими обстоятельствами, как немногочисленность и фрагментарность русскоязычных источников по указанной тематике, неточность и ошибочность перевода на русский язык ряда испанских юридических терминов. Это негативно сказывается на качестве восприятия переводных текстов русскоговорящими правоведами, не владеющими испанским языком и не имеющими возможности обратиться к исходному тексту. Именно адекватность перевода юридических терминов, используемых в законодательстве Испании, достигаемая за счёт инвариантности концептуальных доминант исходного и переводного текста, является необходимым условием обеспечения сопоставимости понятий, соблюдения логического закона тождества и недопущения смысловых ошибок при проведении

сравнительно-правовых исследований, конечной целью которых является поиск путей дальнейшего совершенствования российского законодательства.

Цель исследования – раскрыть когнитивно-семантические механизмы формирования значений юридических терминов, предложить дискурсивный алгоритм, позволяющий соотнести семантический объём понятий, выражаемых профессиональными терминами испанского и русского юридического дискурса, для их адекватного перевода.

Особенности юридического дискурса в контексте юридического перевода

Юридический дискурс традиционно относится к *институциональным* дискурсивным практикам современного общества. Институциональный дискурс представляет собой речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом и с людьми, которые реализуют свои статусно-ролевые возможности в существующих общественных институтах [5, с. 245]. Поскольку юридический дискурс реализуется в коммуникативных общностях институционального типа (в частности, в органах законодательной, исполнительной и судебной власти), значение того или иного термина, в том числе для целей перевода, необходимо устанавливать с учётом особенностей его употребления в различных нормативных и ненормативных правовых актах и иных документах. Юридический дискурс функционирует как когнитивно-коммуникативная среда, где реализуются процессы смыслообразования и смыслонаделения, посредством которых устанавливаются и регулируются социальные отношения и полномочия между субъектами правового дискурса, государством, его институтами и гражданами.

Юридический дискурс, будучи по своей природе узко профессиональной средой общения, отличается *высокой степенью терминологичности*: для эффективного достижения целей общения

коммуниканты должны владеть специальной юридической терминологией и грамотно использовать её в различных контекстах, учитывать особенности её употребления в той или иной отрасли права или в конкретном нормативно-правовом акте. В этой связи следует отметить, что нормативно-правовые акты в целом и законы в частности являются не только составной частью, но и основой всего юридического дискурса. Поскольку вокруг норм права строится общение всех его коммуникантов, без анализа текстов нормативно-правовых актов невозможен анализ юридического дискурса.

В соответствии с основополагающей типологией юридического дискурса, которая носит юридический и юрислингвистический характер и предлагается в литературе для целей перевода, ключевыми разновидностями юридического дискурса являются законодательная (или нормативная), судебная и доктринальная [12, с. 185] дискурсивные практики. Судебному дискурсу свойственна перформативность, в то время как нормативный дискурс, исследуемый в настоящей статье, характеризуется высокой степенью *интертекстуальности*, которая предполагает возможность включать ссылки на другой текст, заимствуя его элементы, характеризующиеся конкретным содержанием и формальностью [9, с. 34]. В качестве «текстов-доноров» могут использоваться нормативно-правовые акты и материалы судебных заседаний [2, с. 57]. Данное свойство юридического дискурса может быть использовано, как будет показано далее, при переводе в условиях безэквивалентности термина.

Юридический термин как элемент дискурс-анализа и юридического перевода

Термин (от лат. *terminus* – граница, предел) – слово или словосочетание, которое обозначает понятие специальной области знания или деятельности и входит в лексическую систему языка посред-

ством конкретной терминологической системы¹. Юридический дискурс интегрирует самостоятельную, устоявшуюся терминологическую систему, лексическими единицами которой являются специальные юридические термины, которые должны быть понятны преимущественно профессионалам в области юриспруденции, что способствует сохранению смысловой определённости юридического дискурса. Для того чтобы выполнять свои функции в качестве лексической единицы, юридические термины, как и другие виды терминов, обладают следующими свойствами: системность, независимость от контекста, смысловая точность, международность и стилистическая нейтральность [6, с. 235].

Юридический термин – это элементарная единица юридического текста как составной части юридического дискурса. Следовательно, юридический термин – это единица анализа любого типа юридического дискурса, не только нормативного, поскольку все разновидности юридического дискурса так или иначе основываются на нормативно-правовых актах. Именно с исследования нормативного употребления юридических терминов должен начинаться юридический перевод как необходимый этап анализа иностранного юридического дискурса.

Кроме того, следует учитывать, что, несмотря на относительную стабильность семантики юридического термина, обусловленную указанными выше характеристиками, термин в полной мере сохраняет значение исключительно в собственной терминологической области, и смена дискурса, в частности, перемещение термина посредством перевода в дискурс иностранного языка или в иную дискурсивную практику, например, в медийную, зачастую приводит к искажению смысла. Ввиду этого для целей лингвопрагматического анализа юридический

¹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 508.

дискурс рассматривается как среда, институциональный контекст использования того или иного термина, в котором следует его изучать и анализировать для того, чтобы понять сущность обозначаемого им правового явления и чтобы преодолеть трудности, возникающие в процессе перевода.

Трудности перевода некоторых испанских юридических терминов (на примере отрасли наследственного права) в нормативном дискурсе

Sucesión

Термин *sucesión* в Словаре испанского юридического языка Королевской академии испанского языка определяется исключительно как акт преемства одного лица другому лицу в его правах и обязанностях (*acto de suceder una persona a otra en sus derechos y obligaciones*)¹ и, следовательно, переводится прежде всего как «наследование» (или, используя доктринальный термин, «наследственное преемство» [10, с. 40]).

Однако если существительное используется во множественном числе, возможны иные варианты перевода. Так, заголовок раздела III, открывающего блок норм Гражданского кодекса (ГК) Испании² о наследовании – *Título III «De las sucesiones»*, с учётом аналогии содержания статей 658 ГК Испании и ст. 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)³ (см. табл. 1), следует переводить «Об основаниях наследования», поскольку существительное «наследование» в рус-

ском юридическом дискурсе, в отличие от испанского, не используется во множественном числе.

Строгость нормативного типа юридического дискурса диктует необходимость учитывать стилистические особенности нормы, применительно к которой употребляется термин. Так, коллизионные нормы (нормы международного частного права), указывающие, право какого государства применимо к отношениям по наследованию, осложнённым иностранным элементом, относятся к особому виду норм права и оперируют специальной терминологией. В этой связи при переводе словосочетания *la sucesión por causa de muerte*, которое содержится в ст. 9 главы IV «Нормы международного частного права» Вводного раздела ГК Испании, следует обратиться к соответствующей статье раздела VI ГК РФ «Международное частное право» – ст. 1224, содержащей термин «отношения по наследованию» (см. табл. 1).

С учётом моносемичности термина *sucesión* словосочетание *apertura de la sucesión* можно рассматривать в качестве самостоятельного термина, переводимого на русский язык как «открытие наследства» (см. ст. 1113 ГК РФ). В этом словосочетании испанский термин более точен, поскольку семантически отражает начало процедуры правопреемства в силу наследования, в то время как в русском эквиваленте при буквальном толковании открывается не процесс, а имущество.

Особую трудность для перевода представляет терминологическое сочетание *derechos a la sucesión*, означающее права, которые переходят с момента смерти лица его наследникам (ст. 657 ГК Испании). Выдвигая в качестве гипотезы возможность буквального перевода термина, следует учитывать, что в русском дискурсе право наследования означает право получения в наследство от наследодателя имущественных прав и обязанностей [7, с. 49], которое возникает у наследников в момент смерти наследодателя. В ГК РФ содержится термин «право наследовать»

¹ См.: Definición de sucesión [Электронный ресурс] // Diccionario panhispánico del español jurídico: [сайт]. URL: <https://dpej.rae.es/lema/sucesi%C3%B3n> (дата обращения: 27.07.2023).

² Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil [Электронный ресурс] // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado: [сайт]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1889-4763> (дата обращения: 27.07.2023).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 27.07.2023).

Таблица 1 / Table 1

Варианты перевода на русский язык термина *sucesión* / Variants of translation into Russian of the term *sucesión*

Перевод термина	Использование термина в ГК Испании	Использование термина в ГК РФ
наследование / основание наследования	<i>Título III «De las sucesiones»</i> – Раздел III «Об основаниях наследования» <i>La sucesión se defiende por la voluntad del hombre manifestada en testamento y, a falta de éste, por disposición de la ley. (art. 658, párr. 1º) – Наследование</i> осуществляется в соответствии с волей, выраженной в завещании, а в отсутствие такового – по закону. (абз. первый ст. 658)	Наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону. (абз. первый ст. 1111. Основания наследования)
отношения по наследованию	<i>La sucesión por causa de muerte se regirá por la Ley nacional del causante en el momento de su fallecimiento ... (art. 9, apdo. 8) – Отношения по наследованию</i> определяются по праву страны, гражданство которой имел наследодатель на момент смерти ... (п. 8 ст. 9)	Отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства ... (п. 1 ст. 1224)
наследство	<i>La decisión de pago ... no producirá efectos si no se comunica a los perceptores en el plazo de un año desde la apertura de la sucesión. (art. 844, párr. 1º) – Решение о выплате ... не будет иметь юридическую силу, если о нём не сообщено получателям в срок, не превышающий один год со дня открытия наследства.</i> (абз. первый ст. 844)	Наследство открывается со смертью гражданина. (ст. 1113. Открытие наследства)

(абз. первый п. 1 ст. 1161 ГК РФ), а при упоминании перехода имущества указываются субъекты (п. 1 ст. 1110 ГК РФ). С учётом изложенного адекватными вариантами перевода ст. 657 ГК Испании представляются следующие: *Los derechos a la sucesión de una persona se transmiten desde el momento de su muerte* – Право наследовать имущество лица / Право наследования имущества лица возникает с момента его смерти; Права в отношении наследственного имущества лица переходят к наследникам с момента его смерти.

Herencia

Термин *herencia* следует переводить как «наследство», «наследственное имущество», «имущество умершего» (данные термины используются в качестве полных синонимов в п. 1 ст. 1110 ГК РФ) или упо-

треблять устоявшийся доктринальный термин «наследственная масса» [7, с. 55], что подтверждается посредством сопоставления статей 659 ГК Испании и 1112 ГК РФ (см. табл. 2). Именно в таком значении термин используется в словосочетаниях «принятие наследства» – *aceptación de la herencia* и «отказ от наследства» – *repudiación de la herencia* (ст. 988 ГК Испании). В этом контексте словосочетание *aceptar la sucesión* (ст. 863 ГК Испании) следует рассматривать в качестве метонимического употребления термина *sucesión*: «наследование» вместо «наследства».

В некоторых доктринальных источниках встречаются иные варианты перевода терминов *herencia* и *sucesión* и даже их противопоставление как означающих, соответственно, «наследование по завещанию» и «наследование по закону

(правопреемство)» [11, с. 43–44]. С данным подходом трудно согласиться, поскольку из ст. 658 ГК Испании, рассмотренной выше в связи с установлением значения термина *sucesión*, следует, что данный термин применяется как к наследованию по закону (*sucesión legítima*), так и к наследованию по завещанию (*sucesión testamentaria*), и в любом случае предполагает правопреемство – переход прав и обязанностей от наследодателя к его наследникам. Термин *herencia* действительно может переводиться как «наследование» в составе оборота *llamado a la herencia* – «призванный к наследованию», что обусловлено исключительно традицией его употребления в русскоязычном юридическом дискурсе.

Перевод термина *herencia* как «право наследования»¹ представляется дискуссионным. В п. 1 ст. 33 Конституции Испании² признаётся *derecho a la herencia* – «право наследования» (аналогично ч. 4 ст. 35 Конституции РФ³); следовательно, *herencia* не имплицитно право, иначе имела бы место тавтология.

Особый интерес для перевода представляют статья ГК Испании, в которой термин *herencia*, используемый в словосочетаниях *llamado a la herencia* и *repudiar [la herencia]*, переводится в одном предложении как «наследство» и как «наследование», следуя лексическим особенностям русского юридического дискурса (см. табл. 2).

Colación^{sust}, *colacionar*^{vt}, *colacionable*^{adj}

Наибольшие трудности при переводе вызывают безэквивалентные термины, обозначающие понятия или явления, отсутствующие в российском правовом дискурсе. При наличии легальной дефиниции перевод может осуществляться посредством описания, отражающего характерные признаки концепта-термина, указанные в дефинитивной норме. Однако в её отсутствие для установления объёма и содержания понятия и выбора адекватного варианта перевода требуется применение логического способа толкования нормы права, предполагающего изучение логической связи между положениями нормы права или акта по правилам логики и анализ не слов, а соотношения понятий и явлений, которые они обозначают⁴.

Так, для перевода термина *colación* необходимо следовать логическому алгоритму, включающему следующие действия:

1. Определить, в каких статьях ГК Испании регулируется данное правовое явление: глава IV, статьи 1035–1050.

2. Проанализировать первую статью, с которой начинается указанная глава. В ст. 1035 отсутствует искомый термин и однокоренные ему лексемы, однако содержится описание некой юридической обязанности: *El heredero forzoso que concurra, con otros que también lo sean, a una sucesión deberá traer a la masa hereditaria los bienes o valores que hubiese recibido del causante de la herencia, en vida de éste, por dote, donación u otro título lucrativo, para computarlo en la regulación de las legítimas y en la cuenta de partición.* – Обязательный наследник, участвующий в наследовании наряду с другими обязательными наследниками, обязан внести в наследственную массу имущество, которое он получил от наследодателя при жизни в виде приданного, дарения или на иной безвозмездной

¹ См.: Испанский язык для юристов: учебник / отв. ред. О. Н. Лобанова; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 317.

² Constitución Española, 1978 (Última actualización publicada el 27/09/2011) [Электронный ресурс] // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado: [сайт]. URL: [https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)/con) (дата обращения: 27.07.2023).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.07.2023).

⁴ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник; 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2014. С. 339.

Таблица 2 / Table 2

Варианты перевода на русский язык термина *herencia* / Variants of translation into Russian of the term *herencia*

Перевод термина	Использование термина в ГК Испании	Использование термина в ГК РФ
наследство	<i>La herencia comprende todos los bienes, derechos y obligaciones de una persona que no se extingan por su muerte. (art. 659) – Наследство</i> включает в себя все имущество, права и обязанности лица, которые не прекращаются его смертью. (ст. 659)	В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности ... (абз. первый ст. 1112)
наследование	<i>El que es llamado a una misma herencia por testamento y ab intestato y la repudia por el primer título, se entiende haberla repudiado por los dos. (art. 1009, párr. 1º) – Тот, кто призывается к наследованию</i> одновременно по закону и по завещанию и отказывается от наследства по первому основанию, считается отказавшимся от него по обоим основаниям. (абз. первый ст. 1009)	При призвании наследника к наследованию одновременно по нескольким основаниям (по завещанию и по закону ...) наследник может принять наследство , причитающееся ему по одному из этих оснований, по нескольким из них или по всем основаниям. (абз. второй п. 2 ст. 1152)

основе, для их учёта при определении обязательной доли и разделе наследственной массы.

3. Установить, что в следующей за ней ст. 1036 регулируются случаи, когда обязанность, впервые в тексте главы обозначенная термином *colación*, **не** применяется, и заключить, что дефиниция была представлена выше.

4. Вновь обратиться к ст. 1035, в которой содержится дефиниция искомого термина, и на её основе сформулировать определение: *colación* – обязанность возврата (включения) в наследственную массу имущества, полученного при жизни от наследодателя на безвозмездной основе, возлагаемая на наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве, с целью учёта указанного имущества при разделе наследственной массы.

5. Проанализировать схожие юридические обязанности, предусмотренные в наследственном праве России, на предмет возможности заимствования терминологии. Так, в соответствии с п. 3 ст. 1117 ГК РФ лицо, не имеющее права наследовать

или отстранённое от наследования в качестве недостойного наследника, обязано возвратить всё имущество, неосновательно полученное им из состава наследства. Возврат имущества осуществляется и при недействительности завещания, когда наследник, уже получивший часть наследственного имущества по завещанию, лишается права на него и возвращает его в наследственную массу, которая распределяется между другими лицами. Поскольку юридическая обязанность возврата имущества в наследственную массу в праве России имеет совершенно иную природу и иные правовые последствия, сокращённый перевод термина *colación* может ввести в заблуждение российского юриста;

6. Сформулировать перевод термина *colación*, который будет носить описательный характер (см. табл. 3).

Отметим, что глагол *colacionar* зачастую используется в словосочетании *colacionar en la herencia*, что в значительной степени упрощает перевод. Прилагательное *colacionable*, с учётом значения

Таблица 3 / Table 3

**Варианты перевода на русский язык терминов *colación, colacionar, colacionable* /
Variants of translation into Russian of the terms *colación, colacionar, colacionable***

Термин на испанском языке	Использование термина в ГК Испании	Предлагаемый вариант перевода термина на русский язык
colación	<i>La colación no tendrá lugar entre los herederos forzosos ... (art. 1036)</i>	Включение в наследственную массу стоимости имущества, полученного на безвозмездной основе от наследодателя при его жизни , не производится между обязательными наследниками ... (ст. 1036)
colacionar	<i>Los padres no estarán obligados a colacionar en la herencia de sus ascendientes lo donado por éstos a sus hijos. (art. 1039)</i>	Родители не обязаны возвращать в наследственную массу своих родственников по восходящей линии стоимость того, что было подарено ими их детям. (ст. 1039)
colacionable	<i>Al valor líquido de los bienes hereditarios se agregará el de las donaciones colacionables. (art. 818, párr. 2º)</i>	В стоимость наследственного имущества после погашения долгов наследодателя включается стоимость дарений, полученных обязательными наследниками от наследодателя при его жизни на безвозмездной основе, при соблюдении условий, установленных законом. (абз. второй ст. 818)

суффикса *-able*, означающего «пассивную возможность, т. е. способность или возможность выступать объектом действия, выраженного глаголом»¹, может переводиться как «подлежащий включению / включаемый / который включается в наследственную массу при соблюдении условий, установленных законом».

Перевод «возврат наследником ранее полученного от наследодателя имущества для включения его в наследственную массу»², «возвращать ранее полученное имущество для включения в наследственную массу»³ может быть рекомендован в

качестве сокращённого варианта, предлагаемого расширенной версией при первом упоминании термина.

Mejora^{sust}, mejorar^{vt}

В соответствии со ст. 808 ГК Испании при наличии детей наследодатель вправе распорядиться на случай смерти лишь 1/3 имущества; 1/3 императивно распределяется между детьми поровну (*legítima estricta* – «обязательная доля в строгом смысле»), а оставшуюся 1/3 (*mejora* – досл. «улучшение») наследодатель распределяет исключительно между детьми, но по собственному усмотрению. Соответственно, действие по распоряжению указанной 1/3 доли обозначается термином *mejorar* (досл. «улучшать»).

В российском наследственном праве обязательная доля не имеет составных частей, следовательно, речь идёт о безэквивалентном термине. В доктринальных источниках предлагается, в частности,

¹ См.: -ble. Definición [Электронный ресурс] // REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Diccionario de la lengua española: [сайт]. URL: <https://dle.rae.es/-ble> (дата обращения: 27.07.2023).

² См.: Скурихин А. П. Испанско-русский юридический словарь; 2-е изд., стер. М.: Просвещение, 2021. С. 99.

³ См.: Швыркова Л. Л., Гальегос-Росильо Х. А., Феликс Фернандес Л. Испанско-русский юридический и экономический словарь = Diccionario jurídico y económico español-ruso / под ред. Л. Л. Швырковой и А. А. Клишаса. М.: Норма, 2015. С. 116.

описательный перевод, отражающий деление наследственного имущества на три части, при этом *mejora* определена как «вторая обязательная часть наследства, которая учитывает волю наследодателя» [1, с. 31]. В другом источнике однокоренной термин *mejorado* в словосочетании *legitimario mejorado* ошибочно переводится как «лучший обязательный наследник» или «лучший наследник» [8, с. 119]. Встречаются и другие переводы, искажающие семантику термина: «дополнительное наследство»¹ (в словосочетании *mejora hereditaria*); «приращение наследственных долей»² (данный термин в российском законодательстве означает увеличение доли любого наследника, призываемого к наследованию, однако не по воле наследодателя, а за счёт доли дру-

гого наследника, который не принял наследство, отказался от него, отстранён от наследования и др. – см. ст. 1161 ГК РФ).

В качестве одного из вариантов решения проблемы передачи смысла без его искажения предлагается включение в текст перевода сноски, в которой разъяснено, что *mejora* предполагает улучшение имущественного положения одних детей по отношению к другим по воле родителя³.

При переводе текста закона предлагается осуществлять описательный перевод или, используя свойство интертекстуальности юридического дискурса, интегрировать в текст соответствующей статьи ссылку на ст. 823 ГК Испании, где раскрыто право родителя распределить 1/3 наследства между детьми по своему усмотрению (см. табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Варианты перевода на русский язык терминов *mejora*, *mejorar* / Variants of translation into Russian of the terms *mejora*, *mejorar*

Термин на испанском языке	Использование термина в ГК Испании	Предлагаемый вариант перевода термина на русский язык
<i>mejora</i>	<i>El padre o la madre podrán disponer en concepto de mejora a favor de alguno o algunos de sus hijos ... de una de las dos terceras partes destinadas a legítima. (art. 823)</i>	Отец или мать вправе распорядиться по своему усмотрению в пользу одного или нескольких своих детей ... одной из двух третей наследственной массы, составляющих обязательную долю. (ст. 823)
<i>mejorar</i>	<i>La facultad de mejorar no puede encomendarse a otro. (art. 830)</i>	Вариант 1. Право распоряжаться по своему усмотрению одной из двух третей наследственной массы, составляющих обязательную долю, в пользу одного или нескольких своих детей не может передаваться иному лицу. (ст. 830) Вариант 2. Право, указанное в статье 823 , не может передаваться иному лицу. (ст. 830)

¹ См.: Испанско-русский юридический словарь / под ред. Е. Р. Шубиной. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 285.

² См.: Швыркова Л. Л., Гальегос-Росильо Х. А., Феликс Фернандес Л. Испанско-русский юридический и экономический словарь = Diccionario jurídico y económico español-ruso / под ред. Л. Л. Швырковой и А. А. Клишаса. М.: Норма, 2015. С. 393.

³ См.: Вершинина Е. В., Фокина А. Д. Модели приобретения наследства в праве зарубежных государств // Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник: в 2 т. / отв. ред. проф. А. С. Комаров и др. Т. 2: Особенная часть. М.: Статут, 2020. С. 812.

Заключение

Трудности, возникающие при переводе ряда юридических терминов с испанского языка на русский, связаны с полисемией, синонимией, а иногда и безэквивалентностью испанских юридических терминов. В этой связи в каждом случае требуется проведение лингвистического анализа, который подразумевает сопоставление текстов нормативно-правовых актов и установление традиции использования термина в российском и испанском законодательстве, составляющем основу нормативного типа юридического дискурса. Преодоление трудностей юридического перевода, исследованных и проиллюстрированных примерами в статье, невозможно без обращения к семантике и прагматике юридического дискурса, без анализа особенностей использования терминологии в контексте. Достижение правильности понимания и адекватности перевода юридического термина является необходимым этапом исследования иностранного юридического дискурса.

Юридический перевод представляет собой сложный когнитивный процесс, требующий наличия у переводчика как познаний в соответствующей сфере юриспруденции, так и надлежащей языковой компетенции. Анализ юридического дискурса и используемых в нём профессиональных терминов – одновременный, взаимообуславливающий и двусторонне направленный когнитивный процесс: с одной стороны, юридический дискурс того или иного государства национально-специфичен и детерминирует значение конкретного юридического термина, поэтому должен являться предметом предварительного анализа при осуществлении перевода. С другой стороны, качественный перевод юридических терминов, осуществляемый с применением дискурс-анализа, служит фундаментом адекватного восприятия юридического дискурса иностранного государства специалистами, не владеющими иностранным языком, что обуславливает эффективное достижение целей сравнительного правоведения.

Дата поступления в редакцию 01.08.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегичев А. В., Стрельченко Д. А. Характерные особенности наследственного права королевства Испания // *Наследственное право*. 2019. № 1. С. 28–31.
2. Богатырев А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 168 с.
3. Гамзатов М. Г. Юридический перевод: лингвистика, юриспруденция, переводоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 219 с.
4. Иовенко В. А. Теоретический курс перевода. Испанский язык: учебник. М.: ЧеРо, 2005. 132 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
6. Корниевская Т. К. Термин как объект исследования в лингвистике // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. Т. 7. № 5–1. С. 234–237.
7. Крашенинников П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания); 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 302 с.
8. Медведев С. Н. Введение в гражданское право Испании: монография. Ставрополь: АГРУС, 2017. 138 с.
9. Новикова Е. Р. Поляков О. Г., Хаусманн-Ушкова Н. В. Юридический дискурс как предмет изучения и преподавания на занятиях по иностранному языку специальности // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. Т. 25. № 189. С. 31–38. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38.
10. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву; 2-е изд., испр. М.: Статут, 2003. 558 с.

11. Трофимец И. А. Наследственные права пережившего супруга (вдовы, вдовца) по законодательству Испании // *Наследственное право*. 2020. № 1. С. 43–47. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38.
12. Шлепнев Д. Н. Юридический дискурс с точки зрения переводчика: рабочая переводческая типология // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 2-1 (80). С. 185–188.

REFERENCES

1. Begichev A. V., Strelchenko D. A. [Characteristic peculiarities of inheritance law of the Kingdom of Spain]. In: *Nasledstvennoye pravo* [Inheritance Law], 2019, no. 1, pp. 28–31.
2. Bogatyrev A. V. *Funktsionirovaniye figur interteksta v sovremennom yuridicheskom diskurse: diss. ... kand. filol. nauk* [Functioning of intertext figures in modern legal discourse: PhD thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2016. 168 p.
3. Gamzatov M. G. *Yuridicheskiy perevod: lingvistika, yurisprudentsiya, perevodovedeniye* [Legal translation: linguistics, jurisprudence, translation studies]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2018. 219 p.
4. Iovenko V. A. *Teoreticheskiy kurs perevoda. Ispanskiy yazyk* [Theoretical course of translation. Spanish]. Moscow, CheRo Publ., 2005. 132 p.
5. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, GNOZIS Publ., 2004. 389 p.
6. Kornievskaya T. K. [The term as an object of research in linguistics]. In: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl* [Historical and social educational ideas], 2015, vol. 7, no. 5–1, pp. 234–237.
7. Krashenninikov P. V. *Nasledstvennoye pravo (vkluyuchaya nasledstvennyye fondy, nasledstvennyye dogovory i sovmestnyye zaveshchaniya)* [Inheritance law (including inheritance funds, inheritance agreements and joint wills)]. Moscow, Statut Publ., 2019. 302 p.
8. Medvedev S. N. *Vvedeniye v grazhdanskoye pravo Ispanii* [Introduction to civil law of Spain]. Stavropol, AGRUS Publ., 2017. 138 p.
9. Novikova E. R., Polyakov O. G., Hausmann-Ushkova N. V. [Legal discourse as a subject of study and teaching in the classroom in a foreign language specialty]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2020, vol. 25, no. 189, pp. 31–38. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38.
10. Serebrovskiy V. I. *Izbrannyye trudy po nasledstvennomu i strakhovomu pravu* [Selected works on inheritance and insurance law]. Moscow, Statut Publ., 2003. 558 p.
11. Trofimets I. A. [Inheritance rights of the surviving spouse (widow, widower) under Spanish laws]. In: *Nasledstvennoye pravo* [Inheritance Law], 2020, no. 1, pp. 43–47. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38.
12. Shlepnev D. N. [Legal discourse from the point of view of the interpreter: working translation typology]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2018, no. 2-1 (80), pp. 185–188.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларионова Марина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: larioнова.m@list.ru;

Фокина Александра Дмитриевна – преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: alexandra-fokina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Larionova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: larionova.m@list.ru;

Aleksandra D. Fokina – Lecturer, Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: alexandra-fokina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионова М. В., Фокина А. Д. Трудности перевода терминологии в контексте анализа нормативного типа испанского юридического дискурса // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 40–52.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-40-52

FOR CITATION

Larionova M. V., Fokina A. D. Difficulties of terminology translation in the context of analyzing the normative type of Spanish legal discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 40–52.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-40-52

УДК 81-23

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-53-59

ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЮМОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ДЖ. БРАНДРЕТА)

Лукин Д. С.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель статьи – выявить наиболее успешные переводческие механизмы передачи такого лингвокультурного феномена, как юмор, с английского языка на русский при помощи транспозиции. Особое внимание уделяется проблеме репрезентации эффекта комичности в англоязычной картине мира, в частности рассматривается вопрос о возможности дословного перевода лексем с компонентом «юмор».

Процедура и методы. В ходе исследования применяются общие и частные методы исследования: метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный анализ лексических средств языка, выражающих комичность, перевод культурно-маркированной лексики британского юмора на основе метода компонентного анализа отдельных лексем.

Результаты. Невозможность дословного перевода лексических единиц с компонентом юмор требует от переводчика либо вводить комментарий, либо отказываться от изначальных авторских целеустановок, что зачастую приводит к искажению первоначальных смыслов, заложенных автором.

Теоретическая значимость статьи заключается в том, что работа вносит вклад в развитие лингвокультурологического подхода к изучению культурно-маркированной лексики с использованием транспозиции как феномена языка и культуры.

Ключевые слова: лингвокультурология, культурно-маркированная лексика, транспозиция, каламбур, комический эффект

TRANSPPOSITION AS A LINGUOCULTURAL PROBLEM OF TRANSMITTING ENGLISH-LANGUAGE HUMOR (BASED ON PUBLICATIONS BY J. BRANDRETH)

D. Lukin*State University of Education**ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the most successful translation mechanisms for transmitting such a linguocultural phenomenon as humor from English into Russian using transposition. Particular attention is paid to the problem of representing the effect of comedy in the English-language picture of the world. In particular, the possibility of literal lexemes translation with the “humor” component is considered.

Methodology. In the course of the study, general and specific research methods are used: the continuous sampling method, comparative analysis of lexical means expressing comicality, the translation of culturally-marked vocabulary of British humor based on a method of component analysis of individual lexemes.

Results. The impossibility of literal translation of lexical units with a humor component requires the translator to either introduce a comment or abandon the original author's goals, which often leads to a distortion of the original meanings intended by the author.

Research implications. The paper contributes to the development of a linguoculturological approach to the study of culturally-marked vocabulary using transposition as a phenomenon of language and culture.

Keywords: linguoculturology, culturally marked vocabulary, transposition, pun, comic effect

Введение

Понятие транспозиция связано с областью исследования культурных единиц языка, и, по мнению У. Бенджамина, применяется в тех случаях, когда необходимо определить, в какой степени и при каких условиях переводчик способен «освободить язык, «заточенный» в произведении, воссоздав это произведение»¹ [7, р. 82]. Данный феномен получил своё развитие в переводоведении, где, как отмечает Вера Савич (Vera Savić), сложилось два подхода к транспозиции или «переводу слов культуры» [8, р. 149]:

1) существуют различные способы перевода, характерные для конкретной культуры;

2) в культуре можно выделить особенности передачи культурно-специфической лексики в исходных текстах [8, р. 125].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» транспозиция (от латинского *transpositio* – перестановка) определяется как использование одной языковой формы в функции другой формы, т. е. её противочлена в парадигматическом ряду². На обозначение транспозиции как переходности также указывает З. М. Шаилова [6, с. 120].

Следует отметить, что наряду с собственно переводческими аспектами, вполне закономерно рядом исследователей рассматривается проблема различения значения и заложенных автором произведения смыслов. В. О. Бабков от-

мечает, что «любой перевод представляет собой интерпретацию» [2, с. 56]. Данный подход развивает в своих работах Т. А. Казакова, указывая на тот факт, что переводчик «устанавливает информационное соответствие между языковыми единицами исходного и переводящего языков, позволяющее создать иноязычный аналог», с одной стороны, а также «принимает определенные действия, в основе которых лежит отчасти осознанная, а отчасти подсознательная переработка информации, обусловленная возможностями переводящего языка, переводящей культуры, и личностными предпочтениями переводчика» [4, с. 24–25]. Тезис о необходимости рассматривать перевод в трёхмерной плоскости подтверждается следующим примером.

Рассмотрим выражение *cross as a bear*. Дословный перевод – *злой как медведь*. Тем не менее, подобный вариант нельзя считать корректным. В русском языке сравнение *злой как медведь* не встречается ни в одном из словарей. Можно было бы заменить *медведь* на *волк* или *чёрт*, но и в этом случае изначальный исторический смысл – *злой, потому что травят собаками* – будет утрачен. Следовательно, без знания иноязычных реалий передача выражения не представляется возможной [4, с. 25]. Вариант *злой как затравленный волк* наиболее точно передаёт изначальный смысл. В целом можно говорить о комплексном характере лингвокультурного феномена транспозиции, которая «пронизывает все уровни языковой системы», а зачастую выходит за рамки собственно языка [5, с. 60].

¹ Здесь и далее перевод наш – Л. Д.

² См.: Транспозиция // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/519a.html> (дата обращения: 07.08.2023).

Транспозиционный подход к переводу культурно-маркированной лексики с компонентом «юмор»

Итак, рассмотрев теоретические предпосылки воссоздания авторских смыслов при переводе, следует отметить, что исходные и переводимые лексемы находятся в различных языковых картинах мира, что требует от переводчика учитывать серьёзные расхождения на лексико-грамматическом уровне сопоставляемых языков и выработать некую эффективную систему передачи информации.

Андреа Сэпи (Andreaa Sepi) в исследовании “Culture translation and loss” рассматривает культурную транспозицию как систему передачи информации от источника культуры (culture source) к целевому источнику (target source), отмечая при этом значительные различия на лексическом и грамматическом уровнях языков в процессе перевода. Она также выделяет три основных способа передачи лексики с одного языка на другой при существенном различии культур: калькирование, адаптация заимствований (частичная или полная) и культурная трансплантация (отказ от передачи исходной лексики в пользу варианта переводимого языка). Отдельно автором данной работы отмечаются возможные ошибки переводчика, вызванные недостаточными знаниями реалий [9]. Схема, предложенная Сэпи, представлена на рис. 1.

Таким образом, для транспозиционной передачи исходных лексем характерна как точная передача единиц исходного языка, так и частичная или полная замена некоторых элементов выражения.

Наше исследование направлено на изучение вопросов применения транспозиции на материале нескольких работ британского журналиста и писателя Дж. Брандрета, или, как он себя называет, Master of funny, практически неизвестного отечественному читателю, однако являющегося одним из признанных специалистов в области исследования каламбура и юмора в целом. Материалом для анализа послужили примеры, взятые из произведения “What’s black & White & Red All Over?” («Что одновременно чёрное, белое и красное?»)¹, ставшего бестселлером в англоязычных странах.

Комплексный характер исследования перевода в рамках транспозиционного подхода требует решить ряд задач:

1. Рассмотреть типичные для британской картины мира проявления юмора в разговорной и письменной речи.
2. Определить основные способы перевода британского юмора на русский язык.
3. Проанализировать возможные ошибки при переводе каламбура.

Книга включает пятнадцать глав, в каждой из которых автором рассматриваются наиболее типичные для жителей Туманного Альбиона категории слов и выражений, содержащих юмор:

1. Best jokes – подборка наиболее популярных шуток.
2. Словесная игра Knock, knock! Come in! (Тук! Тук! Войдите!).
3. Каламбуры со словом giraffe (рифмуется у британцев со словом laugh – смеяться).
4. Elephant jokes (наиболее абсурдные шутки).

Source culture bias → borrowings/calque/cultural transplantation → target culture bias

Рис. 1 / Fig. 1. Транспозиционная модель перевода / Transpositional model of translation

Источник: [9].

¹ Brandreth G. What's Black and White and Red All Over? The best worst joke book in the world! London: Penguin, 2022. 192 p. Далее в тексте указываются номера страниц с цитируемым материалом.

5. Старинные шутки о различных животных.

6. Шутки с обращением к официанту (Waiter! Waiter!).

7. Shaggy-dog stories – короткие цитаты, в которых комичность достигается за счёт нелогичности сказанного.

8. Инциденты (Chapter of incidents).

9. Шутки в библиотеке – library jokes (обозначают одновременно строгость и комичность в ситуации общения в данном заведении).

10. Шутки в форме стихов (Verse and Worse – дословно *Стих и Хуже*).

11. Школьные шутки (School Jokes).

12. На приёме у врача (Doctor! Doctor!).

13. Шутки о привидениях, монстрах и других паранормальных существах (Monster jokes).

14. Глупые загадки (Silly jokes).

15. Лучшие/Худшие загадки (The best/worst jokes).

Учитывая разноплановый характер юмористических единиц, рассматриваемых Дж. Брандретом, отметим высказывание А. З. Вулиса о том, что «комическое может проявляться по-разному: в несоответствии нового и старого, содержания и формы, цели и средств, действия и обстоятельств, реальной сущности человека и его мнения о себе [3, с. 94].

Примечательно, что при попытках точно перевести как отдельные слова, так и целые выражения русские переводы носят в основном эвристический, случайный характер, основанный не на языковой норме, а на знаниях экстралингвистической информации, что объясняется не только значительными различиями в картинах мира, но и абсурдностью и алогичностью ситуации. Се М. отмечает, что «в некоторых случаях внутреннее качество текста не может быть сохранено без транспозиции языковых и культурных моделей или «единиц культуры» [10, p. 217].

В процессе анализа лексического материала применялись сравнительно-со-

поставительный и компонентный методы исследования лексем, в ходе которого можно выделить **три основных особенности передачи английских каламбуров на русский язык**.

1. Трансплантация слов и выражений. Различия в понимании значения лексемы присутствуют не только при переводе на русский язык, но и в языке оригинала. Например, фраза и ответ “Have you heard the jokes about the bed?” – “It hasn’t been made up yet” [p. 4] понятны только англоязычному читателю, поскольку каламбур основан на разном восприятии фразового глагола *make up* – *придумывать* или *застилать*. В данном случае на вопрос «Вы уже слышали шутки о кроватях?» переводчик вынужден импровизировать, предлагая, например, вариант «Сначала мы их застелем, а потом подумаем», что не полностью соответствует оригиналу, или давать переводческий комментарий. Типичными примерами становятся также фразы из школьной жизни учащихся, называемые у автора *School jokes*: “Name the four seasons.” – “Salt, pepper, mustard and vinegar.” [p. 186]. Учитель просит назвать времена года, однако у слова *seasons* есть также значение *приправы*.

Примеры транспозиции можно отметить в разделе *Knock, knock! (Тук! Тук!)*. Игра слов построена по принципу вопроса *Who’s there? (Кто там?)*, далее чаще всего следует имя, например, *Arfer*, затем – переспрос *Arfer who? (Какой Арфер?)*, и только в последнем предложении появляется каламбур *Arfer got (Арфер пришёл – дословный перевод)*, однако при произношении мы получаем совершенно иную фразу – *I forgot (я забыл)* [p. 189].

В главе *Doctor! Doctor! (Доктор! Доктор!)* рассматриваются абсурдные по своей комичности ситуации разговора врача с пациентом: “You need glasses.” – “How can you tell?” – “I could tell you as soon as you walked through the window.” [p. 31]. При переводе на русский язык мы полу-

чаем следующий диалог: «Вам нужны очки», – «Как Вы это поняли?» – «Я мог Вам сказать об этом сразу же, как Вы вошли через окно». В данном примере ситуация комична, но каламбура нет, однако при переводе слова *glasses* как *стёкла* он появляется (пациенту нужно будет оплатить разбитое стекло при входе в кабинет врача через окно). Подобные примеры требуют переводческого комментария.

2. Полная или частичная адаптация на различных уровнях языка. В частности, на фонетическом уровне наблюдается звуковая двусмысленность (омофония). Данный приём основан на одинаковом звучании семантически различных слов. Например, в главах о животных можно отметить несколько подобных примеров. Важно отметить, что омофонизация затрагивает не только целые слова, но и отдельные морфемы. Например, на вопрос “What is a snake’s favourite job?” читатель получает ответ “Hiss-tory” [p. 67]. Очевидно, что *hissing* как *шипение* вызывает в сознании реципиента образ змеи. Переводчик в данном случае может попробовать обыграть данный приём и предложить вариант «Ишшшштория».

3. Лексические и логические ошибки. В примере *an oxugen has eight sides* восьмиугольник (*oxagon*) ошибочно назван *oxugen* (кислород) [p. 117]. Иногда ошибочное использование некоторых слов может носить оскорбительный тон: “The inhabitants of Paris are called Parasites” – дословно «Жителей Парижа зовут паразитами». Вместо *parasites* следует писать *parisiens*. В обоих случаях задачей переводчика становится правильно пере-

дать значение слова, учитывая комический эффект фразы.

Заключение

Таким образом, при анализе юмора в англоязычной картине мира на материале произведения Дж. Брандрета можно сделать следующие выводы:

1. Типичным примером проявления юмора в британской лингвокультуре следует считать каламбур, построенный на омофонической или семантической близости различных лексем.

2. Существенные различия в понимании слов и выражений при сопоставлении русского и английского языков требуют от переводчика знаний экстралингвистического плана содержания и конечного выражения авторских интенций.

3. Ошибкой следует считать отказ от передачи юмористического эффекта посредством переводческого комментария, либо попыток подобрать близкий по звучанию аналог. Дословный перевод ведёт к утрате изначальных смыслов и, в конечном итоге, к потере самой комичности.

Тем не менее, можно согласиться с позицией Е. С. Абаевой, что положительным моментом перевода текстов с элементами комичности следует считать «наличие широкой вариативности» для переводчика [1, с. 153].

Перспективность исследования может определяться всесторонним изучением феномена комичности в литературе различных жанров в целом и в работах Дж. Брандрета в частности.

Дата поступления в редакцию 06.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Е. С. Визуализация столкновения скриптов и перевод юмора (экспериментальное исследование) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 152–157.
2. Бабков В. О. Практика и идеология художественного перевода. М.: Издательство АСТ: Corpus, 2022. 336 с.
3. Вулис А. З. В лаборатории смеха. М.: Художественная литература, 1966. 144 с.
4. Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 221 с. (Серия: Перевод. Язык. Культура).

5. Кушникова Л. В., Глаголев Я. Б. Метапереводческая транспозиция имени собственного в пространстве художественного дискурса // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 1. С. 59–68. DOI: 10.18721/JHSS.11104.
6. Шамилова З. М. К вопросу об общем понятии транспозиции // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2-1. С. 120–122.
7. Benjamin W. The task of the translator: an introduction to the translation of Baudelaire's *Tableaux Parisiens* // *The Translation Studies Reader*; 2nd ed. / ed. L. Venuti. New York: Routledge, 2004. P. 75–83.
8. Savić V., Čutura I. Translation as cultural transposition // *Journal of linguistic and intercultural education (JoLIE)*. 2011. Vol. 4. P. 125–149. DOI: 10.29302/jolie.2011.4.10.
9. Sepi A. Culture translation and loss [Электронный ресурс]. URL: <https://yourtranscreator.com/2014/02/14/cultural-issues-and-translation-loss> (дата обращения: 11.08.2023).
10. Xie M. Pound as translator // *The Cambridge Companion to Ezra Pound* / ed. I. Nadel. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 204–223. DOI: 10.1017/CCOL0521431174.010.

REFERENCES

1. Abaeva Y. S. [Exploring visually presented script opposition for humour translation]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2017, no. 6, pp. 152–157.
2. Babkov V. O. *Praktika i ideologiya khudozhestvennogo perevoda* [Practice and ideology of artistic translation]. Moscow, AST Publ., Corpus Publ., 2022. 336 p.
3. Vulis A. Z. *V laboratorii smekha* [In the laboratory of laughter]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966. 144 p.
4. Kazakova T. A. *Khudozhestvennyy perevod: v poiskakh istiny* [Literary translation: in search of truth]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006. 221 p. (Series: Translation. Language. Culture).
5. Kushnina L. V., Glagolev Ya. B. [Metatranslation transposition of the proper name in the literary discourse space]. In: *Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovaniye* [Society. Communication. Education], 2020, vol. 11, no. 1, pp. 59–68. DOI: 10.18721/JHSS.11104.
6. Shamilova Z. M. [On the question of the general concept of transposition]. In: *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Current problems of the humanities and natural sciences], 2017, no. 2-1, pp. 120–122.
7. Benjamin W. The task of the translator: an introduction to the translation of Baudelaire's *Tableaux Parisiens*. In: Venuti L., ed. *The Translation Studies Reader*; 2nd ed. New York, Routledge, 2004, pp. 75–83.
8. Savić V., Čutura I. Translation as cultural transposition. In: *Journal of linguistic and intercultural education (JoLIE)*, 2011, vol. 4, pp. 125–149. DOI: 10.29302/jolie.2011.4.10.
9. Sepi A. Culture translation and loss. Available at: <https://yourtranscreator.com/2014/02/14/cultural-issues-and-translation-loss> (accessed: 11.08.2023).
10. Xie M. Pound as translator. In: Nadel I., ed. *The Cambridge Companion to Ezra Pound*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018, pp. 204–223. DOI: 10.1017/CCOL0521431174.010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукин Дмитрий Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения;
e-mail: lu10kin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii S. Lukin – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Translation and Cognitive Linguistics, State University of Education;
e-mail: lu10kin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лукин Д. С. Транспозиция как лингвокультурная проблема передачи англоязычного юмора (на материале публикаций Дж. Брандрета) // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 53–59. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-53-59

FOR CITATION

Lukin D. S. Transposition as a linguocultural problem of transmitting English-language humor (based on publications by J. Brandreth). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 53–59. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-53-59

УДК 801.731

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-60-66

ПАРАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ЗАГЛАВИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Лунькова Л. Н.¹, Мигдаль И. Ю.²

¹ Государственный социально-гуманитарный университет
140410, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30, Российская Федерация

² Государственный университет просвещения
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Оценка современных подходов к явлению интертекстуальности с точки зрения вербального и невербального текста.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ характеристик и актуализаций явления интертекстуальности, определяемых посредством наблюдения и анализа художественного текста.

Результаты. Проведённый анализ исследования показывает, что паратекстуальность заглавия является одним из наиболее эффективных механизмов актуализации межтекстовых связей посредством семантически многомерного наполнения.

Практическая значимость работы заключается в обобщении эффектов и механизмов проявления паратекстуальности при процедурах аналитического чтения художественного текста. Специальное внимание авторами уделяется обсуждению роли контекста в формировании интертекстуальных связей художественного текста.

Ключевые слова: анализ текста, заглавие, интертекстуальность, контекст, паратекстуальность

THE TITLE PARATEXUALITY OF A LITERARY TEXT

L. Lunkova¹, I. Migdal²

¹ State University of Humanities and Social Studies
ulitsa Zelyonaya 30, Kolomna 140410, Moscow region, Russian Federation

² State University of Education
ulitsa Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To evaluate the contemporary outlook on the intertextuality phenomenon for verbal and non-verbal texts.

Methodology. The basis of the research is the analysis of intertextuality properties and functioning through literary texts observation and analysis.

Results. The analysis conducted states that the title paratextuality is the most productive means of actualizing the intertextual network through semantically multidimensional content.

Research implications. The work generalizes the paratextual effects and mechanisms in literary texts analytical reading. Special focus of the work is laid on the context as a means of building intertextual links in a literary text.

Keywords: text analysis, title, intertextuality, context, paratextuality

Введение

Семиотический универсум, предложенный Ю. М. Лотманом в качестве определения области существования художественных текстов, это пространство и механизм, которые делают «определённый знаковый акт реальностью» [6]. Рассматривая любой текст, и художественный текст, в частности, как знаковый акт, мы принимаем его интеракцию внутри первичных и вторичных знаковых систем. Интеракцию текстов вербальных и невербальных мы называем интертекстуальностью. Деконструктивизм XX века расширяет представления о межтекстовом взаимодействии, уничтожая границы понятия текста и анонсируя отрыв знака от его референциального сигнификата [3]. Тогда вся семиосфера предстаёт как некий «универсум текстов», в котором отдельные безликие тексты до бесконечности ссылаются друг на друга и на всё сразу, поскольку все вместе они являются лишь частью «всеобщего текста». Взаимодействие сущностей-текстов внутри такого универсума сложно ровно настолько, насколько многочисленны их компоненты и характеристики. Комбинации последних каждый раз уникальны, их анализ и типизация в этой связи одинаково сложны и необходимы.

1. Контекст как маркер «полигенетичности» текста

Рассмотрение контекста как внеязыковой среды, в которой функционируют языковые единицы всех рангов: слова, предложения, тексты, – возникло раньше, чем концепции лингвистического и стилистического контекстов, составляющие основу современной методики, называемой контекстуальным анализом. Различают лексический, синтаксический, морфолого-синтаксический, конструктивный и смешанный контексты, что зависит от того, на каком уровне отмечается индикация.

Теория стилистического контекста учитывает то обстоятельство, что при

чтении читатель основывает своё понимание на всех возможных сопоставлениях и противопоставлениях элементов в структуре целого. Стилистический контекст основан не на минимальных контекстуальных указаниях, идентифицирующих уже знакомые значения, а, напротив, на возможном максимуме индикации, позволяющем заметить появление в слове новых оттенков значения, коннотаций и новых связей с обозначаемой действительностью или вымыслом. Стилистический контекст, соответственно, не ограничивается рамками непосредственного окружения элемента, а учитывает дистантные связи в тексте в целом и возможные ассоциации в тезаурусе читателя.

Понятие контекста тесно связано с понятием «полигенетичности» текста, имеющей место в том случае, когда в отдельном сегменте текста актуализируется не один только подтекст (или литературный источник), а целое множество источников. Контекстуальные связи в тексте создают жёсткую ткань, в которой каждый элемент не только привязан к определённому месту в формальной языковой и смысловой структуре, но и исключает вообще какой-либо вариант перемещения без влияния на однозначность восприятия текста. В свою очередь, контекстуальный метод анализа художественного текста является универсальным и применим к текстам любой жанровой принадлежности. По своей сути он представляет собой поэтапную схему анализа и фокусирует внимание исследователя на наиболее значимых элементах текста с точки зрения передачи смысла.

Ю. М. Лотман и Н. Э. Энkvист предложили выделять три типа контекстов, или уровней, релевантных для анализа интертекстуальных связей художественного текста:

1) субтекстовой уровень – контексты фонетический, морфологический, лексико-семантический, фразеологический, синтаксический;

2) текстовый уровень – контексты композиционный, хронотопный, характерологический;

3) метатекстовый уровень – контекст творчества данного автора, или переводчика, контекст жанровой стилистической традиции, межнациональный жанровый контекст [8].

Проявления интертекстуальности на субтекстовом уровне представляют собой наиболее очевидные образцы функционирования языковой системы, анализ и классификация взаимодействующих элементов этого уровня хорошо согласуются с представлениями о иерархическом устройстве языка. Безусловно, более субъективные и сложные текстовый и метатекстовый уровни интертекстуального анализа требуют специального терминологического аппарата.

В рамках данной работы особого внимания требует определение композиционной интертекстуальности, поскольку она чаще всего обусловлена наличием вставных текстов в основном тексте [2], а с точки зрения композиционной структуры всего произведения вставные тексты играют важную роль. В развитии событий такой тип интертекстуальных связей непосредственного участия не принимает, но является сосредоточием мотивированности сюжета, вскрывает причинно-следственные связи, их сущность.

Вставные тексты, как правило, обладают определённой дискретностью и выделяются на фоне основного различными способами, которые зависят от позиции и характеристик данного вставного текста. К их числу мы относим эпиграфы, т. к. они занимают сильную позицию в тексте, обычно маркированы с помощью изменённого шрифта печати и часто имеют отличное от основного текста авторство. Вставным текстом также является маркированная или прецедентная цитата, потому что намеренно выделяется автором как элемент другого текста.

Функционирование вставных интертекстов принципиально важно для рас-

крытия внутренней жизни персонажей. Интертекстуальные включения могут индивидуализировать речь персонажей. Наряду с характерологической одной из основных функций вставных текстов является создание полифонии голосов, появление различных высказываний, наполненных отзвуками других голосов. Следовательно, основной функцией композиционной интертекстуальности является создание полифонии и множественного видения произведения, что позволяет автору достоверно и всесторонне изобразить реальную действительность, представить панорамное видение внутритекстовых событий. В целом значимость композиционной интертекстуальности заключается в том, что она способствует созданию объёмного восприятия художественного произведения.

Очевидно, что контекстуальный анализ представляет собой эффективный инструмент декодирования смыслов. Именно он иллюстрирует и подтверждает «полигенез» художественного текста, особенно постмодернистского. Контексты всех уровней, обладая многочисленными метасемиотическими связями, порождают и наполняют тексты уникальными смыслами.

2. Заголовок как вставной текст

Современные исследования феномена интертекстуальности идут как по интенсивному, так и по экстенсивному пути. В первом случае учёными активно изучается природа, свойства и принципы интертекстуальности в её классическом понимании как взаимовлияние двух литературных произведений внутри одного текста, или более сужено и конкретно – как взаимодействие различных видов внутритекстовых дискурсов: дискурс повествователя о дискурсе персонажей, дискурс одного персонажа о дискурсе другого [4]; т. е. по М. М. Бахтину – взаимодействие «своего» и «чужого» слова.

Экстенсивное же развитие теории приводит к появлению новых видов и

принципов межтекстовых взаимоотношений. Так, в общесемиотическом смысле интертекстуальность приобретает всё новые формы, и исследователи вправе рассуждать не только об интертекстуальности в традиционном литературном аспекте как связи между художественными текстами, принадлежащими разным авторам, жанрам, эпохам, но и о таких явлениях, как автотекстуальность или синкретическая интертекстуальность. В этот терминологический ряд входит ещё одно понятие, связанное с межтекстовым взаимодействием и обозначаемое лингвистами как паратекстуальность. Её суть состоит в отношениях между текстом и заглавием, текстом и предисловием, текстом и послесловием и т. п. [10]. Как указывает И. В. Арнольд, в этих отношениях проявляются не только центробежные связи, как в цитате, но и композиционно важные центростремительные связи частей, находящихся «рядом» с основным текстом [2].

Подобный подход к пониманию интертекстуальности и акцентированию внимания на заглавии как интегральной части текста предложил Ж. Женетт, выделивший пятичленную классификацию разных типов взаимодействия текстов: 1) интертекстуальность как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д); 2) паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу и т. д; 3) метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст; 4) гипертекстуальность как осмеяние и пародирование одним текстом другого; 5) архитектурность, понимаемая как жанровая связь текстов [9]. Эти основные классы интертекстуальности исследователь делит затем на многочисленные подклассы и типы и прослеживает их взаимосвязи, что создаёт на первый взгляд внушительную, но трудно реализуемую на практике анализа структуру. Однако очевидно, что такой детализации требует само явление

интертекстуальности, выходящее за графические границы текста.

Так, переключение семантики высказываний и «дозагрузка» смыслов задаётся уже в заглавии текста. Заглавия к текстам выполняют настолько значительную семантическую функцию, что, по существу, определяют единое целое для восприятия содержания коммуникативного отрезка. Исследователи художественного текста утверждают, что любой текст можно свернуть до заглавия: заглавие – это свернутый текст, а основной корпус текста представляет собой, соответственно, развернутое название. К примеру, в традиции названий-антропонимов за счёт пересекающихся коннотаций образуется определённое смысловое поле, которое становится основой предпонимания текста и которое формирует определённое предпонимание сюжетной линии. Имена героев, вынесенные в название, как правило, появляются на первых страницах произведения. Опорой названия-антропонима является система имён в тексте.

Заглавие занимает начальную позицию в структуре текста, что представляет собой важную составляющую в композиционно-структурной организации текста, вследствие чего эту часть называют сильной позицией – то, с чего начинается знакомство читателя с произведением. Это первое впечатление читателя от текста, от которого, возможно, зависит дальнейшая судьба отношений «читатель-текст». Эти отношения могут состояться или не состояться, поэтому сильная позиция является очень важным элементом произведения.

Существуют несколько типов заглавий, типологизация которых зависит от дифференциальных признаков, принятых за основу типологии. Так, И. В. Арнольд предлагает следующий ряд критериев типологии заглавий: место в тексте, характер передаваемой информации, взаимоотношение с текстом, грамматическая структура, наличие или отсутствие аллюзий, сочетаемость с другими

типами выдвижения, оформление границ [1]. Особого внимания заслуживают заглавия с наличием интертекстуального элемента – аллюзии, иностранного слова, цитаты и т. п.

В качестве примера можно привести очень репрезентативные и семантически наполненные названия глав в романе “The Eyre Affair” («Дело Джейн, или Эйра немилосердия») современного валлийского автора-постмодерниста Дж. Ффорде¹. Наиболее часто здесь встречаются заглавие-аллюзия, заглавие с иностранным словом, заглавие-цитата. Так, например, в первой книге серии о Четверге Нонетот (Thursday Next) в названия глав часто инкорпорированы аллюзии литературного характера: Ch. 1. *A woman named Thursday Next*, Ch. 2. *Gad’s Hill*, Ch. 6. *Jane Eyre: A short excursion into the novel*, Ch. 20. *Dr. Runcible Spoon*, Ch. 24. *Martin Chuzzlewit is reprieved*, Ch. 28. *Haworth House*, Ch. 29. *Jane Eyre*, Ch. 32. *Thornfield Hall*; или аллюзии с топонимическим элементом: Ch. 8. *Airship to Swindon*, Ch. 10. *The Finis Hotel, Swindon*, Ch. 13. *The Church at Capel-y-ffin*, Ch. 31. *The People’s Republic of Wales*. Кроме того, встречается название-цитата: Ch. 5. *Search for the guilty, punish the innocent*. Похожая картина наблюдается в заглавиях второй и третьей книг серии. Редкими маркерами интертекстуальной связи заглавий являются иностранные слова. Во второй книге серии «Беги, Четверг, беги, или Жесткий переплет» (“Lost in a Good Book”²) лишь Глава 18 содержит иностранное слово в названии: *The trial of Fräulein N*, однако, и в этом случае оно являет собой литературную аллюзию на произведение Ф. Кафки «Процесс».

Очевидно, что в подавляющем большинстве заглавий автор использует литературную аллюзию как маркер внутритекстового субпространства –

Книгомирья, дополнительно фокусируя внимание читателя на связующих элементах сюжета, помещённых таким образом в сильную позицию. Паратекстуальные связи в заглавиях такого рода реализуются как центростремительные и выстраивают композицию глав в виде рамочной конструкции, выполняя все внутренние и внешние, по Н.А. Кожинной [5], текстовые функции.

Заглавие – своеобразное имя художественного произведения, с которым оно отправляется в дальнейшее плавание по волнам различных традиций, эпох и культур, поэтому является, пожалуй, самым важным из всех элементов сильной позиции. Его можно назвать своеобразным «ярлыком», собственным именем обозначаемого им объекта – художественного произведения. Заглавие – своего рода знак художественной пунктуации в литературе, это ориентир, определяющий расстановку акцентов для читательского восприятия. «Заглавие конденсировано отражает содержание своего объекта, это своего рода комментированный план произведения» [7]. Тогда очевидно, что эта сильная позиция, нагруженная дополнительными смыслами семантического универсума, определяет и степень декодирования текста читателем.

Заключение

Адекватное декодирование системы интертекстуальных связей является вопросом мастерства и интеллекта получателя. Некоторые интертекстуальные элементы сложны для обработки, поскольку могут требовать не только дешифровки подстрочника, но и обширного комментария. В противном случае интертекстуальная связь останется нереализованной и семантика текста некорректной по отношению к получателю.

Интертекстуальная составляющая постмодернистского текста, обладая по своей природе мощным семантическим потенциалом, может проявляться на разных уровнях. Субтекстовый, текстовый

¹ Fforde J. *The Eyre Affair*. London: Penguin Books, 2003. 400 p.

² Fforde J. *Lost in a Good Book (A Thursday Next Novel)*. London: Penguin Books, 2004. 300 p.

и метатекстовый – они наиболее точно характеризуют те системы координат, в которых работает межтекстовое взаимодействие, обеспечивают терминологический и методологический аппарат, который позволяет детально «препарировать» феномен интертекстуальности и мотивирует собственное развитие.

Паратекстуальность, как отношение текста определённого произведения к его

внетекстовой части и как проявление интертекстуального характера этого текста, обеспечивает наличие дополнительных смыслов. При этом паратекстуальность заглавия текста становится наиболее эффективным приёмом достижения многомерности смыслов и текстового многоголосия.

Дата поступления в редакцию 17.07.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–31.
2. Арнольд И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики. СПб.: Образование, 1995. 60 с.
3. Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Академический проект, 2012. 376 с.
4. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.
5. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология, на материале русской прозы XIX–XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986. 230 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. 704 с.
7. Магазаник Э. Поэтика заглавия и оглавления // Материалы XXIII научной конференции. Серия филологических наук (19–22 апреля 1966 г.). Самарканд, 1966. С. 14–15.
8. Энквист Н. Э. Параметры контекста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвистика. М.: Прогресс, 1980. С. 254–270.
9. Genette G. *Palimpsests: Literature in the Second Degree*. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 1997. 490 p.
10. Intertextualität: Formen, Funktionen, anglist. Fallstudien / hrsg. von U. Broich, M. Pfister, B. Schulte-Middelich. Tübingen: Niemeyer, 1985. 373 s.

REFERENCES

1. Arnold I. V. [The importance of a strong position for the interpretation of a literary text]. In: *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], 1978. no. 4. Pp. 23–31.
2. Arnold I. V. *Problemy dialogizma, intertekstual'nosti i germeneytiki* [Problems of dialogism, intertextuality and hermeneutics]. St. Petersburg, Obrazovaniye Publ., 1995. 60 p.
3. Derrida J. *Marges de la philosophie* (Russ. ed.: Kralechkin D., transl. *Polya filosofii*. Moscow, Akademicheskiiy proyekt Publ., 2012. 376 p.).
4. Il'in I. P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow, Intrada Publ., 1996. 256 p.
5. Kozhina N.A. *Zaglaviiye khudozhestvennogo proizvedeniya: struktura, funktsiya, tipologiya, na materialakh russkoy prozy XIX–XX vv.: diss. ... kand. filol. nauk* [Title of a work of art: structure, function, typology based on Russian prose of the 19th–20th centuries: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1986. 230 p.
6. Lotman Yu. M. *Semiosfera. Kultura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov* [Culture and explosion. Inside thinking worlds]. St. Petersburg, Isskustvo-SPB Publ., 2010. 704 p.
7. Magazanik E. [Poetics of the title and table of contents]. In: *Materialy XXIII nauchnoy konferentsii. Seriya filologicheskikh nauk (19–22 aprelya 1966 g.)* [Materials of the XXIII scientific conference. Philological Science Series (April 19–22, 1966)]. Samarkand, 1966. Pp. 14–15.
8. Engquist N. E. [Context parameters]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 9. Lingvostilistika* [New in foreign linguistics. Iss. 9. Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1980. Pp. 254–270.

9. Genette G. *Palimpsests: Literature in the Second Degree*. Lincoln and London, University of Nebraska Press, 1997. 490 p.
10. Broich U., Pfister M. Schulte-Middelich B., hrsg. *Intertextualität: Formen, Funktionen, anglist. Fallstudien*. Tübingen, Niemeyer, 1985. 373 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Луныкова Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германо-романских языков и методики их преподавания Государственного социально-гуманитарного университета;

e-mail: loralu@list.ru;

Мигдаль Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения;

e-mail: irinamigdal@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa N. Lunkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Germanic and Romance Languages and their Teaching Methods, State University of Humanities and Social Studies;

e-mail: loralu@list.ru;

Irina Yu. Migdal – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Federal State University of Education;

e-mail: irinamigdal@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Луныкова Л. Н., Мигдаль И. Ю. Паратекстуальность заглавия художественного текста // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 60–66.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-60-66

FOR CITATION

Lunkova L. N., Migdal I. Yu. The title paratextuality of a literary text. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 60–66.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-60-66

УДК 81'373.45

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-67-74

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВКРАПЛЕНИЙ-ИСПАНИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Мигдаль И. Ю.*Государственный университет просвещения**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной работы заключается в выявлении культурно-специфических особенностей функционирования иноязычных вкраплений (испанизмов) в рамках англоязычного художественного текста.

Процедура и методы. В статье рассмотрены стилистические функции и способы перевода испаноязычных лексических единиц в романе Рудольфо Анаи «Благослови меня, Ульtima» (1972) как носителей имплицитной лингвокультурной информации. В исследовании использованы методы дескриптивного, контекстуального анализа значения лексических единиц, метод сопоставительного анализа испанизмов в англоязычном тексте и их перевода на русский язык.

Результаты. В ходе работы выявлен потенциал иноязычных вкраплений по отражению межкультурных взаимоотношений в языковой системе, что позволяет автору передавать имплицитную информацию в художественном тексте.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию текста, переводоведение и сопоставительную лингвокультурологию.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, испанизмы, перевод, культурная маркированность

PECULIARITIES OF FOREIGN INCLUSIONS (HISPANISMS) FUNCTIONING IN AN ENGLISH-LANGUAGE LITERARY TEXT

I. Migdal*State University of Education**ulitsa Verry Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the culture-specific peculiarities of foreign-language inclusions (Hispanisms) functioning within the framework of an English-language fiction text.

Methodology. The article deals with the stylistic functions and translation methods of Spanish-language lexical units in Rudolfo Anaya's novel "Bless Me, Ultima" as carriers of implicit language and cultural information. The descriptive method, the method of contextual analysis of lexical units meaning, as well as the method of comparative analysis of the Hispanisms use in the English text and their translation into Russian were applied in the research.

Results. In the course of the work the potential of foreign language inclusions to reflect intercultural relations in the language system was revealed, which allows the author to convey implicit information in the literary text.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of text, translation studies and comparative cultural linguistics.

Keywords: foreign language inclusions, Hispanisms, translation, cultural labeling

Введение

Лексическая, фонетическая, семантическая интерференция представляет собой неизбежную и естественную реализацию языкового взаимодействия контактирующих языков. В современном мире крайне сложно встретить изолированные языковые системы, не подверженные инокультурному влиянию, поэтому изучение процесса отражения межкультурных контактов в языковой системе вызывает постоянный интерес. В данной статье рассматривается проблема отражения языковой диглоссии, типичной для приграничных с Мексикой штатов США, в англоязычном художественном дискурсе. Исторические и культурологические данные доказывают, что испанский язык оказал существенное влияние на становление американского варианта английского языка в разные периоды формирования США [5; 9; 13; 15], вплоть до формирования спанглиша (термин впервые появился в 1940 г.) [14]. Принимая во внимания степень проникновения испаноязычных элементов в лексическую систему американского варианта английского языка, было решено рассмотреть лингвокультурные особенности функционирования иноязычных вкраплений – испанизмов – в англоязычном художественном произведении как носителей информации, требующей интерпретации.

Необходимо отметить, что вопрос о лингвистическом статусе иноязычных вкраплений как особого вида иноязычных заимствований широко освещён в отечественном языкознании, а именно А. А. Леонтьевым [7], Л. П. Крысиным [6], А. О. Ивановым [4, с. 119–122] и т. д. Проблема изучения иноязычных вкраплений как художественного средства маркирования национальной принадлежности героя или события, создания местного или временного колорита или получения особого стилистического эффекта в результате взаимодействия разных язы-

ков и культур была исследована в ряде научных работ, посвящённых особенностям функционирования иноязычных вкраплений в произведениях отдельных авторов (например, в художественной прозе классических и современных писателей Э. По, В. В. Набокова, М. А. Булгакова, Б. Акунина, Т. Толстой, В. Пелевина, Д. Рубиной и т. д.) [1; 2; 3; 10; 11; 12]. В данной работе проводится сопоставление текстов оригинала и перевода романа «Благослови, Ультима» (1972) современного американского прозаика, ведущего представителя литературы чиканос (мексиканцев американского происхождения) Рудольфа Анайя (Anaya Rudolfo (1938–2020)). Мы акцентировали внимание на изучении культурного потенциала применения испаноязычных вкраплений в англоязычном художественном тексте, позволяющего отразить ассоциативные образы и экспрессивные оттенки смыслов, неочевидные для неносителей языка. Так, практическим материалом для сопоставительного и контекстуального анализов текстов оригинала¹ и перевода² романа Рудольфа Анайя послужили 152 испанизма и особенности их передачи на русский язык переводчицом Оксаной Кириченко. Перевод произведения был выполнен в 2000 г.

Результаты исследования.

Определение понятия

В теории языка под **иноязычными вкраплениями** рассматриваются языковые явления, которые демонстрируют значительные различия в характере функционирования, условиях возникновения и проникновения в речь. В работах А. А. Леонтьева представлена широкая

¹ Anaya R. Bless Me, Ultima: a classical novel. New York: Hatchette Book Group, 1994. 262 p. Далее при цитировании иллюстративного материала в скобках указываются соответствующие номера страниц.

² Анайя Р. Благослови, Ультима: роман / пер. О. Кириченко М.: Гудьял-Пресс, 2000. 315 с. Далее при цитировании иллюстративного материала в скобках указываются соответствующие номера страниц.

трактовка этого термина, в котором объединены как случаи использования элементов иностранного языка в речи (слова, словосочетания, фонетические, грамматические, семантические явления), так и языковые явления другого происхождения [7]. Л. П. Крысин, отнёсший к иноязычным вкраплениям слова и выражения иноязычные по происхождению, морфологически нечленимые в системе языка-реципиента и не принадлежащие его языковой системе, предлагает более узкий подход к определению понятия. В рамках данной интерпретации термина ключевое внимание уделяется степени знакомства говорящего с иностранным языком и жанрово-стилистическим особенностям речи. Согласно такому подходу, в разряд иноязычных вкраплений попадают иноязычные элементы, не принадлежащие к кругу устойчивых и интернациональных, а также слова и словосочетания, которые имеют интернациональный характер и могут быть употреблены в текстах любого культурного языка [6]. Мы понимаем под иноязычными вкраплениями слова или словосочетания, которые находятся на начальных этапах освоения (то есть сохраняют орфографическую и грамматическую форму языка-источника или трансформируются без морфологических или синтаксических изменений), не принадлежат системе использующего их языка, сохраняют ощущение непривычности для носителей языка и не фиксируются в толковом словаре.

Как уже было отмечено, в художественной литературе использование иноязычных вкраплений для отражения историко-культурной ситуации в определённом лингвокультурном сообществе является довольно частотным явлением. В большинстве случаев иноязычные вкрапления становятся средством стилистической выразительности. Они позволяют придать тексту аутентичности, то есть создать временной колорит и особую атмосферу места, где происходят

события романа. Анализ текста оригинала романа "Bless me, Ultima" Р. Аняи позволяет выделить 6 тематических групп вкраплений-испанизмов, употреблённых автором с сохранением орфографии, грамматики или лексики языка, несмотря на наличие англоязычных вариантов слов и понятий:

1. Группа «ландшафт и природа»: *sabana* – *savanna* (саванна), *llano* – *plain* (долина), *arroyo* – *stream* (ручей); *meseta* – *plateau* (плато), *napal* – *porpal* (кактус нопаль).

2. Группа «религия»: *Dios* – *God* (бог); *Madre de Dios* – *Mother of God* (матерь божья), *Ave Maria Purisima* – *Virgin Mary* (дева Мария); *Jesus, Maria and Jose* – *Jesus Christ, Virgin Mary and Joseph* (Иисус, Мария и Иосиф); *Espiritu Santo* – *the Holy Ghost* (святой дух); *Por Dios* – *for the God's sake* (ради бога).

3. Группа «магия и волшебство»: *curandera* – *healer* (целительница); *hechicera* – *wizard* (колдунья); *bruja* – *witch* (ведьма); *llorona* – *weeper* (плакальщица); *Diablo* – *devil* (дьявол).

4. Группа «сельская жизнь»: *vaquero* – *cowboy* (ковбой); *rancheros* – *owners of ranches* (владельцы ранчо); *tehanos* – *farmers* (фермеры/крестьяне); *ricos* – *the rich* (богачи).

5. Группа «еда и напитки»: *puchero* – *ragout of meat and sea-food* (суп пучеро); *sancocho* – *soup of bananas, meat and vegetables* (суп санчоcho); *penca* – *a palm's leaf* (мясистый сочный лист кактуса); *cazalla* – *vodka* (алкогольный напиток); *atolle* – *maize pottage* (кукурузная похлёбка); *quesadilla* – *stuffing of the Spanish omelette* (кессадилья); *taco* – *meat pie* (тако).

6. Группа «ругательства»: *cabron*, *cabroncito* – *dolt* (сволочь); *jodido* – *bloody* (чертов); *las putas* – *whores* (проститутка, шлюха); *maldito* – *damn you* (будь ты проклят); *desgraciado* – *loser, wretched* (неудачник, мерзкий); *entremetido* – *impertunate* (нарушитель, сующий нос в чужие дела).

Особенности передачи при переводе

Выделенные тематические группы испанизмов демонстрируют ограниченную сферу употребления и низкую степень ассимиляции в языке-реципиенте, что позволяет автору произведения решить ряд смысловых и стилистических функций (номинативную: передача значения языковой единицы в контексте; эмоционально-экспрессивную: создание аутентичной атмосферы, отражение культурного образа и так далее). Активное использование испанского языка и спанглиша в США позволяет предположить, что выделенные примеры иноязычных вкраплений когнитивно прозрачны и не представляют сложности для понимания и восприятия американскими читателями [8].

Иноязычные вкрапления при переводе представляют собой интересный случай межъязыкового перекодирования, когда в рамках одного художественного произведения взаимодействуют знаки различных языковых систем, которые необходимо перенести в третью языковую систему. Однако процесс перехода в третий иностранный язык (например, русский) ставит перед переводчиком задачу отражения лёгкости переключения языковых кодов и передачи специфики рецепции заданных образов, типичных для диглоссии юга США.

Передача национально-культурного своеобразия содержания сообщения, ярко выраженного в прагматическом значении иноязычных вкраплений, тесно связана с решением проблемы о способах достижения эквивалентности переводного текста на всех уровнях – денотативном, коннотативном, жанровом, прагматическом, художественно-эстетическом и импрессионном [1].

Можно выделить две основные стратегии работы с текстами, изобилующими иноязычными вкраплениями. Если введённое автором иноязычное вкрапление понятно любому читателю без дополнительных пояснений и тем более без пере-

вода, то переводчик может перенести его из исходного языка в язык перевода, не изменяя формы (при помощи транскрипции или транслитерации): 1. *My father had been a vaquero all his life, a calling as ancient as the coming of the Spaniard to Nuevo Méjico. Even after the big rancheros and the tejanos came and fenced the beautiful llano, he and those like him continued to work there, I guess because only in that wide expanse of land and sky could they feel the freedom their spirits needed* (p. 5). – Всю жизнь отец был вакеро, служа призванию столь же древнему, как приход испанцев в Нуэво-Мехико. Даже после того, как богатые ранчери и белые техасцы – техане пришли и огородили прекрасные равнины-льяносы, они подобные ему продолжали работать там, думаю потому, что лишь на этих обширных пространствах земли и небес могли они ощутить волю, которой жаждала их душа (с. 7). 2. *“Amigo!” Narciso shouted, “You know I am your friend, I want to help you, hombre”* (p. 7) – «Амиго! – зывал Нарсисо. – Ты ведь знаешь, я твой друг, и хочу помочь тебе, парень» (с. 9). 3. *I used to take my father’s machette which me everywhere I went* (p. 9). – Я всегда брал с собой отцовский нож-мачете для забоя скота, куда бы я ни шел ... (с. 10). 4) *When we had gran fiestas the dining table was full of food, we had pisco and wine on the table* (p. 3). – По большим праздникам на нашем столе было много вина и чилийского бренди (с. 6).

При этом можно выделить три возможных приёма такого неперевода сохранения иноязычного вкрапления: сохранение формы вкрапления без перевода (*vaquero* – вакеро; *rancheros* – ранчери), сохранение формы вкрапления с уточняющим переводом (*beautiful llano* – прекрасные равнины-льяносы; *my father’s machette* – отцовский нож-мачете), а также сноски с переводом и пояснениями (*the tejanos* – белые техасцы – техане; *pisco* – чилийский бренди). Использование транскрипции вместе с описательным переводом позволяет сочетать кра-

тность и экономность средств выражения с раскрытием семантики данной единицы. Разъяснив однажды значение данной единицы, переводчик в дальнейшем может использовать транскрипцию или кальку, смысл которой будет уже понятен читателю.

В остальных случаях переводчики прибегают к переводу иноязычного элемента в самом тексте, что включает в себя такие приёмы, как собственно перевод, перевод с культурологической сноской и использование функциональных аналогов: 1. *The evening were warm and my father often played the guitarron, and we sang our songs altogether* (p. 15). – Вечера были теплыми и уютными, и мы пели песни под папину игру на большой гитаре, напоминающей контрабас (с. 13). 2. *My parents drank tequila from caballitos and I was surprised to see that the grown-ups in this company drank it from bottles* (p. 12). – Мои родители пили текилу из специальных стопок, а здесь взрослые пили ее прямо из бутылок, что очень меня удивляло (с. 11). 3. *Sometimes instead of tequila they drank pulque, which was strange for me. I have never heard about such beverages and never saw pulquerias in my life* (p. 12). – Иногда вместо текилы они пили пульке, представляющий собой напиток из агавы. До этого я никогда не слышал о таких напитках и даже не видел заведений, где потягивают пульке (с. 11).

Выбор переводческого подхода зависит от ряда объективных и субъективных факторов: от временной отстранённости текста оригинала от текста перевода, от прагматической цели переводчика – окунуть своего читателя в атмосферу иноязычности или, напротив, максимально облегчить восприятие чужеродных элементов в тексте, предложив их перевод, и, наконец, от особенностей культуры и традиций нации и эпохи автора произведения и самого переводчика.

Заключение

Большое количество иноязычных вкраплений в тексте оригинала поднимает вопрос о степени знакомства читателя с языком вкраплений исходного текста, и, соответственно, об их потенциальном прагматическом воздействии. При этом в процессе перевода иноязычные элементы оригинала могут потерять свой стилистический потенциал, поскольку их традиционное выделение курсивом передаёт лишь выделительную функцию (основанную на визуализации), в то время как экспрессивная эквивалентность текста остаётся под сомнением. В связи с этим ряд переводчиков рекомендуют при переводе иноязычных вкраплений исходить, прежде всего, из прагматической установки автора и основных стилистических функций иноязычных вкраплений в художественном тексте.

Выделенные примеры испаноязычных вкраплений представляют особый интерес, поскольку в эпоху политической корректности использование испанских выражений вместо существующих английских синонимов в повседневной и публицистической речи способствует дифференциации социального статуса героев, маркирования пренебрежительного отношения к определённым этническим меньшинствам (иммигрантам – выходцам из Латинской Америки), подчёркиванию фамильярности в отношениях героев. В рамках художественной литературы иноязычные вкрапления становятся важным инструментом передачи лингвокультурной информации об определённом сообществе, его материально-духовных традициях, быте.

Таким образом, изучение особенностей функционирования иноязычных вкраплений в рамках оригинала и перевода художественного текста позволяет раскрыть важность учёта индивидуально-авторской картины мира создателя произведения и национально-культурных особенностей восприятия читателей.

Процесс рецепции иноязычного художественного текста при переводе на третий иностранный язык должен учитывать прагматический характер значения данной группы иноязычной лексики, что,

несомненно, будет способствовать дальнейшим исследованиям в этом научном направлении.

Дата поступления в редакцию 04.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова А. М. Лексико-семантические особенности перевода художественных произведений Б. Акунина с русского на английский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 109–117. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-3-109-117.
2. Габдреева Н. В., Калашникова М. А. Иноязычные вкрапления в современном русском языке (на примере произведений Д. Рубиной) // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1-4 (67). С. 99–101. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.117.
3. Жулёва Л. П. Иноязычные вкрапления в прозе Э. По и их русская переводческая рецепция // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 179–193. DOI: 10.17223/19986645/53/12.
4. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 190 с.
5. Козловская Т. П. Лексические испанизмы в английском языке США: дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 270 с.
6. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 207 с.
7. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. Вып. 7. М.: Наука, 1966. С. 60–67.
8. Норлусенян В. С. Дискурсивные способы ввода испанизмов в англоязычный художественный текст // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 89. № 6. С. 99–103. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-99-103.
9. Парфенова Т. А. Испанский элемент в английском тексте и его перевод на русский язык: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 205 с.
10. Сидаш В. В., Крицкая Н. В. Особенности передачи идиостиля В. Пелевина в английском переводе романа «Generation „П“» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (222). С. 34–40. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-4-34-40.
11. Сычёва Л. В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе В. В. Набокова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 4 (4). С. 22–25.
12. Сычёва Л. В. Функционирование иноязычных вкраплений в художественной прозе Т. Толстой // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 6 (6). С. 77–80.
13. Ушаков Д. А. Влияние социально-исторических факторов на межъязыковое взаимодействие английского и испанского языков // Современное педагогическое образование. 2021. № 12. С. 216–220.
14. Ярцева С. В. «Спанглиш»: с зарождения до наших дней. История и причины развития // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 7 С. 547–555. DOI: 10.33619/2414-2948/80/59.
15. Mencken H. L. The American language: an inquiry into the development of English in the United States. New York: Alfred A. Knopf, 1962. 769 p.

REFERENCES

1. Artemova A. M. [Translation of B. Akunin's works from Russian into English: lexico-semantic characteristics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 3, pp. 109–117. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-3-109-117.
2. Gabdreeva N. V., Kalashnikova M. A. [Foreign-language inclusions in modern Russian language (on the example of the prose by D. Rubina)]. In: *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2018, no. 1-4 (67), pp. 99–101. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.117.

3. Zhulyova L. P. [Foreign inclusions in Edgar Poe's prose and their perception in Russian translations]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2018, no. 53, pp. 179–193. DOI: 10.17223/19986645/53/12.
4. Ivanov A. O. *Bez ekvivalentnaya leksika* [Non-equivalent vocabulary]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2006. 190 p.
5. Kozlovskaya T. P. *Leksicheskiye ispanizmy v angliyskom yazyke SShA: diss. ... kand. filol. nauk* [Lexical Spanishisms in the English language of the USA: PhD thesis in Philological Sciences]. Kyiv, 1984. 270 p.
6. Krysin L. P. *Inoyazychnyye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in modern Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 207 p.
7. Leontyev A. A. [Foreign language inclusions in Russian speech]. In: *Voprosy kul'tury rechi. Vyp. 7* [Issues of speech culture. Iss. 7]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 60–67.
8. Norlusenyan V. S. [Discursive ways of introducing Spanishisms into English literary text]. In: *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [The Humanities and social sciences], 2021, vol. 89, no. 6, pp. 99–103. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-99-103.
9. Parfenova T. A. *Ispanskiy element v angliyskom tekste i yego perevod na russkiy yazyk: diss. ... kand. filol. nauk* [Spanish element in English text and its translation into Russian: PhD in Philological Sciences]. Moscow, 2001. 205 p.
10. Sidash V. V., Kritskaya N. V. [Features of V. Pelevin's idiostyle in English translation of "Generation P"]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2022, no. 4 (222), pp. 34–40. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-4-34-40.
11. Sychyova L. V. [Foreign elements in Nabokov's works]. In: *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2008, no. 4 (4), pp. 22–25.
12. Sychyova L. V. [Foreign elements in Tolstai's works]. In: *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2010, no. 6 (6), pp. 77–80.
13. Ushakov D. A. [The impact of historical and social factors on cross-linguistic cooperation of English and Spanish languages]. In: *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye* [Modern Pedagogical Education], 2021, no. 12, pp. 216–220.
14. Yartseva S. V. ["Spanglish": from the emergence to modern days. The history and the reasons of development]. In: *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 2022, vol. 8, no. 7, pp. 547–555. DOI: 10.33619/2414-2948/80/59.
15. Mencken H. L. *The American language: an inquiry into the development of English in the United States*. New York, Alfred A. Knopf, 1962. 769 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мигдаль Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения;
e-mail: irinamigdal@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Yu. Migdal – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Federal State University of Education;
e-mail: irinamigdal@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мигдаль И. Ю. Особенности функционирования вкраплений-испанизмов в англоязычном художественном тексте // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 67–74.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-67-74

FOR CITATION

Migdal I. Yu. Peculiarities of foreign inclusions (hispanisms) functioning in an English-language literary text. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 67–74.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-67-74

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-75-81

СОЦИАЛЬНАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЯЗЫКА (В ТРУДАХ Ф. В. ФАРРАРА И Х. ШТЕЙНТАЛЯ)

Стекольников И. В., Николаева Т. Ю.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель исследования состоит в рассмотрении отражения вопросов связи языка и мышления и социального характера речи в трудах Фредерика Вильяма Фаррара и Хеймана Штейнтала, впоследствии ставшими ключевыми для лингвистического психологизма.

Процедура и методы. Ведущие методы исследования, применённые в работе, – описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный.

Результаты. Проведённое исследования показало, что Ф. В. Фаррар и Х. Штейнталь анализируют в своих трудах процессы производства речи, концепцию материальности языка, роль метафоры и звукоподражания, феномен отражения психологии и ценностей народов в их языках и др. Авторы статьи указывают на сходства и различия во взглядах Ф. В. Фаррара и Х. Штейнтала и дополняют их высказываниями прочих выдающихся лингвистов XIX и XX веков.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обновлено и расширены данные о психологическом направлении в языкознании и научном творчестве Ф. В. Фаррара и Х. Штейнтала.

Ключевые слова: лингвистический психологизм, производство речи, психология языка, социальный характер речи, Фредерик Фаррар, Хейман Штейнталь, языкознание

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF LANGUAGE (IN THE WORKS OF F. W. FARRAR AND H. STEINTHAL)

I. Stekolshchikova, T. Nikolaeva

Moscow City University

Vtoroy Selskokhoziastvenny Proezd 4, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider how the issues of language and thinking link, as well as the social nature of speech, are presented in the works of Frederick William Farrar and Heymann Steinthal, whose research later became foundational in the field of linguistic psychology.

Methodology. The article primarily relies on descriptive-analytical and comparative research methods.

Results. The research revealed that in their works F. W. Farrar and H. Steinthal analyse such issues as processes of speech production, the concept of the language materiality, the role of metaphor and onomatopoeia, the phenomenon peoples' psychology and values being reflected in their languages, etc. The authors of the article point out similarities and differences in the views of F. W. Farrar and H. Steinthal and complement them with comments of other prominent linguists of the 19th and 20th centuries.

Research implications. Data on linguistic psychology and research conducted by F. W. Farrar and H. Steinthal are updated and expanded.

Keywords: linguistic psychologism, speech production, psychology of language, social nature of speech, Frederick Farrar, Heymann Steintal, linguistics

Введение

Невозможно отрицать, что на настоящий момент одним из ключевых понятий в лингвистике является идея антропоцентричности [6, с. 31]. Признание социального характера языка и его связи с человеком, миром и культурой мотивирует необходимость подходить к языкознанию с учётом его многогранности и междисциплинарности. Однако стоит отметить, что такой подход и его отдельные проявления можно было наблюдать в лингвистике намного раньше XXI в.; одним из частных примеров этого является зарождение и распространение психолингвистики и психолингвистических исследований.

Психологическое направление языкознания, по времени формирования практически совпавшее с натуралистическим, опиралось как на науку психологию, активно развивающуюся в середине XIX в., так и на отдельные взгляды В. фон Гумбольдта [9]. Тем не менее, основывающиеся на биологизме натуралистические взгляды Фредерика Вильяма Фаррара (1831–1903) – автора таких работ, как “An Essay on the Origin of Language” (1860) и “Chapters on Language” (1865) [8, с. 237], среди прочих – не исключали психологической сущности языка, что позволяет сравнить его концепцию с лингвистической концепцией представителя психологического направления Хеймана Штейнталя (1923–1899), изложенной в работе «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения» (1855). Таким образом, рассмотрение вопроса о соотношении между натуралистическим подходом к языку и социально-психологической интерпретацией языка и речи «можно признать одной из актуальных задач лингвистической историографии» [2, с. 14].

Связь языка, речи и мышления

Признание тесной связи языка и мышления и сформулированные английским учёным Фредериком Фарраром «теоретические и методические понятия компаративного языкознания» [1, с. 10] позволяют сравнить теорию языка Ф. Фаррара и концепцию лингвистического натурализма А. Шлейхера и М. Мюллера. Так, Фредерик Фаррар понимал язык как продукт разума и воплощение мысли [12, р. 4]. Иными словами, язык – это «дитя мысли» и, следовательно, является вторичным явлением по отношению к мышлению. В то же время стоит отметить, что эта точка зрения не являлась общепринятой даже в рядах лингвистов-натуралистов: в пример можно привести позицию Макса Мюллера, в рамках которой мышление и речь уподоблялись друг другу [14, р. 80].

В понимании Ф. В. Фаррара, связь между языком и мышлением проявляется с самых ранних этапов овладения языком [12, р. 42]. Таким образом, в концепции Ф. В. Фаррара речь представлена как выражение мыслительной энергии в членораздельных звуках [8, с. 246], а голос – как орган суждения [13, р. 84]. Непосредственно процесс трансформации сознания в идеи, а тех – в слова Фредерик Фаррар представляет не в полной мере осознаваемым самим говорящим: “... the speaker may be as unconscious of the process as he is of the organic mechanisms which give utterance to his thoughts” [8, с. 247; 12, р. 45].

Таким образом, в иерархии, выстроенной Фредериком Фарраром, речи отводится подчинённое положение: она может выразить исключительно предварительно зародившиеся в мыслях говорящего идеи [13, р. 6]. Соответственно, “a single child growing up in savage loneliness” [8, с. 247] не овладеет членораздельной речью, однако изолированная от внешнего мира группа детей с большой веро-

ятностью изобретёт свой язык – “a sort of lingua franca” [13, p. 16] – вследствие необходимости общения. Иными словами, Ф. В. Фаррар признаёт значимость коммуникации в контексте мотивации к производству речи.

Обсуждая процесс производства речи как таковой, Ф. Фаррар (несмотря на расхождения между биологизмом и психологизмом в лингвистике) соглашается с теорией Хеймана Штейнтала [12, p. 45–47]:

- на первом этапе развития человечества душа и тело были связаны столь неразрывно, что любая испытываемая человеком эмоция находила свой отклик и выражалась голосом;

- на втором этапе звуки приобретали ассоциации с определёнными идеями и начинали неразрывно связываться с ними в сознании;

- на третьем этапе звуки становились средством ассоциации внешнего образа и внутреннего понятия и, таким образом, превращались в слова [8, с. 248].

В то же время Ф. В. Фаррар не соглашается с Х. Штейнталем относительно бессознательности процесса появления языка, ссылаясь на малую изученность данного вопроса в рамках лингвистики: [12, p. 48–52].

Психологическая составляющая и инструменты языка

Обратимся непосредственно к Х. Штейнталу для прояснения отдельных моментов. В работе «Грамматика, логика и психология» Хейман Штейнталь особо подчёркивает психологическую составляющую как непосредственно речи, так и языка вообще, представляющего собой выражение «осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков» [11, с. 127]. Всё это, по его мнению, даёт основание считать науку о языке психологической: «Речь – это духовная деятельность, и, следовательно, языкознание относится к числу психологических наук...» [11,

с. 129]. Одновременно с этим лингвисты натуралистического направления, в частности А. Шлейхер, относили языкознание к естественным дисциплинам [15, p. 21].

Сам же Ф. В. Фаррар в указанных работах не уточняет, к какой области научного знания (естественной или гуманитарной) стоит относить лингвистику, но относительно сущности языка заявляет следующее: точно можно сказать лишь то, что язык не является ни врождённым, ни божественным откровением [8, с. 248]. Таким образом, Ф. В. Фаррар резюмирует: с объективной точки зрения, язык – результат работы организма; с субъективной – продукт работы ума [12, p. 32].

Сам язык Фредерик Фаррар понимает как единство лексики (аналогичной содержанию) и грамматики (аналогичной форме) [12, p. 62]. Этот факт является причиной, по которой Ф. В. Фаррар называет изолирующие языки неорганическими: “The absence of any definite grammar constitutes an *inorganic* language like the Chinese” [8, с. 248–249; 12, p. 62]. Тем не менее, Ф. Фаррар приходит к выводу о том, что язык создают не сами слова, а логические отношения между ними [12, p. 62].

Кроме того, Ф. В. Фаррар предлагает «формулу» для определения связи слова и его значения [8, с. 249], согласно которой связь между словесной оболочкой и семантикой слова определяется и обуславливается разумной причиной, нахождение и корректная трактовка которой – важная задача лингвиста.

Наряду с мышлением в создании языка участвуют, по словам Фредерика Фаррара, и внешние впечатления от мира [8, с. 249]. Следовательно, звукоподражание не может быть принято за полноценный инструмент создания языка, а представляет собой лишь “... the most natural starting point for the intelligence in its path towards expression” [8, с. 249; 12, p. 75]. Однако Ф. В. Фаррар отмечает, что имитация является не просто пассивным эхом

звука, а результатом впечатления, произведённого внешней средой на мыслящее существо [12, р. 78], которое реализуется за счёт органов артикуляции и основано на осознании аналогии между звуком и внешним объектом [8, с. 249].

Другая интересная тема, поднимаемая Ф. В. Фарраром, – идея о невозможности метафоры в языке, способном выразить абсолютно всё [12, р. 135]. Причиной вышесказанного служит тот факт, что метафора используется для выражения абстрактных или чувственных понятий, которые не могут быть переданы существующими языковыми средствами, тогда как человек может лишь адаптировать относительно подходящее название, не в полной мере отражающее искомую сущность [12, р. 136]. Соответственно, в языке, который обладает всеми потенциально возможными и необходимыми языковыми средствами, метафора не зарождается изначально как результат отсутствия необходимости в ней.

Фредерик Фаррар приходит к умозаключению, что, несмотря на существование метафор и звукоподражаний для выражения материальной составляющей языка, без работы ума они всё же не будут иметь смысла: “Without reason, the use of metaphor would be impossible, and the result of imitation would be a collection of sounds as meaningless as screams of a parrot or the chattering of an ape” [8, с. 252; 12, р. 163–164]. Таким образом, даже в материальности языка Ф. В. Фаррар акцентирует психологическую составляющую языка и его символическую основу.

Интересно отметить, что иную интерпретацию идея материальности языка приобретает в работах Х. Штейнтала. Языковой материал для него – это не столько символы, сколько регулярно повторяющиеся, воспроизводимые элементы: «Языковой материал, т. е. созданные речевой способностью в процессе говорения элементы, которые постоянно употребляются каждый раз, как только снова должен быть выражен тот самый

внутренний предмет, для выражения которого впервые они были созданы, или, правильнее, действие, производимое при каждом первом выражении какого-либо отдельного внутреннего элемента и повторяемое каждый раз, когда снова должен быть выражен тот же внутренний элемент» [11, с. 127].

Социальный характер речи

Возвращаясь к Ф. В. Фаррару, отметим, что, по его мнению, речь, будучи продуктом мыслительной энергии, получает импульс развития только посредством впечатлений от внешнего мира и нужд практической жизни [8, с. 252; 13, р. 63].

Кроме того, Ф. В. Фаррар размышляет над связью психологических особенностей нации с её языком: “... the language of nations is the type of their moral, as well as of their intellectual character” [8, с. 251; 12, р. 145]. Констатируя их неразрывную связь, учёный утверждает, что уровень процветания языка напрямую зависит от уровня процветания общества его носителей [12, р. 145].

В работе «Грамматика, логика и психология» Х. Штейнталь использует похожий тезис, позиционируя язык как «психологию народа» [11, с. 132], а языкознание, соответственно, как наилучшее введение к ней [11, с. 134]. По словам Х. Штейнтала, «данные языка наиболее ярко иллюстрируют все принципы психологии народов» [11, с. 135]; иными словами, общий язык отражает единство говорящей на нём нации и неразрывно связан с её историей [11, с. 135]. Проблема, затронутая Х. Штейнталем ещё в середине XIX в., актуальна и в настоящее время (см. [7]).

Таким образом, Ф. В. Фаррар ещё раз подчёркивает социальный характер речи, что освещается подробнее в том числе отечественными лингвистами Ф. Ф. Фортунатовым и И. А. Бодуэном де Куртене [8, с. 252].

Так, Филипп Фёдорович Фортунатов утверждает, что общественные измене-

ния неизбежно провоцируют изменения в языке, являющемся по своей натуре общественным явлением: «дроблению общества ... соответствует дробление языка ... , а объединению частей общественного союза соответствует и в языке объединение его наречий» [8, с. 444; 10, с. 4]. Именно это является основным аргументам Ф. Ф. Фортунатова в пользу понимания языкознания как общественной науки [10, с. 8].

В то же время Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, вслед за В. фон Гумбольдтом, признаёт за языком возможность выражать мировоззрение человека [8, с. 464], подчёркивая сущность языка как реакции души и духа «на раздражения и возбуждения со стороны мира» [4, с. 158]. И поскольку язык может реализоваться только в обществе, а психическое развитие людей возможно только в общении с другими людьми [8, с. 475], И. А. Бодуэн де Куртенэ называет лингвистику «наукой психологично-социологической» [3, с. 217].

Заключение

Суммируя вышеизложенное, скажем, что невозможно отрицать вклада Фредерика Фаррара и Хеймана Штейнталя в развитие идей психологии языка, что отражено как в работах самих учёных, так и в трудах их многочисленных коллег и критиков [9]. Их идеи, которые были в определённой степени революционными в момент их зарождения, остаются актуальными и горячо обсуждаемыми и сейчас, что только ещё раз доказывает неостывающий интерес научного общества к сущности языка и его психологическому и социальному аспектам [5, с. 77]. Анализ работ учёных, которые во многом способствовали развитию данной отрасли науки, позволяют проследить, как ключевые понятия и идеи эволюционировали на протяжении веков, и убедиться в том, что социо- и психолингвистические исследования являются неотъемлемым компонентом лингвистики и смежных с ней наук.

Дата поступления в редакцию 13.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Шлейхер, теория и метод // Сравнительно-историческое языкознание XIX–XXI вв. К 200-летию со дня рождения Августа Шлейхера (1821–1868): материалы XI международного науч. конф. по сравнительно-историческому языкознанию (МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–25 ноября 2021 г.) / отв. ред. Л. А. Чижова. М.: Издательство Московского университета, 2022. С. 10–16.
2. Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т. Исторический и логический подходы к языку: сосуществование или отрицание? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 13–23. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-13-23.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. Т. 1. 384 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И. А. Общее языкознание. Избранные труды. М.: Юрайт, 2018. 342 с.
5. Викулова Л. Г. Рецензия на монографию под ред. О. А. Турбиной «Эмогенный текст» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 15. № 3. С. 77–78. DOI: 10.14529/ling180313.
6. Лексемы *identite*/идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиотический и аксиологический аспекты интерпретации / Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Вострикова О. В., Герасимова С. А. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (831). С. 30–42.
7. Сороковых Г. В., Прибылова Н. Г. Взаимодействие языка и культур как методическая проблема // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. № 4 (32). С. 141–144.
8. Стекольников И. В. Натуралистическая концепция языка в языкознании XIX века: общее и специфическое: дисс. ... докт. филол. наук. Мытищи, 2020. 607 с.
9. Стекольников И. В. Натуралистическое переосмысление гумбольдтианских взглядов на сущ-

- ность языка А. Шлейхером, А. Овелаком и М. Мюллером // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-2 (63). С. 158–162.
10. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс. М.: Юрайт, 2019. 220 с.
 11. Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения) (извлечения) // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 127–135.
 12. Farrar F. W. An Essay on the origin of language. London: John Murray, 1860. 232 p.
 13. Farrar F. W. Chapters on Language. London: Longmans, Green, and CO, 1865. 308 p.
 14. Müller M. Lectures on the Science of Language; 6-th ed. In two volumes. Vol. 2. London: Longmans, Green, and Co, 1871. 668 p.
 15. Schleicher A. Darwinism tested by the science of language / translated from the German by Dr. Alex. V. W. Bickers. London: John Camden Hotten, 1869. 70 p.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. [Schleicher, theory and method]. In: *Sravnitel'no-istoricheskoye yazykoznanie XIX–XXI vv. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya Avgusta Shleykhera (1821–1868)* [Comparative historical linguistics of the 19th–21st centuries. To the 200th anniversary of the birth of August Schleicher (1821–1868)]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2022, pp. 10–16.
2. Belyaeva I. F., Khukhuni G. T. [Historical and logical approach to language: coexistence or denial?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 4, pp. 13–23. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-13-23.
3. Baudouin de Courtenay I. A. *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznanuyu* [Selected works on general linguistics]. Moscow, Akademia Nauk SSSR Publ., 1963, vol. 1, 384 p.
4. Baudouin de Courtenay I. A. *Obshcheye yazykoznanie. Izbrannyye Trudy* [General linguistics. Selected works]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 342 p.
5. Vikulova L. G. [Monograph review: "Emotion-triggering text" edited by O.A. Turbina]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics], 2018, vol. 15, no. 3, pp. 77–78. DOI: 10.14529/ling180313.
6. Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Vostrikova O. V., Gerasimova S. A. [Lexemes identity/identity as elements of the human and language universes: ethnosemiometric and axiological aspects of interpretation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2020, no. 2 (831), pp. 30–42.
7. Sorokovyykh G. V., Pribylova N. G. [The interaction of the language and culture as methodological problem]. In: *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve* [Educational Psychology in Polycultural Space], 2015, no. 4 (32), pp. 141–144.
8. Stekolshchikova I. V. *Naturalisticheskaya kontseptsiya yazyka v yazykoznanii XIX veka: obshcheye i spetsificheskoye: diss. ... dokt. filol. nauk* [Naturalistic concept of language in linguistics of the 19th century: general and specific: PhD thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2020. 607 p.
9. Stekolshchikova I. V. [Naturalistic reconsideration of Humboldt's views on the language essence by A. Schleicher, A. Hovelague and M. Müller]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, no. 9-2 (63), pp. 158–162.
10. Fortunatov F. F. *Sravnitel'noye yazykovedeniye: Obshchiy kurs* [Comparative linguistics: General course]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 220 p.
11. Steintal G. [Grammar, logic and psychology (their principles and their relationships) (extracts)]. In: *Zvegintsev V. A. Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. 1* [History of linguistics of the 19th–20th centuries in essays and extracts. Part 1]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1964, pp. 127–135.
12. Farrar F. W. An Essay on the origin of language. London, John Murray, 1860. 232 p.
13. Farrar F. W. Chapters on Language. London, Longmans, Green, and CO, 1865. 308 p.
14. Müller M. Lectures on the Science of Language; 6-th ed. In two volumes. Vol. 2. London, Longmans, Green, and Co, 1871. 668 p.
15. Schleicher A. Darwinism tested by the science of language / translated from the German by Dr. Alex. V. W. Bickers. London, John Camden Hotten, 1869. 70 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Стеколыщикова Ирина Витальевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации Московского городского педагогического университета;

e-mail: StekolshhikovaIV@mgpu.ru

Николаева Татьяна Юрьевна – ассистент кафедры англистики и межкультурной коммуникации, Московского городского педагогического университета;

e-mail: NikolaevaTJ@mgpu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Stekolshchikova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of English Studies and Cross-Cultural Communication, Moscow City University;

e-mail: StekolshhikovaIV@mgpu.ru

Tatiana Yu. Nikolaeva – Assistant Lecturer, Department of English Studies and Cross-Cultural Communication, Moscow City University;

e-mail: NikolaevaTJ@mgpu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Стеколыщикова И. В., Николаева Т. Ю. Социальная и психологическая составляющие языка (в трудах Ф. В. Фаррара и Х. Штейнталя) // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 75–81.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-75–81

FOR CITATION

Stekolshchikova I. V., Nikolaeva T. Yu. Social and psychological aspects of language (in the works of F. W. Farrar and H. Steintal). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 75–81.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-75–81

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-82-89

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЁМ ФРАЗЕОЛОГИЗМА «ПОТЕРЯ ЛИЦА» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сюн Чанван

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить сходства и различия в семантической структуре понятия «потеря лица» в русском и китайском языках.

Процедура и методы. В ходе исследования был использован сопоставительный метод с привлечением дефиниционного анализа, компонентного анализа и контекстного анализа.

Результаты. Проведённый анализ показал, что толкование лексической единицы *лицо* в китайском языке отличается от русского тем, что в китайском языке *лицо*, сформированное под влиянием социальной нормы, может обозначать репутацию человека; в русском языке *лицо*, понимаемое как что-то индивидуальное, уникальное, может обозначать отличительные черты человека, личность. В обоих языках *лицо* представляет собой ценность, которую человек боится потерять. В разных языках понятие «потеря лица» имеет разные черты. В русском языке «потеря лица» не только обозначает утрату репутации, но также может означать, что лицо предмета или человека утрачено в результате деформации, в китайском языке «потеря лица» относится к сфере этикета.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования вносят вклад в выявление и обоснование национально-культурных компонентов в семантике слова *лицо* и фразеологизма «потеря лица», что полезно для сопоставительного изучения языков. Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике, а также в преподавании русского и китайского языков.

Ключевые слова: китайский язык, русский язык, лицо, потеря лица, национально-культурный компонент, сходство и различия

THE SEMANTIC VOLUME OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT “LOSS OF FACE” IN RUSSIAN AND CHINESE

Syun Chanvan

Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify similarities and differences in the semantic structure of the “loss of face” concept in Russian and Chinese.

Methodology. In the course of the study, a comparative method was used with the involvement of definitional analysis, component analysis and contextual analysis.

Results. The analysis has shown that the interpretation of the lexical unit “face” in Chinese differs from Russian because in Chinese “face”, formed under the influence of the social norm, can denote person’s reputation; in Russian “face”, understood as something individual and unique, can denote distinctive features of a person, personality. In both languages, “face” represents a value that a person fears losing. The concept of “loss of face” has different features in different languages. In Russian “loss of face” not only refers to the loss of reputation, but can also mean that the face of an object or person is lost as a result of deformation, while in Chinese the concept of “loss of face” refers to the sphere of etiquette.

Research implications. Theoretical and practical significance is determined by the establishment of national-cultural components the semantics of the word “face” and in the designation of “loss of face” phraseological unit. In addition, the results obtained can be used in lexicographic practice as well as in teaching of Russian and Chinese.

Keywords: Chinese, Russian, face, loss of face, national-cultural component, similarities and differences

Введение

Лицо – часть тела человека, где находится самое большое количество органов чувств (чувства зрения, слуха, обоняния, вкуса). Едва заметные изменения в выражении лица могут отражать изменения во внутреннем состоянии человека, в его мыслях и чувствах.

Анализ научной литературы по рассматриваемой проблеме показал, что исследование понятия *лица* привлекает большое внимание лингвистов и социологов (Степанов Ю. С., Лосев А. Ф., Кон И. С., Браун П., Левинсон С., Ху Сяньцзинь и др.). Важным научным достижением является обоснование понятия «социальное лицо», которое представлено, в частности, в работе социолога Эрвина Гофмана, где автор рассматривает *лицо* как «позитивную социальную ценность, которую человек с успехом стремится придать себе, приняв в определенном контакте, как считают другие, некоторую линию поведения» [2, с. 18]. Согласно теории Брауна – Левинсона (Brown – Levinson), *лицо* не только отражает эмоции человека, оно может быть утрачено, защищено или усилено [7, р. 62]. Учёными установлено, что «социальное лицо» зависит от оценки человека другими людьми и, возможно, далеко не всегда имеет отношение к моральным качествам субъекта: «количественная форма оценки окружающими публич-

ных достижений индивида и признание его статуса либо авторитета ... не обязательно соотносится с его моральными качествами» [4, с. 133]. *Лицо* – это образ человека, на протяжении коммуникации «проецируемый в ситуацию отношений», или, иными словами, идентичность, «определяемая совместно участниками коммуникации» [3, с. 166]. В китайской культуре *лицо* обладает особой спецификой [6]. С точки зрения представителей другой культуры, *лицо* китайцев имеет ярко выраженный социальный характер, реализация *лица* зависит от того, как трансформировать систему ценностей группы, в которой он находится, в своё собственное восприятие¹. В данном исследовании рассматривается, почему *лицо* имеет важное значение для китайцев и чем понятие *лица* в китайском языке отличается от соответствующего понятия в русском языке.

Сопоставительный аспект изучения понятия *лица* и «потери лица» к настоящему моменту представлен недостаточно. Данная работа посвящена исследованию понятия «*потеря лица*» в сопоставительном плане. Целью исследования является установление сходства и различия в содержательной структуре понятия

¹ Mao L. M. R. Beyond politeness theory: ‘Face’ revisited and renewed // Journal of Pragmatics. 1994. Vol. 21. Iss. 5. pp. 451–486. DOI: 10.1016/0378-2166(94)90025-6.

«потеря лица» в русском и китайском языках. Цель работы определила задачи исследования: 1) выявить составляющие понятия *лица*, проанализировав словари двух языков; 2) используя приёмы контекстного анализа, рассмотреть языковой материал, содержащий информацию о «*потере лица*» в русском и китайском языках; 3) сопоставить результаты анализа с целью выявления универсального и специфического в двух языках.

Таким образом, в данной статье выявляются сходства и различия в семантической структуре понятия *лица*, исследуется значение фразеологизма «*потеря лица*» и рассматриваются сценарии «*потери лица*» в русском и китайском языках. Фразеологизм «*потеря лица*», как и фразеология в целом, отражает специфику народа. Как отмечает В. М. Мокиенко, «фразеология индивидуальна как отражение каких-либо национальных реалий, составлявших в свое время самобытность культуры того или иного народа» [4, с. 5].

Толкование понятия лица в русском и китайском языках

Рассмотрим понятие *лица* в русском языке. В словаре С. И. Ожегова *лицо* толкуется следующим образом: 1) передняя часть головы человека. *Румяное лицо, знакомое лицо*; 2) индивидуальный облик, отличительные черты. *Лицо театра*; 3) человек, личность. *Отдельные лица, действующее лицо*; 4) наружная, передняя, верхняя сторона предмета. *Товар лицом показать*¹.

Из анализа значений слова *лицо* следует, что в русской культуре, как отмечает Л. И. Богданова, «*лицо* понимается прежде всего как что-то внешнее, находящееся в зоне видимости других людей, представленное на их обозрение, доступное для наблюдения, способное сообщать о сходстве и различии с другими объектами» [1, с. 81]. Анализ фразеологизмов со

словом *лицо* (*измениться/перемениться в лице* – о быстрой смене выражения лица под влиянием каких-л. чувств, переживаний; *лица нет на ком-либо* – Кто-либо очень изменился в лице; *на одно лицо* – одинаковы, очень похожи друг на друга; *не к лицу* – оценка чего-л. – одежды, причёски и т. п. – как такого, что не подходит, не идет кому-л., делает его некрасивым; *с лица воды не пить* – кто-либо должен быть снисходителен к недостаточной привлекательности, красоте жениха или невесты; *лицом к лицу* – совсем рядом, очень близко (видеть кого-либо или что-либо); вплотную (встречаться, сталкиваться с кем-либо или чем-либо) и др.) подтверждает эти наблюдения².

В китайском языке иероглиф *лицо* обозначается на письме как 脸. Как и в русской лингвокультуре, *лицо* в китайской культуре отражает особую культурную психологию китайцев. Русские учёные отмечают, что типичный характер китайцев проявляется в сильном желании защиты своего *лица* [5, с. 3]. Конфуцианская мысль оказала значительное влияние на формирование понятия *лица* в китайской культуре. В древнем Китае руководством к взаимоотношениям людей служил кодекс правил поведения – этикет, поскольку он обеспечивал основу иерархического порядка³. Как говорил Конфуций, «не знающий ритуала, не устоит на ногах – 不学礼，无以立»⁴. Идея иерархического порядка сводилась к тому, что в обществе у каждого есть своё социальное положение, и человек должен действовать и вступать в коммуникацию в соответствии с этикетом; в случае нарушения этикета (сделал что-то, не соответствующее своему положению),

² См.: Большой словарь русских поговорок [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 14.12.2022).

³ См.: 吕不韦. 吕氏春秋 / 吕不韦. – 长春市: 吉林文史出版社, 2017. 219页.

⁴ См.: Конфуций. Суждения и беседы («Лунь юй») / исслед., пер. с кит., комм. Л. С. Переломова. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. С. 13.

¹ См.: Лицо [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/лицо> (дата обращения: 14.12.2022).

человек теряет *лицо*. 孩子不会做客礼仪, 每次带出门都觉得丢脸。教育课堂《家庭》。Ребёнок не знает о гостевом этикете, из-за этого родитель **теряет лицо**¹. В китайской культуре соблюдение правил этикета понимается как защита лица, т. е. обеспечение репутации².

В китайской культуре *лицо* тесно связано с нравственной моралью и социальными нормами. Ху Сяньцзинь отмечает, что *лицо* представляет собой оценку, которую общество даёт нравственному облику человека [8, 112 стр.]. Цзинь Яоци делает акцент на том, что *лицо* – это восприятие человека человеком, которое зависит от социальных норм, регулирующих деятельность человека [10, 58 стр.]. Согласно Чжай Сюэвэй, *лицо* является социальным имиджем, который проявляется в социальной группе [9, 140 стр.].

В словаре иероглифов Синьхуа для слова *лицо* зафиксированы следующие значения: 1) физиономия, передняя часть головы ото лба до подбородка; 2) передняя часть предмета; 3) репутация человека; 4) выражение лица³.

Синоним к слову *лицо* в китайском языке – 面, также переводится как *лицо*. Цзинь Яоци отмечает, что *лицо* (面) делится на два вида: статус человека в обществе и мораль человека. Статус человека в обществе определяется как репутация, которую уже получил человек благодаря своим достижениям. Чтобы повысить свой статус, человек должен приобрести социальный статус, имущество и определённые способности. Так что в китайском языке, мы может *дать кому-то лицо* (给某人面子) или *посмотреть на чьё-то лицо* (看在某人的面子上): если у кого-то высокий статус в обществе, другие люди любят помогать ему или его близким. Мораль человека понимается как оценка

окружающих самого себя, то есть *лицо* (脸). Кроме того, Цзинь Яоци сделал акцент на том, что *лицо* (脸) не похоже на *лицо* (面), которое можно измерить, то есть нельзя говорить, что у кого-то большая мораль [10, 12 стр.]. В данной работе рассмотрим понятие *лица* (脸).

Из словарных толкований следует, что в русском и китайском языках *лицо* обозначает переднюю часть головы человека или предмета. В русском языке *лицо* может обозначать человека и его отличительные черты. В китайском языке *лицо* делится на статус и мораль человека, статус человека связан с престижем человека в обществе; мораль человека относится к этикету, моральной норме и репутации человека, формирующейся под влиянием социальной группы.

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова для фразеологической единицы «*потерять лицо*» («*потеря лица*») представлено значение «утрачивать свою индивидуальность, свои отличительные черты»⁴. В «Большом словаре русских поговорок» (ред. В. М. Мокиенко) для «*потери лица*» наряду со значением «становиться непохожим на себя, терять свои отличительные, индивидуальные особенности, свою самостоятельность», отмечается также значение, связанное с утратой нравственных качеств: «становиться бесовестным, наглым»⁵.

Во «Фразеологическом словаре русского языка» (ред. В. Н. Телия) *потерять лицо* определяется как «вести себя недостойно, демонстрировать свою слабость, некомпетентность, неспособность к чему-л. Имеется в виду, что лицо, группа лиц, социальная организация (X) совершают поступки, которые оказываются

¹ См.: 张子祥. 家庭 / 张子祥. – 江西: 江西出版社, 2019. 139 стр.

² См.: 朱瑞麟. 中国式社交 / 朱瑞麟. – 江苏: 江苏教育出版社, 2005. 234 стр.

³ См.: 新华字典 / 魏建功. – 北京: 商务印书馆, 2011. 142. стр.

⁴ См.: Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 14.12.2022).

⁵ См.: ЛИЦО [Электронный ресурс] // Большой словарь русских поговорок: [сайт]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/russian-sayings/articles/43/lico.htm> (дата обращения: 14.12.2022).

губительными для их репутации, вызывают осуждение общества, ведут к утрате уважения окружающих»¹.

Выражение «*потеря лица*» в китайском языке обозначается на письме как 丢脸. В Большом китайском энциклопедическом словаре «*потеря лица*» определяется как «потеря порядочности, симпатии и чести; принести позор кому-либо»².

Таким образом, на основе объяснения фразеологических словарей устойчивое сочетание «*потеря лица*» и в русском языке, с одной стороны, осмысливается как «утрата индивидуальных образа», с другой стороны, рассматривается как «утрата социального достоинства» (ср. *упасть лицом в грязь*), также обозначает потерю совести (стать бессовестным). В китайском языке «*потеря лица*» представляет собой «утрату достоинства», значение «становиться наглым» тоже может быть связано с лицом: *不要脸 кому-то не нужно лицо*, что означает «не знать стыда»³.

Сценарии отражения потери лица в русском и китайском языках

Фразеологизм «*потеря лица*» в разных ситуациях имеет разные значения, не полностью представленные в словарях русского и китайского языков. Рассмотрим основные ситуации, которые можно охарактеризовать как «*потерю лица*».

На основе анализа Национального корпуса русского и китайского языков обнаруживаем, что в русском и китайском языках причины «*потери лица*» осмысливаются по-разному (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Причины «*потери лица*» / Reasons for “loss of face”

Устойчивое выражение	Причина
Общее понятие « <i>Потеря лица</i> » в русском и китайском языках	Проявление слабости перед подчинёнными
	Авторитет группы теряется из-за вины члена группы
	Дефекты внешности или одежды
	Утрата контроля над своими эмоциями
Понятие « <i>Потеря лица</i> » в русском языке	Лицо человека изменяется
	Утрата индивидуального облика

Источник: составлено автором.

1. Человек, имеющий высокий социальный статус или занимающий высокую должность, проявляет публично свою некомпетентность или неспособность к работе.

*А позвонить специалистам и заказать услугу – вообще полная потеря лица: подчинённые ведь увидят, что ты чего-то не знаешь!*⁴

В китайском языке:

自从敌人进了城，他已经屡次在二狗面前丢脸。但是，那些丢脸的事，都是来自他不善于应付日本人。老舍《火葬》⁵。Когда враг захватил город, глава города много раз **терял лицо** перед своими подчинёнными из-за того, что боялся воевать с врагом.

2. Организация, семья или социальная группа утрачивает свой авторитет по вине их представителя.

Институт потерял лицо, наши выпускники давно уже перестали считаться хорошими специалистами. Престиж

¹ См.: Потерять лицо [Электронный ресурс] // Фразеологический словарь русского языка: [сайт]. URL: <https://rusPhraseDict.slovaronline.com/1549-ПОТЕРЯТЬ%20ЛИЦО> (дата обращения: 14.12.2022).

² См.: 中国百科大辞典 / 方约主编 – 北京: 中国大百科全书出版社, 1999, 167页.

³ См.: 中国百科大辞典 / 方约主编 – 北京: 中国大百科全书出版社, 1999, 167页.

⁴ См.: Плотников С. А. Не лидер. 11 [Электронный ресурс] // КАРТАСЛОВ: [сайт]. URL: https://kartaslov.ru/книги/Сергей_Плотников_Не_лидер/11#p374 (дата обращения: 14.12.2022).

⁵ См.: 老舍. 火葬 / 老舍. – 南京: 译林出版社, 2014. 54 页.

вуза упал ниже некуда. ... Это наш с тобой институт, это наше с тобой лицо¹.

В китайском языке:

«由于自己生产的产品质量低。提出“宁可不要工资，也不给工厂丢脸”的口号《人民日报》²。Чтобы производить хороший товар, работники действуют по правилу: лучше не получать зарплату, чем **терять лицо завода**».

Из анализа следует, что лицо принадлежит не только личности, но и социальной группе. В результате действия представителя какого-либо коллектива престиж данной социальной группы может быть повышен или понижен. В китайском языке есть противоположное по отношению к «потере лица» выражение, которое отсутствует в русском: 长脸 букв. *принести кому-то лицо*, т. е. создать кому-либо хорошую репутацию: «还有一个就是北京举办过奥运会，那确实是影响太大了，真给中国人长脸。（中央人民广播电台，2019）³。Еще Олимпийские игры были организованы в Пекине, и это событие, действительно, оказало большое влияние на мир и **принесло китайцам лицо**».

3. Человеку стыдно из-за своей внешности или одежды.

А для актрисы **потерять лицо** – смерти подобно⁴.

В китайском языке:

“他请客的馆子准阔得很，我衣服都没有，去了丢脸。” 钱钟书《围城》⁵。В ресторане, куда он меня пригласил, еда стоит дорого, у меня нет нормальной одежды, не хочу из-за этого **терять лицо**».

4. Утратить контроль над своими эмоциями.

¹ См.: Александра Маринина. Светлый лик смерти (1996) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://clck.ru/37xtCK> (дата обращения: 14.12.2022).

² См.: 人民日报, 1958.

³ См.: 中央人民广播电台, 2019.

⁴ См.: Луганцева Т. Семь пятниц на неделе [Электронный ресурс] // Kniga-online: [сайт]. URL: <https://clck.ru/37xvYD> (дата обращения: 14.12.2022).

⁵ См.: 钱钟书. 围城 / 钱钟书. – 上海: 上海晨光出版公司出版, 1947, 97页.

Потом поутих. Все расстроились. Не из-за сбежавшего бандита. Я, их командир, да еще легионер, впал в истерику, **потерял лицо**⁶.

В китайском языке:

以我之见，生气代表你控制不住自己的情绪了，发泄只是丢脸。刘慈欣《中国2185》⁷。На мой взгляд, гнев означает, что вы больше не можете контролировать свои эмоции, а излить гнев перед другим – это просто **потерять лицо**».

5. Лицо человека изменяется, деформируется под влиянием внешних факторов.

Мужчину, **потерявшего лицо** из-за опухоли, спас гениальный хирург⁸.

В такой ситуации в китайском языке употребляется выражение 破相 – что-то испортилось из-за чего-то. 不想八九岁的时候，头上长了几个疮，没有治好，就弄上这么一点子破相。张恨水《北燕南飞》⁹。Когда мне было 8 или 9 лет, на лице появились прыщи, меня не вылечили и **лицо испортилось**».

6. Утрата индивидуального облика.

В русском языке «утрата индивидуального облика» подходит не только для человека: Я перестала чувствовать свое лицо, я не знаю его и не представляю его себе. Я ощущаю свои мысли, свой мозг, но лица я не ощущаю. Мне кажется, что вместо него я ношу пустоту. Я **потеряла свое лицо** и не знаю его¹⁰, – но и употребляется для неодушевленных объектов: с

⁶ См.: Валериан Скворцов. Сингапурский квартет (2001) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://clck.ru/37xux8> (дата обращения: 14.12.2022).

⁷ См.: 刘慈欣. 中国2185 / 刘慈欣. – 哈尔滨: 北方文艺出版社, 1989, 58页.

⁸ См.: Варвара Лютова. Мужчину, потерявшего лицо из-за опухоли, спас гениальный хирург [Электронный ресурс] // Fishki.net: [сайт]. URL: <https://clck.ru/37xwQs> (дата обращения: 14.12.2022).

⁹ См.: 张恨水. 北燕南飞 / 张恨水. – 哈尔滨: 北方文艺出版社, 2019, 42页.

¹⁰ См.: М. Н. Вишневская. Дневник (1917) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://clck.ru/37xwgh> (дата обращения: 12.12.2022).

того момента Петербург для меня лично **потерял свое лицо**¹.

В китайском языке такое значение не представлено.

Из-за того, что в китайском языке **лицо** тесно связано с моралью, никто не хочет его терять и все стараются его беречь, в то же время китайцы также стремятся **сохранить лицо** других людей, чтобы им не было стыдно и чтобы они не потеряли свою репутацию: 老师对你教育得不够, 也有责任。说后陪小许向失主赔礼道歉。老师给她留面子, 不伤她的自尊心². Сюй украл деньги. Учитель вместе с Сюй подошел к потерявшему, чтобы извиниться. Во время извинения, учитель **сохранил лицо** Сюй, чтобы не задеть его гордость³. В русском языке тоже есть аналогическое выражение **сохранение лица**: «Не терять собственного достоинства, сберегать свою репутацию. Имеется в виду, что лицу, группе лиц, социальной организации (X), несмотря на неприятности, грозящие утратой уважения в глазах окружающих, удаётся отстоять свой общественный авторитет, социальный статус и т. п.»⁴. *Так вы сможете **сохранить лицо** и себе, и оппоненту*⁵.

Заключение

Таким образом, фразеологизм «**потерять лицо**» / «**потеря лица**» может быть использован в русском и китайском языках в следующих ситуациях: 1) потеря достоинства; 2) потеря авторитета – руководитель показывает свою некомпетентность подчинённым; 3) социальная

группа утрачивает свой авторитет из-за ошибок члена группы; 4) человек ощущает дискомфорт в связи с внешностью или одеждой; 5) утрата контроля над своими эмоциями также в двух языках обозначается как «**потеря лица**».

Результаты исследования показывают, что семантический объём фразеологизма «**потеря лица**» существенно различается в русском и китайском языках из-за наличия разных национально-культурных компонентов. «**Потеря лица**» в представлении носителей разных языков имеет сходные и различные черты. В китайской культуре под влиянием конфуцианского учения **лицо** тесно связано с этикетом и репутацией человека, т. е. соблюдение правил этикета считается «обеспечением репутации». В русском языке «**потеря лица**» может означать утрату индивидуального облика, поскольку одно из значений слова **лицо**, согласно толковому словарю С. И. Ожегова, «индивидуальный облик, отличительные черты». Кроме того, фразеологизм «**потеря лица**» употребляется также при нарушении телесной оболочки **лица**, что находится в соответствии со способностью лица в русском языке передавать изменения, внешние характеристики, доступные для прямого наблюдения. В целом можно отметить, что «**социальное лицо**» в большей степени характерно для китайского языка, чем для русского, что отражается и в семантической структуре слова **лицо**.

Дата поступления в редакцию 25.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Л. И. Что означает «потерять лицо» в русском языке? // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 8-1. С. 78–90. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-78-90.

¹ См.: Сати Спивакова. Не всё (2002) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://clck.ru/37xwuh> (дата обращения: 12.12.2022).

² См.: 曹雪芹. 红楼梦 / 曹雪芹. – 北京: 人民文学出版社, 199页.

³ См.: 福建日报, 1983.

⁴ См.: Сохранить лицо / Сохранять лицо [Электронный ресурс] // Фразеологический словарь русского языка (Е. Н. Телия): [сайт]. URL: <https://clck.ru/37xxkg> (дата обращения: 12.12.2022).

⁵ См.: А. С. Шигапов. Бангкок и Паттайя. Путеводитель (2013) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://clck.ru/37xxxb> (дата обращения: 12.12.2022).

2. Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.
3. Лебедева Н. М. Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс, 2011. 200 с.
4. Мокиенко В. М. Образы русской речи. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 465 с.
5. Спешнев Н. А. Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2014. 322 с.
6. Arthur H. S. *Chinese Characteristics* (New York: Revell, 1894) / with a Preface by Lydia Liu. Norwalk, CT: East Bridge, D'Asia Vue, 2003. 344 p. (Reprinted edition).
7. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
8. 胡先缙. 面子 / 胡先缙. - 江西: 江西出版社, 2019. 139页.
9. 翟学伟. 中国人行动的逻辑 / 翟学伟. - 北京: 北京语言大学出版社, 2020. 224页.
10. 金耀基. 中国人的心理 / 金耀基. - 成都: 交通大学出版社, 2019, 163页.

REFERENCES

1. Bogdanova L. I. [What does it “lose face” mean in Russian?]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya* [RSUH/RGGU Bulletin. Series “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”], 2022, no 8-1, pp. 78–90. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-78-90.
2. Goffman E. *Ritual vzaimodeystviya: ocherki povedeniya litsom k litsu* [Ritual of interaction: essays on face-to-face behavior]. Moscow, Smysl Publ., 2009. 319 p.
3. Lebedeva N. M. *Etnicheskaya i kross-kul'turnaya psikhologiya* [Ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow, MAKS Press Publ., 2011. 200 p.
4. Mokiyenko V. M. *Obrazy russkoy rechi* [Images of Russian speech]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1986. 465 p.
5. Speshnev N. A. *Kitaytsy. Osobennosti natsional'noy psikhologii* [Chinese. Features of national psychology]. St. Petersburg, KARO, 2014. 322 p.
6. Arthur H. S. *Chinese Characteristics* (New York: Revell, 1894) / with a Preface by Lydia Liu. Norwalk, CT, East Bridge, D'Asia Vue, 2003. 344 p. (Reprinted edition).
7. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 345 p.
8. 胡先缙. 面子 / 胡先缙. - 江西: 江西出版社, 2019. 139页.
9. 翟学伟. 中国人行动的逻辑 / 翟学伟. - 北京: 北京语言大学出版社, 2020. 224页.
10. 金耀基. 中国人的心理 / 金耀基. - 成都: 交通大学出版社, 2019, 163页.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сюн Чанван – аспирант кафедры сопоставительного изучения языков Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: k19941213@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Syun Chanvan – Postgraduate Student, Department of Comparative Language Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: k19941213@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сюн Чанван. Семантический объём фразеологизма «потеря лица» в русском и китайском языках // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 82–89.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-82-89

FOR CITATION

Syun Chanvan. The semantic volume of the phraseological unit “loss of face” in Russian and Chinese. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 82–89.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-82-89

УДК 801.631,2

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-90-104

ОСОБЕННОСТИ РИТМИКИ РУССКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ)

Титова Е. А.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель исследования – показать, каким образом реализуются общие законы стихосложения в условиях акцентной системы конкретного языка.

Процедура и методы. В качестве материала исследования выбраны известные русские детские стихотворения С. Я. Маршака и переводы этих стихотворений на английский и немецкий языки. Затем в данных стихотворениях определяется их ритмический строй. Для выявления общих характеристик, свойственных ритмике поэтического текста, и установления специфической организации ритмики детских стихотворений в исследуемых языках был применён сопоставительный анализ.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в рассмотренных детских стихотворениях признак временной организации проявляется наиболее ярко. Это объясняется чёткостью внутренней меры стихотворений. В рассмотренных стихах речевые такты следуют друг за другом равномерно, что достигается за счёт правильного распределения акцентных единиц.

Теоретическая и/или практическая значимость определяется перспективой применения результатов исследования в фонетическом аспекте. Они могут быть использованы в изучении ритмических особенностей русского, немецкого и английского языков, в учебных курсах по теории ритма, а также в методических целях в процессе преподавания в целом и при обучении особенностям ритмической базы исследуемых языков в частности.

Ключевые слова: детские стихотворения, поэтический перевод, ритмика, сопоставительный анализ, стихосложение, стихотворный размер, ударение

SPECIFICS OF RHYTHM IN RUSSIAN, GERMAN AND ENGLISH POETRY (ON THE MATERIAL OF CHILDREN'S POEMS)

E. Titova*State University of Education**ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To show the realization of the general principles of versification according to the accent system specifics of the given language system.

Methodology. The well-known children's poems by S. Ya. Marshak and the translations of these poems into German and English have been analyzed. Then, the rhythmic system of these poems has been defined. The comparative analysis has been applied to identify the general characteristics of the rhythm of a poetic text and to establish the specifics of the rhythmic system of children's poetry in the present languages.

Results. The analysis has shown that in the considered children's poems the time organization is clearly present. It can be explained by the clarity of the inner measure of the poems. In the given children's poems speech measures follow each other equally which is achieved due to the correct distribution of the accent units.

Research implications. The study results can be applied in phonetics. They can be used in the study of the rhythmic peculiarities in the Russian, German and English languages, in the training courses on the theory of rhythm, as well as for methodological purposes in the teaching process in general, and in the teaching of the present languages rhythm specifics in particular.

Keywords: children's poetry, poetic translation, rhythm, comparative analysis, versification, meter, accent

Введение

Внимание лингвистов постоянно привлекают сравнительно-типологические исследования. Это объясняется тем, что сравнение способствует процессу познания изучаемого явления, объекта как наиболее универсальный способ исследования материала языка и лучшему усвоению иностранного языка, позволяя порой раскрыть в языке новые средства в таких категориях, которые, казалось бы, хорошо изучены.

Цель данной работы – показать, каким образом реализуются общие законы стихосложения в условиях акцентной системы конкретного языка.

Объектом настоящего исследования является ритмическая организация русских, английских и немецких стихотворных текстов. В сопоставительном плане текст определяется как процесс направленной речевой деятельности, которая, в свою очередь, обусловлена речевой ситуацией и намерением говорящего. Такое понятие текста смыкается с понятием речи (речевая деятельность). Последняя в силу своего динамического характера может быть изучена лишь методом непосредственного наблюдения.

Предметом исследования является ритмика русских, английских и немецких детских стихотворений. Речевой ритм представляет собой явление, обнаруживающееся не только на фонетическом уровне (например, ритм произведения является одним из его стилистических составляющих). Однако в сфере настоя-

щего анализа включён лишь фонетический аспект этого явления.

В качестве материала исследования выбраны известные русские детские стихотворения С. Я. Маршака и переводы этих стихотворений на английский и немецкий языки. Затем в данных стихотворениях определяется их ритмический строй.

Известно, что перевод детской поэзии отличается от перевода стихотворного текста, предназначенного для взрослой аудитории. Основная цель детской поэзии заключается в том, чтобы во время прочтения стихотворения ребёнок развивал свою память и проявлял интерес к чтению. Задача переводчика заключается в передаче оригинального текста таким образом, чтобы его смог воспринять маленький читатель. Анализируя язык детской литературы, Л. С. Токпаева отмечает его «образность и эмоциональность» и пишет, что «он полон лиризма, что и отвечает детскому мышлению и миропониманию» [9, с. 565]. В своей работе, посвящённой речевым особенностям детской переводной литературы, исследователь подчёркивает, что «характерным для детской аудитории является недостаток знаний о мире, система ценностей, не похожая на систему ценностей взрослых, недостаточный уровень языковой компетенции» и «эти особенности учитываются авторами в языке произведений детских писателей» [9, с. 565]. В связи с этим детские стихотворения изобилуют повторами, звукоизобразительными

средствами и лексикой, которая отражает базовые понятия.

В детском стихе, наряду с рифмой, ритм играет первостепенную роль, и при переводе детской поэзии очень важно сохранить правильный ритм, присущий оригиналу. Исследователь ритма в поэтическом переводе Н. В. Шутёмова отмечает, что «ритм участвует в поэтическом смыслообразовании и в объективизации глубинных поэтических смыслов, что определяет необходимость передачи в переводе ритмического принципа оригинала» [11, с. 56]. Говоря о проблемах перевода поэтического текста Р. Г. Кадимов пишет, что «переводчик должен передать не только общий смысл поэтического произведения, но и стремиться к максимальной точности в передаче его формы» [5, с. 53]. Лингвисты С. Г. Бредихин и М. В. Бойко в работе, посвящённой изучению специфики сохранения ритма и формы при переводе поэзии, замечают, что «в рамках сохранения стихотворного размера базовым критерием служит мелодика звучания оригинального текста вне зависимости от транспонирования количества силлабем в целевом тексте, просодические явления играют большую роль, чем генерализованная представленность слогового членения» [3, с. 239]. Основной задачей при переводе поэзии, по мнению исследователя поэтического перевода К. И. Леонтьевой, «становится передача эмоциональной интонации, общего настроения стиха, предзаданного звуковым параллелизмом» [6, с. 95].

Понятие ритма. Типы ритмов

Звуковая организация стихотворного произведения многоаспектна. Она складывается из таких компонентов как рифма, ритм, метр, интонация (пауза, мелодика, акцентное выделение), звуковая символика. Среди перечисленных компонентов, ритм является одним из важных факторов организации стихотворных произведений.

Ритм – есть форма упорядоченного движения. Выделяют следующие типы ритмов: механический, биологический, социальный, художественный и речевой. По мнению исследователя ритма английской звучащей речи А. М. Антиповой, «художественный ритм создаётся не буквальным повторением какого-либо выразительного элемента, а его претворением в новой, постоянно возобновляющейся художественной целостности, его интонировании и акцентировании. Такое понимание ритма уже предполагает наличие в нём аритмии» [2, с. 15]. «Художественный ритм, который предполагает определённую степень аритмии, выполняет функцию объединения периодически повторяющихся явлений» и «выступает как способ организации пространственно-временного континуума художественного произведения» [2, с. 15].

Как элемент поэтической формы ритм участвует в конструировании содержания. Исследователь ритма поэтической речи М. В. Цветкова отмечает, что ритм «одновременно задаёт художественную концепцию произведения и обусловлен ею», а также обращает внимание на то, что «соотношения элементов ритмических структур заменяют в поэзии логические формы взаимосвязи», «актуализируют семантику слова», «играют ключевую роль в развитии лирического сюжета и понимании общей идеи произведения» [10, с. 155].

Роль ударения в восприятии речевого ритма

Ритм в традиционном понимании предполагает следование ритмических групп через равные промежутки времени и возобновление фонетических особенностей ритмической группы, свойственных тому или иному языку. Выявление этих особенностей позволяет говорить о возможности определения специфики речевого ритма через сущность признаков ритмической группы. Характерное для каждого языка фонетическое напол-

нение ритмических групп проявляется в ритме данного языка, тем самым, делая его непохожим на ритм других языков.

Ритм – это не только наиболее важное, но и наиболее трудное для усвоения просодическое явление. Выбор ритмической группы в качестве основной единицы исследования речевого ритма обусловлен тем, что «ритмический эффект в речи достигается закономерной последовательностью ударных слогов с примыкающими к ним неударными слогами, то есть последовательностью ритмических групп» [1, с. 7].

Ядром ритмической группы, её организационным центром, является ударный слог. «Восприятие ударения предполагает не абсолютную, а относительную выделенность слога, которая оценивается на речевом отрезке не меньшем, чем элементарная единица, а иногда больше» [4, с. 4]. Под ударением понимается выделение фонетическими средствами того или иного слога в слове. Звуковая форма языка – обязательная его сторона, без которой невозможно общение. Без звуковой формы трудно представить слово – основную единицу языка и одновременно минимальное высказывание.

Говоря об ударении, необходимо упомянуть словесное и фразовое ударение. В данной работе предлагается выделить два типа фразового ударения: централизованное и децентрализованное.

В связи с перечисленными особенностями рассмотренного компонента просодии – ударения – выделяют два типа ритма: простой и сложный. Связаны они с фразовым ударением. Исследователь ритма английской речи Антипова А. М. отмечает, что «ритмическая группа легко обнаруживается как ритмическая единица во всех видах контекста и может быть названа базовой в том смысле, что в подавляющем большинстве случаев лежит вопрос в основе ритмической организации» [2, с. 15].

Стиховой ритм – явление сложного порядка. Он имеет иерархическую орга-

низацию, и его характер во многом определяется количеством и взаимодействием единиц, его составляющих. Можно считать, что ритм – это целая система, элементы (единицы) которой формируются всеми языковыми средствами, и лидирующую роль в формировании единиц ритма играет просодия, включающая понятие ударения, которое является составляющим элементом просодии. В стихотворных произведениях просодические средства играют значительную роль, находясь в тесной взаимосвязи друг с другом и с лексико-синтаксической структурой. Ритмологи А. М. Антипова [2], М. Г. Мирианашвили [7; 8], Р. И. Гертнер [4], Д. И. Андреева [1] отмечают, что акцентно-мелодические характеристики играют важную роль в оформлении таких ритмических единиц, как синтагма, строка, строфа.

Исследователь ритма немецкой звучащей речи М. Г. Мирианашвили высказывает мысль о том, что «в организации ритмической модели решающую роль играет последовательность компонентов (количество слогов, длительность, ударность, безударность, пауза)», а вследствие изменения последовательности компонентов меняется ритмическая модель [8, с. 114]. В своей работе, посвящённой ритмическому строю немецкой звучащей речи, М. Г. Мирианашвили обращает особое внимание на тот факт, что «специфику ритмической организации, кроме распределения ударных и безударных слов, создают характер ударения (динамический, музыкальный, смешанный и т. д.) и артикуляционная база национального языка» [8, с. 114].

Как отмечалось выше, в стихотворной речи, с одной стороны, следует выделять метр, призванный объективно указывать на количество ударных и безударных слогов и порядок их следования, и, с другой стороны, неметрические признаки ритма. В настоящей статье рассматриваются метрические признаки ритма.

Метрическая архитектура стиха

Для проведения анализа ритмики исследуемых языков считается необходимым затронуть общие законы стихосложения.

Различают три основных типа стихосложения: метрическое (основано на длительности слогов), силлабическое (требуется соблюдение определённого числа слогов в стихе) и тоническое (отличается чередованием ударных и безударных слогов).

Русский, английский и немецкий языки относятся к тоническому типу стихосложения, а точнее, к его комбинации – силлабо-тоническому типу стихосложения. Следовательно, как в русском языке, так и в английском и немецком языках, можно выделить два двусложных размера хорей (/_ _) и ямб (_ /_) и трёхсложные размеры: дактиль (/_ _ _), анапест (_ _ /_) и амфибрахий (_ /_ _).

В стихотворениях, написанных в том или ином размере, нередко наблюдаются

нарушения разного рода. Так, в ямбическом стихе встречаются два безударных слога подряд или ударный оказывается не вторым в стихе, а в начале стиха. Несмотря на эти нарушения, соответствующий размер сохраняется и обеспечивается тем, что в неначальных стопах ударение падает на характерный для этого размера слог: в ямбе на второй, в хорее – на первый.

При исследовании ритмики художественного произведения необходимо провести анализ его ритмико-акцентных моделей.

Для выявления реализации общих законов стихосложения в условиях акцентной системы конкретного языка к анализу нами привлечены детские стихотворения С. Я. Маршака и их переводы на немецкий и английский языки.

Детское стихотворение С. Я. Маршака «Багаж» имеет следующую ритмическую структуру, где знак “ _ ” означает безударный слог, а знак “ /_ ” ударный слог (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Ритмическая структура стихотворения С. Я. Маршака «Багаж» / Rhythmic structure of the poem “Baggage” by S. Ya. Marshak

Фрагмент текста стихотворения «Багаж» ¹	Ритмическая структура стихотворных строк
Дама сдавала в багаж	/_ _ _ /_ _ _ /_
Диван,	_ /_
Чемодан,	_ _ /_
Саквояж,	_ _ /_
Картину,	_ /_ _
Корзину,	_ /_ _
Картонку	_ /_ _
И маленькую собачонку.	_ /_ _ _ _ _ /_ _ _
Выдали даме на станции	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _

¹ Маршак С. Я. Стихотворения и поэмы. М.: Изд-во «Сов. писатель», 1973. С. 35.

Фрагмент текста стихотворения «Багаж»	Ритмическая структура стихотворных строк
Четыре зелёных квитанции	— / — — / — — — / —
О том, что получен багаж:	— / — — / — — — / —
Диван,	— — /
Чемодан,	— — /
Саквояж,	— — /
Картина,	— / —
Корзина,	— / —
Картонка	— / —
И маленькая собачонка.	— / — — — — / —

Стихотворение написано амфибра-
хией (ударный слог находится между
безударными). Данный стихотворный
размер отличается своей плавностью.
Наряду с амфибрахией для того, чтобы
придать динамичность повествованию,
С. Я. Маршак использует дактиль (на-
чинается с ударного слова, за которым
следуют два безударных) и двусложный

размер, ямб, с ударением на втором сло-
ге. В результате стих получился познава-
тельно-юмористическим и легко запоми-
нающимся, что так нужно маленькому
читателю.

Далее к анализу привлечён перевод
стихотворения С. Я. Маршака «Багаж» на
немецкий язык (“Die sieben Sachen”), см.
табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

**Ритмическая структура перевода стихотворения С. Я. Маршака «Багаж» на немец-
кий язык / Rhythmic structure of the translation of S. Ya. Marshak’s poem “Baggage” into
German**

Фрагмент текста стихотворения “Die sieben Sachen” ¹	Ритмическая структура стихотворных строк
Zur Gepäckabnahme	— — / — — / —
brachte eine Dame	/ — — / — — / —
ein Bild,	— /
einen Koffer,	/ — — / —
einen Korb	/ — — /
und ein Sofa,	— — / —
eine Tasche, kariert und bunt,	/ — — / — — — / — — /
Eine Schachtel, lackiert und rund,	/ — — / — — — / — — /

¹ Marschak S. J. Gedichte für Kinder / Deutsch von Michail Schaiber Zeichen von Mai Mitaritsch. Moskau: Progress, 1972. S. 52–53.

Фрагмент текста стихотворения "Die sieben Sachen"	Ритмическая структура стихотворных строк
Und	/ _
Einen ganz, ganz kleinen Hund.	/ _ _ / _ / _ _ / _
Vier grüne Scheine	/ _ / _ _ / _ _
gab Man der Dame,	/ _ / _ _ / _ _
bestätigend die Gepäckabnahme:	_ _ / _ _ _ _ _ / _ _ / _ _
ein Bild,	_ _ / _
einen Koffer,	/ _ _ / _ _
einen Korb	/ _ _ / _
und ein Sofa,	_ _ _ / _ _
eine Tasche, kariert und bunt,	/ _ _ / _ _ _ / _ _ / _
Eine Schachtel, lackiert und rund,	/ _ _ / _ _ _ / _ _ / _
Und	/ _
Einen ganz, ganz kleinen Hund.	/ _ _ / _ / _ _ / _

Следующим приведён анализ перевода детского стихотворения С. Я. Маршака «Багаж» ("In the Van") на английский язык (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Ритмическая структура перевода стихотворения С. Я. Маршака «Багаж» на английский язык / Rhythmic structure of the translation of S. Ya. Marshak's poem "Baggage" into English

Фрагмент текста стихотворения "In the Van" ¹	Ритмическая структура стихотворных строк
A lady set in the van:	_ _ / _ _ / _ _ _ / _
A bag,	_ _ / _
A box,	_ _ / _
A divan,	_ _ _ / _
A hamper,	_ _ / _ _
A sampler,	_ _ / _ _
Some books,	_ _ / _
And a wee little doggy named Snooks.	_ _ _ / _ / _ / _ _ / _ / _
At the Station of Red Banner Street	_ _ _ / _ _ / _ / _ _ / _

¹ Marschak S. J. Verses for children / transl. from the Russian by M. Wettlin. Moscow, Foreign language publishing house, 1953. P. 10.

Фрагмент текста стихотворения "In the Van"	Ритмическая структура стихотворных строк
She was handed a yellow receipt,	— — / — — — / — — — / —
That listed the things for the van:	— / — — — / — — — / —
A bag,	— / —
A box,	— / —
A divan,	— — / —
A hamper,	— / — —
A sampler,	— / — —
Some books,	— / —
And a wee little doggy named Snooks.	— — / — / — / — — / — / —

Сравнение ритмического строя оригинала и его переводов на немецкий и английский языки показали, что, несмотря на сохранение общего настроения, и в некоторых случаях также и размера – амфибрахия, переводчикам не удалось соблюсти ритмико-метрический рисунок, что зависит, на наш взгляд, от характерных особенностей каждого конкретного языка. В своей работе, посвящённой переводческой множественности как возможности объективной оценки двуязычной опосредованной коммуникации, исследователь ритма немецкой звучащей речи М. Г. Мирианшвили отмечает, что «при переводе стихотворных текстов расширение метрических границ (увеличение числа слогов в слове) должно восприниматься как следствие акцентной системы языка перевода (в данном случае немецкого и английского)» [7, с. 110].

Далее к анализу привлечено стихотворение С. Я. Маршака «Синяя страница» («Разноцветная книга») (табл. 4).

Данное стихотворение написано трёхсложным размером – амфибрахией (ударный слог находится между безударными), что придаёт стихотворению плавный, лёгкий характер, присущий детской поэзии.

Проанализируем детское стихотворение С. Я. Маршака «Синяя страница»

в переводе на немецкий язык ("Die Blaue Seite"), см. табл. 5.

Для сохранения размера, которым написан оригинал стихотворения, переводчик вводит лишние лексические единицы Nun, es и др. Это играет положительную роль для совпадения ритмических рисунков оригинала и перевода.

Далее проанализируем детское стихотворение С. Я. Маршака «Зелёная страница» (табл. 6).

Стихотворение написано трёхсложным размером – дактилем – и начинается с ударного слога, за которым следуют два безударных. Когда читаешь стихотворение, написанное дактилем, легче делать выдох.

Проанализируем перевод приведённого выше стихотворения С. Я. Маршака на немецкий язык ("Der Grüne Seite") (см. табл. 7).

В переведённом на немецкий язык стихотворении, переводчик сохраняет оригинальный размер С. Я. Маршака – дактиль, тем самым сохраняя ритмическую структуру стихотворения.

Проанализируем стихотворение С. Я. Маршака «Детки в клетке» ("Зебры", "Пингвин", "Верблюд"), см. табл. 8.

В рассмотренных стихотворениях С. Я. Маршак использует двусложный размер хорей с ударением на первом слоге.

Таблица 4 / Table 4

**Ритмическая структура стихотворения С. Я. Маршака «Синяя страница» /
The rhythmic structure of the poem “Blue Page” by S. Ya. Marshak**

Стихотворение «Синяя страница» ¹	Ритмическая структура стихотворных строк
А эта страница морская,	— / — — / — — / — —
На ней не увидишь земли.	— / — — / — — / —
Крутую волну рассекая,	— / — — / — — / — —
Проходят по ней корабли.	— / — — / — — / —
Дельфины мелькают как тени,	— / — — / — — / — —
Блуждает морская звезда,	— / — — / — — / —
И листья подводных растений	— / — — / — — / — —
Качает, как ветер, вода.	— / — — / — — / —
На дне этой синей страницы	— / — — / — — / — —
Темно, как в глубинах морей.	— / — — / — — / — —
Здесь рыбы умеют светиться	— / — — / — — / — —
Во мраке, где нет фонарей...	— / — — / — — / —

Таблица 5 / Table 5

**Ритмическая структура перевода стихотворения С. Я. Маршака «Синяя страница»
на немецкий язык / Rhythmic structure of the translation of S. Ya. Marshak's poem
“Blue Page” into German**

Стихотворение “Die Blaue Seite” ²	Ритмическая структура стихотворных строк
Nun, hier ist die Blaue der Meere	— / — — / — — / — —
kein Ufer das Wasser umsäumt,	— / — — / — — / —
nur Schiffer ziehn bis in die kreuz und die Quere,	— / — — / — — / — —
die Welle nur bäumt und schäumt.	— / — — / — — / —
Und seesterne schweben und tanzen,	— / — — / — — / — —
es huschen Delphine geschwind,	— / — — / — — / —
am Meeresgrund wiegen sich Pflanzen,	— / — — / — — / — —
als streife sie leise der Wind.	— / — — / — — / —
Dort unten am Boden der Seite	— / — — / — — / — —
herrscht Finsternis düster und dicht,	— / — — / — — / —
doch Fische durch gleiten die Weite	— / — — / — — / — —
und tragen im körper ein Licht.	— / — — / — — / —

¹ Маршак С. Я. Стихотворения и поэмы. М.: Изд-во «Сов. писатель», 1973. С. 58.

² Marschak S. J. Gedichte für Kinder / Deutsch von Michail Schaiber Zeichen von Mai Mitaritsch. Moskau: Progress, 1972. S. 15.

Таблица 6 / Table 6

**Ритмическая структура стихотворения С. Я. Маршака «Зелёная страница» /
The rhythmic structure of the poem “Green Page” by S. Ya. Marshak**

Стихотворение «Зелёная страница» ¹	Ритмическая структура стихотворных строк
Эта страница зелёного цвета,	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
Значит, на ней постоянное лето.	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
Если бы здесь уместиться я мог,	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
Я бы на этой странице прилёг.	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
Бродят в траве золотые букашки,	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
Вся голубая, как бирюза,	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
Села, качаясь, на венчик ромашки,	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
Словно цветной самолёт, стрекоза.	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _

Таблица 7 / Table 7

**Ритмическая структура перевода стихотворения С. Я. Маршака «Зелёная страница» на немецкий язык / Rhythmic structure of the translation of S. Ya. Marshak's poem
“Green Page” into German**

Стихотворение “Die Grüne Seite” ²	Ритмическая структура стихотворных строк
Grün ist die Seite hier, sonniger Schimmer,	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
Sommer und Kräuterduft schweden dort nimmer.	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
Wär sie nicht für meinen Körper zu klein?	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
legt ich mich gern in die Seite hinein.	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
Goldene Käferchen irren durch die Stille.	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
Hellblau wie Türkis, in leuchtendem Kleide	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
landet und schaukelt sich auf der Kamille	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _
nun die Libelle im Flugzeug aus Seide.	/_ _ _ /_ _ _ /_ _ _ /_ _

¹ Маршак С. Я. Стихотворения и поэмы. М.: Изд-во «Сов. писатель», 1973. С. 59.

² Marschak S. J. Gedichte für Kinder / Deutsch von Michail Schaiber Zeichen von Mai Mitaritsch. Moskau: Progress, 1972. S. 16.

Таблица 8 / Table 8

**Ритмическая структура стихотворения С. Я. Маршака «Детки в клетке» /
The rhythmic structure of the poem “Children in a Cage” by S Ya. Marshak¹**

Стихотворение «Детки в клетке» («Зебры», «Пингвин», «Верблюд») ¹	Ритмическая структура стихотворных строк
<i>Зебры</i>	
Полосатые лошадки,	— — / — — — — / — —
Африканские лошадки,	— — / — — — — / — —
Хорошо играть вам в прятки	— — / — — / — — / — —
На лугу среди травы!	— — / — — / — — / — —
Разлинованы лошадки,	— — / — — — — / — —
Будто школьные тетрадки,	/ — — / — — — — / — —
Разрисованы лошадки	— — / — — — — / — —
От копыт до головы.	— — / — — — — / — —
<i>Пингвин</i>	
Правда, дети, я хорош?	/ — — / — — / — — / — —
На большой мешок похож.	— — / — — / — — / — —
На морях в былые годы	— — / — — / — — / — —
Обгонял я пароходы.	— — / — — — — / — —
А теперь я здесь в саду	— — / — — / — — / — —
Тихо плаваю в пруду.	/ — — / — — — — / — —
<i>Верблюд</i>	
Бедный маленький верблюд.	/ — — / — — — — / — —
Есть ребёнку не дают,	/ — — / — — — — / — —
Он сегодня съел с утра	/ — — / — — / — — / — —
Только два таких ведра.	/ — — / — — / — — / — —

¹ Маршак С. Я. Стихотворения и поэмы. М.: Изд-во «Сов. писатель», 1973. С. 71–73.

Далее проанализируем переводы на английский язык приведённых выше детских стихотворений С. Я. Маршака ("Baby Zebras", "Baby Penguins", "Baby Camel").

Таблица 9 / Table 9

Ритмическая структура английского перевода стихотворений С. Я. Маршака «Детки в клетке» («Зебры», «Пингвин», «Верблюд») / Rhythmic structure of the English translation of S. Ya. Marshak's poems "Children in a Cage" ("Zebras", "Penguin", "Camel")

Стихотворение ("Baby Zebras", "Baby Penguin", "Baby Camel") ¹	Ритмическая структура стихотворных строк
<i>Baby Zebras</i>	
Ten Striped horses!	/ _ / _ / _ _
Pen-wiped horses!	/ _ / _ / _ _
They look as if the rain began	_ / _ _ _ _ / _ _ / _
And in the rain their colour ran.	_ _ _ _ / _ _ / _ _ / _
Barred like cages,	/ _ _ / _ _
Ruled like pages,	/ _ _ / _ _
When they run through grasses tall	_ _ / _ _ / _ _ / _
You cannot put them out at all.	_ / _ _ / _ _ / _ _ / _
<i>Baby Penguin</i>	
My front is white, my back is black,	_ / _ _ / _ _ / _ _ / _
My shape is like a flour sack.	_ / _ _ / _ _ / _ / _
A sporting bird I used to be,	_ / _ _ / _ _ / _ _ / _
I chased the ships that sailed the sea.	_ / _ _ / _ _ / _ _ / _
But now I paddle in this pond,	_ / _ _ / _ _ _ / _
And of the Zoo I'm very fond.	_ _ _ _ / _ _ / _ _ / _
<i>Baby Camel</i>	
Two pails stand empty at its feet –	/ _ / _ / _ / _ _ _ _ / _
Then why this look so baleful?	_ / _ _ / _ _ / _ _
It hasn't had enough to eat –	_ _ / _ _ / _ _ / _
It wants another pailful.	_ / _ _ / _ _ / _ _

¹ Marshak S. J. Verses for children / transl. from the Russian by M. Wettlin. Moscow, Foreign language publishing house, 1953. P. 31–33.

Переводчик старается сохранить двусложный размер оригинала. Однако кроме хорея с ударением на первом слоге, использует ямб с ударением на втором слоге.

Заключение

Достаточно взглянуть на тексты анализируемых стихотворений, чтобы убедиться, сколь чётко они организованы и в плане лексико-синтаксического построения, и в плане лексического выражения начала строки и конца строки. Признак временной соизмеримости играет важную роль в ритмизации стиха на всех уровнях: на уровне ритмической группы, строки, двустихия, трёхстишия, четверостишия. По мнению исследователя ритма английского языка А. М. Антиповой, временная соизмеримость ритмических групп создаёт чёткую периодичность ударных слогов, что обеспечивает чёткий ритм внутри строки [2, с. 77]. В рассмотренных детских стихотворениях этот признак проявляется наиболее ярко. Повидимому, это объясняется чёткостью внутренней меры стихотворений. Временная соизмеримость (изохронность) строк усиливает и подчёркивает периодичность, то есть ритм строк. Во всех рассмотренных стихах речевые такты

следуют друг за другом равномерно, что достигается за счёт правильного распределения акцентных единиц.

Смысл поэзии в её содержании, а красота поэзии – в её формах, в гармонии звуков, в рифмах и ритмике, в координации размеров каждой строки, а также ударений во всех словах. При переводе на другие языки оригинальная авторская форма стиха переводчиками часто утрачивается. Сохранив же содержание и рифму, но не обратив внимания на размеры, ударения и ритмику, настоящего автора в переводе почувствовать невозможно. В приведённых детских стихотворениях С. Я. Маршака переводчикам удалось частично сохранить не только их содержание, но и передать как плавность стихотворений, так и живой, динамичный характер.

Соблюдение стихотворных размеров, ударения и ритмики является непременным успешным составляющим поэзии, переводимой на другие языки. Авторы, переводившие детские стихотворения С. Я. Маршака, старались использовать оригинальный размер его стихотворений (трёхсложные – дактиль, амфибрахий и двусложные – ямб, хорея), а также ударения и ритмику, присущую оригиналу.

Дата поступления в редакцию 29.05.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Д. И. Фонетические признаки ритмической группы в английском языке (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979. 23 с.
2. Антипова А. М. Ритмическая система английской речи. М.: Высшая школа, 1984. 119 с.
3. Бредихин С. Н., Бойко М. В. Специфика сохранения ритма и формы при переводе поэзии (на материале переводов поэзии Дж. Байрона) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 236–239. DOI: 10.30853/filnauki.2019.4.49.
4. Гертнер Р. И. Фонетические модификации ритмических структур в стихотворной и прозаической речи (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1985. 23 с.
5. Кадимов Р. Г. О проблемах перевода поэтического текста // The Scientific Heritage. 2022. № 98 (98). С. 50–53. DOI: 10.5281/zenodo.7148274.
6. Леонтьева К. И. Звуковая аранжировка текста и перевод поэзии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 1. С. 90–95.
7. Мирианашвили М. Г. Переводческая множественность как возможность объективной оценки двуязычной опосредованной коммуникации // Проблемы лингвистики, межкультурной коммуникации и лингводидактики. Специальный выпуск. М.: Изд-во МГОУ, 2010. С. 102–110.

8. Мирианашвили М. Г. Ритмическая структура немецкой звучащей речи: учебное пособие по практической и теоретической фонетике немецкого языка. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1991. 141 с.
9. Токпаева Л. С. К вопросу о речевых особенностях детской переводной литературы // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 564–566.
10. Цветкова М. В. Стихотворение Марины Цветаевой «Эмигрант» в переводе Кристофера Уайта. Ритмический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 154–165. DOI: 10.17223/19986645/78/9.
11. Шутёмова Н. В. К проблеме ритма в поэтическом переводе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 56–61.

REFERENCES

1. Andreyeva D. I. *Foneticheskiye priznaki ritmicheskoy gruppy v angliyskom yazyke (eksperimental'no-foneticheskoye issledovaniye): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Phonetic features of the rhythmic group in the English language (experimental phonetic research): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1979. 23 p.
2. Antipova A. M. *Ritmicheskaya sistema angliyskoy rechi* [Rhythmic system of English speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1984. 119 p.
3. Bredikhin S. N., Boiko M. V. [Rhythm and form preservation specifics in poetry translation (by the example of the Russian translations of G. Byron's poetry)]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 4, pp. 236–239. DOI: 10.30853/filnauki.2019.4.49.
4. Gertner R. I. *Foneticheskiye modifikatsii ritmicheskikh struktur v stikhotvornoy i prozaicheskoy rechi (eksperimental'no-foneticheskoye issledovaniye): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Phonetic modifications of rhythmic structures in poetic and prose speech (experimental phonetic research): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Alma-Ata, 1985. 23 p.
5. Kadimov R. G. [About the problems of translating a poetic text]. In: *The Scientific Heritage*, 2022, no. 98 (98), pp. 50–53. DOI: 10.5281/zenodo.7148274.
6. Leontieva K. I. [Phonetic text arrangement and poetry translation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2012, no. 1, pp. 90–95.
7. Mirianashvili M. G. [Translation plurality as a possibility of objective assessment of bilingual mediated communication]. In: *Problemy lingvistiki, mezhkul'turnoy kommunikatsii i lingvodidaktiki. Spetsial'nyy vypusk* [Problems of linguistics, intercultural communication and linguodidactics. Special issue]. Moscow: MRSU Ed. Office, 2010, pp. 102–110.
8. Mirianashvili M. G. *Ritmicheskaya struktura nemetskoy zvuchashchey rechi* [Rhythmic structure of German sounding speech]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1991. 141 p.
9. Tokpayeva L. S. [Speech features of children's translated literature]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2018, no. 6 (73), pp. 564–566.
10. Tsvetkova M. V. [The rhythmic structure of a poetic text as an issue of translation studies. Illustrated by the English translation of Marina Tsvetaeva's poem "Emigrant" by Christopher Whyte]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2022, no. 78, pp. 154–165. DOI: 10.17223/19986645/78/9.
11. Shutemova N. V. [Problem of rhythm in poetic translation]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009, no. 2, pp. 56–61.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Титова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Государственного университета просвещения;
e-mail: elena.al.titova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Titova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Federal State University of Education;
e-mail: elena.al.titova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Титова Е. А. Особенности ритмики русской, немецкой и английской поэзии (на материале детских стихотворений) // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 90–104.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-90-104

FOR CITATION

Titova E. A. Specifics of rhythm in Russian, German and English poetry (on the material of children's poems). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 90–104.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-90-104

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 811.134.2

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-105-113

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ГУАРАНИ В ПАРАГВАЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Нуриджанян Р. Г.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель: проанализировать парагвайское медиапространство на предмет присутствия в нём материалов, посвящённых языку и культуре гуарани.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом, применяемым в данной работе, является анализ материала исследования и соответствующей научной литературы. Проведён анализ содержания статей *Correo Semanal* – электронного приложения к парагвайской ежедневной газете *Última Hora*. На первом этапе исследования методом сплошной выборки были рассмотрены все тексты газеты *Última Hora* в период с 2010 по 2022 год, затем из общего массива материалов было отобрано 12 статей релевантной тематики. Кроме того, автором анализируется социокультурный контекст, обусловивший формирование парагвайского языкового сообщества и парагвайской национальной идентичности, актуальной социолингвистической ситуации.

Результаты. В ходе исследования автор устанавливает обусловленность парагвайской национальной идентичности языком и культурой гуарани. В результате анализа было определено, что именно с помощью средств массовой информации выстраивался феномен парагвайской национальной идентичности, основанный главным образом на особенностях его языкового сообщества. Несмотря на то, что базовой для парагвайского общества является защита национальной идентичности в эпоху глобализации, государство и СМИ также уделяют внимание поддержанию интеграционных связей с южноамериканским континентом.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в установлении приоритетной роли языка гуарани в формировании парагвайской национальной идентичности. Кроме того, формулируется положение о перспективности диахронических исследований парагвайского медиапространства на предмет присутствия в нём материалов о культуре и языке гуарани.

Ключевые слова: испанский язык, Латинская Америка, национальная идентичность, Парагвай, регион Рио-де-ла-Плата, СМИ, язык гуарани

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE GUARANI CULTURE IN THE PARAGUAYAN MEDIA SPACE

R. Nuridzhanyan

Lomonosov Moscow State University

Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the Paraguayan media space for the presence of materials on the Guarani language and culture in it.

Methodology. The key research method used in this work is the analysis of the research material and the relevant academic literature. The analysis of the content of the articles of *Correo Semanal*, an electronic supplement to the Paraguayan daily newspaper *Última Hora*, was carried out. At the first stage of the study, all the texts of *Última Hora* in the period from 2010 to 2022 were considered by the method of continuous sampling, then 12 articles were selected from the total array of materials on topics that were relevant to this research. In addition, the author analyzes the socio-cultural context that led to the formation of the Paraguayan language community and the Paraguayan national identity, as well as the current sociolinguistic situation.

Results. In the course of the study, the author establishes the conditionality of Paraguayan national identity with the Guarani language and culture. As a result of the analysis, it was found that it was with the help of the media that the phenomenon of Paraguayan national identity was built, based mainly on the characteristics of its linguistic community. Despite the fact that the protection of national identity in the era of globalization is basic for Paraguayan society, the state and the media also pay attention to maintaining integration ties with the South American continent.

Research implications. The study establishes the priority of the Guarani language in the formation of the Paraguayan national identity. In addition, a provision is formulated on the prospects of diachronic studies of the Paraguayan media space for the presence of materials about the Guarani culture and language in them.

Keywords: Guarani language, Latin America, media, national identity, Paraguay, Rio de la Plata region, Spanish

Введение

Исторически Парагвай отличался стремлением к изоляционизму как географическому, так и культурному: с момента колонизации страны начинают складываться предпосылки будущей административно-географической сепарации от остального континента. В отличие от других стран Латинской Америки Парагвай не представлял хозяйственного интереса для Испанской Короны, что привело к тому, что страна начала развиваться вопреки складывающимся на континенте тенденциям [11, р. 11]. В связи с тем, что в период колонизации в стране не были обнаружены крупные месторождения каких-либо полезных ископаемых,

европейская иммиграция в Парагвае была ограниченной в сравнении другими странами Рио-де-ла-Платы [12, р. 4]. В этот же период формируется уникальная для региона языковая ситуация: язык коренного народа – гуарани – становится основным для местного населения: как индейского, так и европейского; кастильский использовался лишь во внешней политике маленькой группой привилегированных образованных элит [5, с. 143].

Такая совокупность факторов привела к тому, что Парагвай так и не смог интегрироваться в европейское идейное пространство, переняв миропонимание языка колонизатора, что во многом получилось у соседних Аргентины и Уруг-

вая [3, с. 87]. Язык гуарани также активно развивался и становился ведущим во многих коммуникативных ситуациях с начала XVII по середину XVIII века благодаря иезуитам, образовавшим специальные резервации (исп. *reducciones*). Католическая церковь исторически чаще, чем другие институты, обращалась к использованию языка гуарани, прежде всего, в проповеднических целях [9, р 7]. Данный факт также связан с тем, что церковь старалась установить отношения со всеми пластами населения, в том числе с сельским, а обращение к «народному языку» вызывало ещё большее доверие у коренных парагвайцев.

В миссионерских селениях появились первые словари и печатные работы на индейском языке, кодифицировавшие гуарани: в 1603 г. иезуит Луис де Болањос переводит на гуарани Катехизис, а в 1624 г. Алонсо де Арагон составляет к нему объяснения также на гуарани, в этом же году появляется первый словарь гуарани авторства отца Веласкеса. Важной вехой в развитии гуарани стал 1639 г., когда миссионер-иезуит Антонио Руис де Монтойя стандартизировал язык и закрепил единую форму гуарани, выведенную из множества диалектов. Его работа *Arte vocabulario de la lengua guaraní* (1640 г.) стала классическим текстом на этом языке. Однако с изгнанием иезуитов в 1768 г. ситуация кардинально изменилась.

Именно со второй половины XVIII в. власти страны, с одной стороны, вводят ограничительные меры в отношении использования индейского языка, с другой стороны – способствуют активному внедрению языка метрополии в как можно большее число сфер социального взаимодействия населения: образование, государственное управление, делопроизводство [10, р. 78].

Уже в XIX в. заметна тенденция к интеграции страны в регион, что повело за собой изменения и в языковой политике. Экономическая отсталость, замедленное развитие страны связывались со всем

индейским, а значит – и с языком гуарани. В связи с этим инструментами власти предписывались сферы использования того или иного языка, что влияло и на политическую повестку Парагвая в целом.

Период расцвета парагвайской журналистики

Во время Войны против Тройственного альянса, образованного Бразилией, Уругваем и Аргентиной (исп. *Guerra contra la Triple Alianza*, 1864–1870 гг.), в целях обеспечения безопасности язык гуарани использовался как в бытовых ситуациях, так и во внутренней военной коммуникации. Кроме того, язык стал основой для выстраивания национальной идентичности парагвайцев (исп. *paraguayidad*). Особую роль в укреплении статуса индейского языка сыграли окопные или фронтовые газеты (исп. *periódicos de trinchera*)¹. Первыми появились газеты *Cabichuí* и *El Centinela*, которые в свои выпуски стали включать стихотворения и письма на гуарани, а чуть позже – газета *Cacique Lambaré*, издаваемая исключительно на гуарани. Отметим, что постулирование парагвайской национальной идентичности изначально выстраивалось посредством инструментов средств массовой информации [8].

16 мая 1867 г. газета *El Centinela* опубликовала заметку, которую можно считать манифестом парагвайской национальной идентичности:

*Si! Hablaremos nuestro idioma... no tomaremos las plumas de otras aves para adornarnos desdeñando las nuestras. Cantaremos en guaraní nuestros triunfos y nuestras glorias*².

¹ Окопные или траншейные газеты – периодические издания, выпускающиеся в рядах или частными лицами, по содержанию отличаются от официальных военных газет, так как их целевая аудитория – сами участники войны. – *Примеч. авт.*

² См.: *El Centinela*. 1867. 2 (16.05) [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotecanacional.gov.py/hemeroteca/el-centinela-1867/> (дата обращения: 20.12.2022).

В период войны, унёсшей жизни почти 70% населения Парагвая, тексты такого рода газет и журналов способствовали укреплению патриотических настроений и поддержанию морального духа нации. Газеты не только транслировали позицию государства населению и войскам, но и стереотипизировали врага через построение образа «другого», создавая таким образом почву для последующего формирования особой национальной идентичности [1, с. 35]. Кроме того, в траншейных газетах впервые начали систематически публиковаться тексты на языке гуарани, что также помогло в укоренении идеи о том, что всё истинно парагвайское связано с культурой и языком гуарани [5].

XX век ознаменовался приходом к власти диктатора Альфредо Стресснера. Языковую политику стресснеровского режима можно охарактеризовать как двойственную. С одной стороны, в годы правления А. Стресснера статус языка гуарани был закреплён на государственном уровне: Конституцией 1967 г. он был признан национальным наряду с кастильским. А статья 92¹ постулирует в качестве одной из обязанностей государства обеспечение защиты индейского языка, условий для его преподавания, развития и совершенствования (исп. *“protegerá la lengua guaraní y promoverá su enseñanza, evolución y perfeccionamiento”*). С другой стороны, статус **государственного** языка закреплялся исключительно за кастильским. Несмотря на то, что к тому времени в стране уже сформировалось языковое

сознание, повлиявшее на парагвайское национальное самосознание, во время диктатуры Альфредо Стресснера всё индейское подвергалось особому преследованию.

Окончание эпохи стронизма привело к выходу Парагвая из многовековой изоляции, началась эпоха демократизации, инкорпорации в глобальный мир, не предполагающая изолированность страны. Таким образом, правительство страны ставит перед собой новые задачи, главной из которых становится встраивание к общеамериканский социокультурный контекст. При этом Парагвай не отказывается от собственной идентичности: стране важно показать, что культура гуарани, как и её язык, являются важнейшей частью наследия не только самой страны, но и континента в целом [4, с. 87]. На государственном уровне выдвигаются законодательные инициативы по открытию государственных и частных институций, целью которых было бы поддержание парагвайской культуры, в особенности фольклорной её части. Таким образом, Парагвай сохраняет свою культуру, проецируя её на глобальный культурный ландшафт, что отвечает вызовам мультикультурной эпохи в целом.

Национальная идентичность и СМИ

Несомненно, большую роль в процессе реабилитации гуарани в парагвайском культурном пространстве сыграли средства массовой информации. Присутствие самого языка в СМИ, а также наличие в них материалов, посвящённых культуре его носителей, литературе и искусству, сказывается на его восприятии как внутри страны, так и за её пределами [2, с. 351]. Таким образом, гуарани становится закономерной частью парагвайского языкового и национального самосознания.

Одним из последних решений, принятых в рамках политики билингвизма и укрепления культурного диалога, было утверждение Секретариата по языковой политике (исп. *Secretaría de la Política*

¹ Статья 92 Конституции Парагвая 1967 года: *«El Estado fomentará la cultura en todas sus manifestaciones. Protegerá la lengua guaraní y promoverá su enseñanza, evolución y perfeccionamiento. Velará por la conservación de los documentos, las obras, los objetos y monumentos de valor histórico, arqueológico o artístico que se encuentren en el país, y arbitrará los medios para que sirvan a los fines de la educación»*. См.: Constitución de la República de Paraguay, 1967 [Электронный ресурс]. URL: <https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Paraguay/para1967.html> (дата обращения: 28.02.2023).

Lingüística) и открытие Академии языка гуарани (исп. *Academia de la Lengua Guaraní*) в 2012 г. Отметим, что в задачи Секретариата входит пропаганда присутствия обоих официальных языков в парагвайском медиапространстве и креативном кластере (исп. *promover la presencia de las lenguas oficiales y de las lenguas indígenas de Paraguay en las nuevas tecnologías y en las industrias culturales*). Таким образом, новая языковая политика государства задаёт тенденцию, заключающуюся в необходимости присутствия обоих языков в информационном поле СМИ и новых медиа. Ретрансляция основных положений языковой политики государства является одним из эффективных инструментов включения рядовых граждан в государственную повестку [6, с. 123]. Также с 2020 г. Секретариат по языковой политике проводит ежегодную церемонию награждения специалистов, чья деятельность направлена на укрепление позиций языка гуарани и других индейских языков в Парагвае¹.

Так, парагвайская ежедневная газета *Última Hora* уже несколько лет выпускает *Correo Semanal* – онлайн-приложение к своей основной версии, в котором публикует статьи, освещающие актуальные проблемы в области культуры и литературы гуарани.

В 2010 г. вице-президент Парагвайской Академии Истории Хуан Баутиста Риварола Паоли выступил с предложением о создании национального проекта, целью которого было бы сохранение культурных ценностей. В интервью изданию *Correo Semanal*² он рассуждает о

тех фактах, которые определяют парагвайскую национальную идентичность с момента признания независимости государства. В первую очередь он обращается к феномену метисации, замечая, что исконно парагвайская культура берёт своё начало со времён Доминго Мартинеса де Ирала³.

Так, на страницах парагвайской газеты появляется тезис, постулируемый многими исследователями языка и культуры данной страны: социальное устройство общества оказало особое влияние на формирование парагвайского языкового и национального сознания: небольшое число мужчин-испанцев накладывалось на многочисленное женское коренное население [9]. Это привело к увеличению количества смешанных браков между испанцами и индейскими женщинами гуарани, в результате чего первые поколения метисов были официально признаны их отцами-испанцами. Губернатора Доминго Мартинеса де Ирала, которого упоминает в своём интервью историк, современные исследователи называли «отцом парагвайской нации» [9], что связывают с признанием его индейских сыновей-бастардов, а несколько позже и заключением браков между его дочерьми метисками и испанскими капитанами. В результате метисы и испанцы были уравнены в правах: могли наследовать землю, занимать должности в государственных органах и т. д.

Рассуждая об актуальном положении парагвайского общества, академик Хуан Баутиста Риварола Паоли замечает:

*Los paraguayos tuvimos – nos queda un poco – nuestra identidad nacional, que es el conjunto de valores como la música, los conceptos de patria y nación, la austeridad, la honestidad, la verdad, la justicia, el folklore, etc. Solo que lo vamos perdiendo. Antes de perder todo, debemos potenciarlos*⁴.

идентичность-n322064 (дата обращения: 20.12.2022).

¹ См.: La Secretaría de Políticas Lingüísticas premió 16 promotores de lenguas indígenas [Электронный ресурс] // Secretaría de Políticas Lingüísticas Paraguay: [сайт]. URL: <https://www.spl.gov.py/es/index.php/noticias/la-secretaria-de-politicas-linguisticas-premio-16-promotores-de-lenguas-indigenas> (дата обращения: 28.02.2023).

² Aquino A. Los paraguayos debemos potenciar nuestra identidad (14.05.2010) [Электронный ресурс] // Última Hora: [сайт]. URL: [https://www.ultimahora.com/los-paraguayos-debemos-potenciar-nuestra-](https://www.ultimahora.com/los-paraguayos-debemos-potenciar-nuestra-identidad-n322064)

³ Испанский конкистадор, губернатор Рио-де-ла-Плата с 1544 по 1556 г. – *Примеч. авт.*

⁴ Aquino A. Los paraguayos debemos potenciar nuestra identidad (14.05.2010) [Электронный ресурс] //

Единственным решением, которое могло бы способствовать развитию национального сознания парагвайцев, историк считает создание особого национального проекта, в задачи которого входило бы:

1) способствовать неизбежной и безусловно необходимой интеграции Парагвая в мировое политическое и культурно-экономическое сообщество, а также его сотрудничеству с зарубежными партнёрами;

2) сохранить культурную самобытность, внедряя при этом её элементы в процесс глобального культурного обмена, обеспечивая тем самым диалог культур между всем испанским миром (*hispanidad*) и Парагваем.

Культура народа гуарани и её влияние на парагвайскую нацию также анализируются в материале “*La raza y la bravura guaraní, ¿mito o realidad?*” Марии Виктории Бенитес из Парижского университета¹. В статье неоднократно высказывается мысль о том, что сущность парагвайского народа заключается в смешении европейской и индейской кровей. Буадан Капусин, исследователь языка и культуры гуарани, как и академик Хуан Баутиста Риварола Паоли, подчёркивает, что именно в период активной метисации сформировались две основные черты, отличающие Парагвай от других стран региона: мультиэтничность и мультинациональность [7].:-

En Paraguay, la idea de que, aunque el cuerpo no sea del todo mestizo, el alma nacional es esencialmente mestiza

Так, новое парагвайское общество унаследовало «европейскую религию», язык и институты власти, сохранив при этом элементы, придающие ему уникаль-

ность: местный язык гуарани и культуру его носителей.

Метисация как таковая является важным компонентом парагвайской национальной идентичности, в связи с чем в медиапространстве всё чаще появляются материалы, посвящённые взаимопроникновению и взаимообогащению двух столь разных культур: гуарани и испанской. Так, в статье газеты *Última Hora* “*Palabras del guaraní en el léxico español*” рассматриваются заимствования из гуарани в общеиспанском лексическом фонде. Отмечается, что большинство заимствований связано с именованиями флоры и фауны:

jaguareté (yaguareté) – ягуар;

ñandú – страус;

saamini – разновидность мате.

Эти и другие слова этого лексико-семантического поля теперь являются частью лексического фонда испанского языка и со временем вошли в Словарь испанского языка Королевской Академии (исп. *Diccionario de la lengua española, DLE*), однако их орфография была адаптирована к правилам испанского языка.

Автор статьи также обращается к книге “*Las dudas del hispanohablante*” дона Хуана Э. Агиара, в которой он замечает: “*Hay palabras castellanas de origen guaraní, cuya etimología casi no se nota, porque se ha adaptado a la morfología española*”². К этому классу слов, прошедших через этап адаптации к морфологии испанского языка, учёный относит, например:

Catinga (del guaraní katí, mal olor) – вонь, зловоние;

Tapera (del guaraní tapere, casa abandonada) – сарай, хибара, заброшенный дом.

Última Hora: [сайт]. URL: <https://www.ultimahora.com/los-paraguayos-debemos-potenciar-nuestra-identidad-n322064> (дата обращения: 20.12.2022).

¹ Benítez M. V. *La raza y la bravura guaraní, ¿mito o realidad* (14.05.2022) [Электронный ресурс] // Última Hora: [сайт]. URL: <https://www.ultimahora.com/la-raza-y-la-bravura-guarani-mito-o-realidad-n3001444> (дата обращения: 20.12.2022).

² Ruíz Díaz S. T. *Palabras del guaraní en el léxico español* (27.09.2021) [Электронный ресурс] // Última Hora: [сайт]. URL: <https://www.ultimahora.com/palabras-del-guarani-el-lexico-espanol-n2958336> (дата обращения: 20.12.2022).

В одном из своих последних материалов *“La guerra y la paz: El poder de la palabra”*¹ лексикограф Сусана Тринидад Руис Диас рассматривает язык гуарани как связующий элемент между воинами парагвайской армии во время войны против Тройственного альянса. Автор также обращает внимание на функцию языка как особого кода, который – в отличие от испанского – противники расшифровать не могли. Причём гуарани использовался не только как язык межличностного общения или личной переписки, но и как язык прессы, что также укрепляло его социолингвистический статус.

Отметим, что в период исторических катаклизмов важным становится укрепление идей патриотизма, тогда же наиболее активно формируются национальные идеи. В связи с этим периоды расцвета гуарани, лежащего в основе парагвайской национальной идентичности, приходится на время двух кровопролитных войн: Войны против Тройственного Альянса, также называемой самими парагвайцами «Великая Война», и Чакской войны². В частности, в материале упоминается о том, что во время Чакской войны парагвайцы использовали гуарани для обозначения имён вождей, солдат, а также названий оружия:

Akã guasu, (исп. jefe) – вождь, командир;
Jagua perõ (исп. recluta) – новобранец,
доброволец.

Заключение

Рассмотрение парагвайского медиапространства позволяет нам сделать вывод о том, что важным инструментом в выстраивании феномена парагвайской

национальной идентичности, основанной главным образом на особенностях языкового сознания парагвайцев, стали средства массовой информации. В равной степени важными факторами, повлиявшими на данный процесс стали: 1) активный процесс метисации, приведший к смешению индейской и европейской культур, а также поспособствовавший укреплению роли гуарани в парагвайском обществе; 2) географическая и политическая изолированность страны; 3) потеря большей части мужского населения страны в ходе Войны против Тройственного Альянса и наметившаяся вслед за этим необходимость сплочения нации. В результате, язык гуарани становится ключевым элементом парагвайской национальной идентичности, объединившим вокруг общей идеи обе части населения Парагвая: индейцев гуарани и метисов – потомков испанских конкистадоров.

Кроме того, на сегодняшний день парагвайское общество, владельцы и редакторы СМИ осознали необходимость интеграции страны в общий латиноамериканский контекст, в связи с чем большинство материалов газет посвящено анализу взаимосвязи языка и культуры гуарани с испанским. Как справедливо заметила исследовательница культуры Парагвая Гая Макаран в своей работе *«Парагвай. Остров, окружённый землёй? История (не)интеграции в регион»*: «единственный способ построить мост между «Парагвайским островом» и остальной частью континента – это осознать собственные победы и проигрыши, достоинства и недостатки, проведя при этом параллель между историей своей страны и судьбой континента в целом» [11, p. 29].

Дата поступления в редакцию 27.02.2023

¹ Díaz S. T. R. La guerra y la paz: El poder de la palabra (15.10.2021) [Электронный ресурс] // Última Hora: [сайт]. URL: <https://www.ultimahora.com/la-guerra-y-la-paz-el-poder-la-palabra-n2966775.html> (дата обращения: 20.12.2022).

² Чакская война (1932–1935 гг.) – конфликт за часть области Гран-Чакко между Парагваем и Боливией. – *Примеч. авт.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Викулова Л. Г., Кулагина О. А. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь») // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2 (12). С. 33–42.
2. Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Н. В. Барышников, А. Л. Бердичевский, Л. Г. Викулова [и др.]. М.: НЕОЛИТ, 2017. 424 с.
3. Невокшанова А. А., Стефанчиков И. В. Роль печатных СМИ в формировании уругвайской национальной идентичности в первой трети XX века // *Litera*. 2019. № 2. С. 78–96. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.2.29945.
4. Николаева М. Н. Национально-культурная специфика канадских топонимов-прозвищ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 86–96. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-86-96.
5. Нуриджанян Р. Г. К вопросу о социолингвистическом статусе языка гуарани в Парагвае // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 3 (47). С. 141–149. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.12.
6. Чупрына О. Г., Баранова К. М. Social and Cultural Values in American Web-Based Discourse (Социальные и культурные ценности в американском интернет-дискурсе) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 122–130.
7. Boidin C. Métissages et genre dans les Amériques: Des réflexions focalisées sur la sexualité // *Clio. Femmes, Genre, Histoire*. 2008. No. 27. P. 169–195. DOI: 10.4000/clio.7492.
8. Caballero Campos H., Ferreira Segovia C. El periodismo de Guerra en el Paraguay (1864–1870) // *Nuevo mundo mundos nuevos*. 2006. No 6. Le Paraguay à l'ombre de ses guerres (Paris MAL-EHESS-IEP 17-19 novembre 2005) [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/nuevomundo/1384> (дата обращения: 18.12.2022). DOI: 10.4000/nuevomundo.1384.
9. Corvalán G. La vitalidad de la lengua guaraní en el Paraguay // *Población y Desarrollo*. 2005. Núm. 30. P. 5–21.
10. Gómez G. El plurilingüismo paraguayo. Un fenómeno que enlaza y separa: evolución de la lengua guaraní y proceso de jerarquización lingüística. Asunción (Paraguay): Servi Libro, 2006. 172 p.
11. Makaran G. Paraguay: ¿Isla rodeada de tierra? Una historia de la (NO) integración nuestroamericana // *Estudios Paraguayos*. 2016. Vol. XXXIV. Iss. 2. P. 7–40.
12. Nickson R. A. Governance and the revitalization of the Guaraní language in Paraguay // *Latin American Research Review*. 2009. Vol. 44. No. 3. P. 3–26.

REFERENCES

1. Vikulova L. G., Kulagina O. A. [National identity within the context of otherness: linguistic representation of the "native" - "foreign" opposition in French literature of the XXth century (the essay volume "The black notebook" by F. Mauriac)]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [MCSTU Vestnik. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2013, no. 2 (12), pp. 33–42.
2. Baryshnikov N. V., Berdichevskiy A. L., Vikulova L. G. et al. *Dialog kultur. Kultura dialoga: Chelovek i novyye sotsiogumanitarnyye tsennosti* [Dialogue of cultures. Culture of dialogue: Man and new socio-humanitarian values]. Moscow, NEOLIT Publ., 2017. 424 p.
3. Nevokshanova A. A., Stefanчиков I. V. [The role of printed media in the development of Uruguayan national identity in the first third of the XXth century]. In: *Litera*, 2019, no. 2, pp. 78–96. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.2.29945.
4. Nikolaeva M. N. [National-cultural specificity of Canadian place names-nicknames]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 5, pp. 86–96. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-86-96.
5. Nuridzhanyan R. G. [On the Guaraní language in Paraguay sociolinguistic status]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2022, no. 3 (47), pp. 141–149. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.12.

6. Chupryna O. G., Baranova K. M. Social and Cultural Values in American Web-Based Discourse. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 4, pp. 122–130.
7. Boidin C. Métissages et genre dans les Amériques: Des réflexions focalisées sur la sexualité. In: *Clio. Femmes, Genre, Histoire*, 2008, no. 27, pp. 169–195. DOI: 10.4000/clio.7492.
8. Caballero Campos H., Ferreira Segovia C. El periodismo de Guerra en el Paraguay (1864–1870). In: *Nuevo mundo mundos nuevos*, 2006, no 6. Le Paraguay à l'ombre de ses guerres (Paris MAL-EHESS-IEP 17-19 novembre 2005). Available at: <https://journals.openedition.org/nuevomundo/1384> (accessed: 18.12.2022). DOI: 10.4000/nuevomundo.1384.
9. Corvalán G. La vitalidad de la lengua guaraní en el Paraguay. In: *Población y Desarrollo*, 2005, núm. 30, pp. 5–21.
10. Gómez G. El plurilingüismo paraguayo. Un fenómeno que enlaza y separa: evolución de la lengua guaraní y proceso de jerarquización lingüística. Asunción (Paraguay): Servi Libro, 2006. 172 p.
11. Makaran G. Paraguay: ¿Isla rodeada de tierra? Una historia de la (NO) integración nuestroamericana. In: *Estudios Paraguayos*, 2016, vol. XXXIV, iss. 2, pp. 7–40.
12. Nickson R. A. Governance and the revitalization of the Guarani language in Paraguay. In: *Latin American Research Review*, 2009, vol. 44, no. 3, pp. 3–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нуриджанян Роза Геворковна – аспирант кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: rozanurid@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roza G. Nuridzhanyan – Postgraduate Student, Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: rozanurid@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нуриджанян Р. Г. Языковая репрезентация культуры гуарани в парагвайском медиапространстве // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 105–113.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-105-113

FOR CITATION

Nuridzhanyan R. G. Linguistic representation of the Guarani culture in the Paraguayan media space. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 105–113.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-105-113

УДК 811.131.1

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-114-122

PHONETIC, GRAMMATICAL AND LEXICAL FEATURES OF MODERN ITALIAN RAP EXEMPLIFIED BY THE SARDINIAN GROUP SALMO

O. Pogoretskaya, N. Ivanov

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Prospect Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation*

Abstract

Aim. Identification of linguistic features of Italian-language rap as a special textual genre as exemplified by Salmo's lyrics.

Methodology. The method of continuous sampling was used to identify and list examples of phonetic and grammatical features specific to rap lyrics; the method of contextual and discourse analysis was applied in order to analyze why borrowings and culturally specific elements are used. The texts from the album "FLOP" and the single "Estate (Vabb balliamo)" served as the research material.

Results. The results show that phonetically Italian rap has borrowed some features from American rap tradition, however it has preserved some specific features. The analysis of grammatical structures showed that literary Italian prevails and such grammatical phenomenon as subjunctive mood is not neglected. As for the lexical peculiarities, the borrowings from Spanish, French and Japanese are of interest, as well as the wide presence of culturally specific elements, which add imagery to the lyrics.

Research implications. In Russian linguistics the study of Italian-language rap is not widely represented, so a further analysis of the rap discourse in Italian will gather material to conduct comparative studies.

Keywords: borrowings, culturally specific elements, edlibs, Italian language, Salmo, rap discourse

ФОНЕТИЧЕСКИЕ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ИТАЛЬЯНСКОГО РЭПА НА ПРИМЕРЕ САРДИНСКОЙ ГРУППЫ SALMO

Погорецкая О. А., Иванов Н. В.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление лингвистических особенностей италийского рэпа как особого текстового жанра на примере текстов песен группы Salmo.

Процедура и методы. Метод сплошной выборки использовался для выявления и перечисления примеров фонетических и грамматических особенностей, характерных для рэп-лирики; метод контекстуального и дискурсивного анализа применялся для анализа причин использования заимствований и культурно-специфических элементов. Материалом исследования послужили тексты из альбома "FLOP" и сингла "Estate (Vabb balliamo)".

Результаты. Полученные результаты свидетельствуют о том, что фонетически итальянский рэп заимствовал некоторые черты из американской рэп-традиции, но при этом сохранил ряд специфических особенностей. Анализ грамматических структур показал, что в итальянском языке преобладает литературный итальянский язык, и такое грамматическое явление, как сослагательное наклонение употребляется в рамках литературной нормы. Что касается лексических особенностей, то интерес представляют заимствования из испанского, французского и японского языков, а также широкое присутствие культурно-специфических элементов, придающих текстам образность.

Теоретическая и/или практическая значимость. В отечественной лингвистике изучение италяязычного рэпа представлено недостаточно широко, поэтому дальнейший анализ рэп-дискурса на итальянском языке позволит собрать материал для проведения сопоставительных исследований.

Ключевые слова: заимствования, культурно-специфические элементы, эдлибы, итальянский язык, «Сальмо», рэп-дискурс

Introduction

Rap as a music movement is currently at the peak of popularity. Rap as a verbal part of hip-hop culture originated in the 1970s in the United States, in the marginal areas of Bronx. In Italy, until the late 1980s, most people had not even heard of the existence of such cultural phenomenon [12]. The first Italian rap artists (Dj Skizo, Soul Boy, Sean, Dj Gruff, Top Cat e Kaos One) rarely turned to Italian as the main language to create rap discourse, partly because they proudly associated themselves with the English-speaking world and American culture. “Though the flow of new tendencies and innovations in popular music almost always comes from the English-speaking market, in the process of appropriation (“acquisition”) on the local level hip-hop becomes the mechanism of expressing the local identity” [3].

The popularization of rap music in Italy started rather from the rising interest in the visual component of hip-hop culture – graffiti. In 1984 in Bologna¹ the exhibition “Arte di frontiera. New York graffiti”² was open (in the gallery *Galleria Comunale d'Arte Moderna*) and other events devoted to street art followed.

As for the musical component of hip-hop culture is concerned, 1990 is considered to be the starting point: that's when the composition “Batti il tuo tempo” by “Onda Rossa” was released, which became “the birth of Italian rap” – “*la nascita del rap italiano*”³.

As more and more rap artists appear on the Italian music scene, a transformation is gradually taking place: a rap piece from a “rhythmical recitative set to music with a jagged rhythm”⁴ acquires features of a full-fledged literary work filled with poetical meaning. Along with this, there is a shift from traditional American rap themes such as “racial inequality”, “injustice”, “beautiful life”, “money” towards acute social themes: inequalities of different kind, social injustice, religion and faith, friendship, love, creativity etc.

Within this research we will not consider the musical side of the issue, we are interested in rap as a textual genre. Academic studies devoted to this topic (to rap music as a text genre in different countries) are rather scarce, most of them appeared as a result of research interest to hip-hop culture in America (T. Rose [10], J. Ogbar [9], B. Kitwana [7]).

“As a carrier of unified forms of cultural expression, rap contributes to the standardi-

¹ La mostra “arte di frontier”. In: *Bologna Online*. Available at: https://www.bibliotecasalaborsa.it/bolognaonline/cronologia-di-bologna/1984/la_mostra_arte_di_frontiera (accessed: 16.02.2023).

² Breve storia del rap italiano. In: *T. Blog*. Available at: <https://www.thomann.de/blog/it/breve-storia-del-rap-italiano/> (accessed: 23.01.2023).

³ Breve storia del sintetizzatore. In: *T. Blog*. Available at: <https://www.thomann.de/blog/it/breve-storia-del-sintetizzatore/> (accessed: 23.01.2023).

⁴ Рэп словарь // Портал Делай рэп. Available at: <https://delairap.com/uchebnik/slovar-rap/> (accessed: 23.01.2023).

sation of artistic practices and at the same time offers some cultural and social space for the articulation of models and values of local communities" [3]. With the spread of rap and hip-hop culture around the world, other studies began to emerge – research interest emerged in German¹, Russian rap [4], etc. Italian rap has also started to be studied in recent years, researchers like A. Miglietta [8], J. Bagatta [6], M. Tucci [11] and others can be mentioned.

Turning to the history of Italian rap, it is worth noting that "there has been a transition from purely English-language rap to dialectal and multilingual lyrics in which dialectal elements, foreign borrowings, technical terms, neologisms and obscene expressions alternate with a base borrowed from the language of youth and the Italian language of everyday communication, since rap language was born as an expression of street culture"².

Italian language rap has not received much attention among Russian authors, so research in this area seems particularly relevant.

Materials and methods

There are not many original Italian rap artists; mostly musicians try to adapt American hip-hop or Spanish-language reggaeton for Italian listeners. However, over time, distinctive national performers began to emerge, with their unique style and national characteristics. Salmo is considered one of such performers.

The material for the study consists of several compositions by Salmo. The tracks taken from the album FLOP (2021) are "L'angelo caduto", "YHWH", "Kumite", "A DIO", "Mi sento bene" and the single "Estate (Vabbè balliamo)" (2017). Interestingly, the

album cover "FLOP" was inspired by the painting "Fallen Angel" (1847) by the French artist Alexandre Cabanel.

The main research methods were the method of continuous sampling, the method of contextual analysis and the method of discourse analysis. The method of continuous sampling was used to identify and list the examples of specific to rap text genre phonetic and grammatical features. The method of contextual and discourse analysis was implemented in order to analyze why loanwords and culturally specific elements are used in the lyrics.

Phonetic features

The pronunciation of Italian-language rap is as close as possible to *italiano standard*. This is an important difference from English-language rap, especially in the so-called *ebonics* (ebony "black" + phonics "acoustics") – the sociolect African-American English – which is characterized by a number of phonetic features [1]. This phonetic "structure" of Italian rap is possible partly due to the phonetic features of the language itself: there is no vowel reduction in Italian (which is a major characteristic of rap compositions in other languages, in particular, Russian and English). However, it should be noted that there are a number of performers who actively use dialectal impregnations (for example, the performer Caparezza from the Puglia region), which affects the overall phonetic picture of the rap discourse produced due to the specific phonetics of a particular dialect of the Italian language. In our opinion, in such cases we are already talking about a subgenre of Italian-language rap discourse – its dialectal variation.

However, there are a number of distinctive features. Since, as described above, Italian rap discourse relies heavily on the language of youth and the Italian language of everyday communication, it shares some features with contemporary Italian everyday discourse. One of these features is the phonetic phenomenon of abbreviations. Here are examples of such abbreviations.

¹ German rap: a brief look at the history. Available at: <https://outstyle.org/article/nemeckij-ryepkratkij-yekskurs-v-istoriyu> (accessed: 01.04.2020).

² "Sulla lingua del rap italiano. Analisi quali-quantitativa dei testi di Caparezza" di Annarita Miglietta. In: *Lettture.org*. Available at: <https://www.lettture.org/sulla-lingua-del-rap-italiano-analisi-quali-quantitativa-dei-testi-di-caparezza-annarita-miglietta> (accessed: 24.01.2023).

1. *Elision* – the letter lapse is marked with an apostrophe:

– “Farò una vasca a dorso, fra' c'ho l'estate addosso / Quindi levatevi... che mi state addosso” – in this example there was a reduction of “fra” from “fratello” – “brother” as well as a reduction of the colloquial particle “ci” before the verb “ho” to the vowel “c'ho”;

– “Sono completamente impazzito / Ho parlato col demonio in maschera e non m'ha capito” – the abbreviation of the personal pronoun “mi” before the vowel “m'ha”;

2. *Apokopa* – the dropping out of a syllable/s at the end of a word:

– “Bella **fraté**, se ci sei batti un colpo che qua c'è un problema”;

– “La vita a volte non è dura, **fra**, è meschina (uh) Puoi farti un piano per la fuga come Mesina (ah)”;

3. *Aphesis* is the dropping out of a syllable at the beginning of a word:

the demonstrative adjective “questa”/ “questo” has become “sta” / “sto”:

– “**sta** macchina è una tomba / Faccio un giro di ronda, il sole picchia come Ronda”;

– “A '**sto** punto, sì, è meglio morire, fra' // È come svegliarsi e tornare a dormire”;

Common to rap discourse in other languages is the presence of edlibs in Italian rap. Edlibs (from the English “Edlib”, which in turn comes from the Latin “Ad Libitum” – “at will”) are like random shouts or words that dilute the main text¹. The edlibs usually have little meaning and often mimic laughter, gunshots, repetitions of the last words of a line and serve to enhance rhythmic musicality. Salmo's texts contain:

1. Italian interjections serving the function of edlibs:

– “Chiedilo a Ariana, che facciamo? / **Vabbè** balliamo / E allora balliamo”;

2. English-language edlibs:

– “E allora balliamo / **Yeah, yeah, yeah** / E allora balliamo”;

– “Come quando fuori piove (**yeah yeah**) / Aspetto arrivi la mia onda / Chiamo un uragano col tuo nome (**yeah yeah**) / Io spero che tu mi risponda”;

– “**Yeah, yeah, yeah, check, oh**”;

– “Questo è un amore kumite, **baby**, è un kumite”;

3. Mixing of languages:

“**Yessir, Lebon al mic, yaoh, yaoh, ah**” – in this example the edlib “Yessir” is borrowed from English (“Yes” + “sir”) and “Lebon al mic” is an interesting example of mixing: “Lebon” (the name of the label in which Salmo is recorded) is combined with Italian “al mic” – a fused preposition with the article “al” and the abbreviation “mic” from “microfono”;

– “**Ehi, ehi, yeah, ehi, ehi / Ehi, ehi, yeah, ehi, ehi / Mi senti tu, oh, oh / Just do it, just do it**”;

4. Sound simulation:

– “Sei la persona sbagliata (**Yah**) al momento perfetto (**Brr**)”;

– “Siamo alle solite, siamo alle comiche // Mi girano le palle (**brr, brr**) come pale eoliche (**brr, ah**)”;

– “Ma quel giorno mi vedrai nei riflessi degli specchi, **ehi**”;

– Scarrello sopra il beat tipo full **clip clip** // Apro Lebonski, faccio un tre e sessanta **flip, flip, flip**”;

5. Repetition of the final syllable of the stanza:

– “E pare fra' che parlino i fatti (**'ti**) // Ma sono le cinque e parlo solo coi fatti (**'ti**) / Sembro meno matto, sempre agli occhi dei matti (**'ti**) / Sono un tipo disturbato, sì, ma solo dagli altri, ah-ah”.

Grammatical features

In general, the performer's texts conform to the grammatical norms of *italiano standard*, with no particular deviations from the norms of modern Italian. On the contrary, it can be said that the texts are literate.

One obvious characteristic of literate Italian speech and the speaker's level of education is the correct use of the Subjunctive Mood (*Modo Congiuntivo*). In Salmo's

¹ What is edlib (Что такое эдлиб). In: *Slovar' molodozhnogo slenga* [Dictionary of youth slang]. Available at: <https://slang.su/content/эдлиб> (accessed: 23.01.2023).

compositions we can see that the subjunctive mood is used correctly in all kinds of adjectival sentences. Here are some examples of proper use of the subjunctive mood in the lyrics from the album "FLOP":

1) in independent subordinate clauses (proposizioni indipendenti):

– **"Sia benedetto** il tuo nome, Signore, che il mondo lo salva un dottore / Se non hai timore, neanch'io / In fondo la lettera c'è scritto: "Addio, amen";

2) in subject subordinate clauses (proposizioni soggettive):

– "E pare fra' **che parlino** i fatti ('ti)";

3) in object subordinate clauses (proposizioni oggettive):

– "Sì, penso **sia inutile guardare** un film o una serie TV / Quando mi basta il TG";

– "Io spero **che tu mi risponda**";

– "Credi che qualcuno **ti veda** dall'alto / Chiedilo agli angeli / Chiedi quanto tempo per noi ti è rimasto";

4) in determinative subordinate clauses (subordinate relative):

– "Vuoi qualcuno **che ti ami** o **che lenisca** le insicurezze";

– "Padre, non sono un infame, no / Io che volevo trovare qualcuno **cui valga la pena pregare**";

5) in subordinate clauses of time (subordinate temporali):

– "Aspetto **arrivi** la mia onda";

6) in subordinate clauses of manner (subordinate modali):

– "Ah-ah, rido **come se avessi** una colica"¹.

There is one more feature to note. Rap music has been popular since its inception and its popularity has steadily grown in recent years. The scientific explanation for the effect of rap on the brain lies in the rhythm: the drum beat causes a certain hypnotic effect, which creates a good environment for the delivery of a certain thought to the listener.

Salmo's compositions contain a large number of verbs in the Imperative Mood, which gives the lyrics an imperative meaning:

– **"Non avere paura, non restare** nell'ombra / **Allaccia** la cintura, sto concerto è una bomba";

– **"Conta** solo su di te, mica su di me / Questo è un amore kumite, baby, è un kumite";

– **"Allora fatti da parte** (Eh), giuro, solo sto meglio (Eh)";

– **"Quando a cena lasci un posto vuoto sappi** che io sono lì con te";

– **"È** come svegliarsi e tornare a dormire / **Allaccia** le scarpe che fuori c'è il sole ma non posso uscire";

– **"Odiami** pure, ti fa stare bene, ma almeno **rispondi** ai messaggi / La gente che prega ti chiama la sera e rispondono i centri massaggi";

– **"Dicevi** la mia vita non è niente di che / Allora **dimmi** perché stavi proprio con me, nah";

– **"Credi** che qualcuno ti veda dall'alto / Chiedilo agli angeli / Chiedi quanto tempo per noi ti è rimasto".

Lexical features

As for the lexical features of Salmo's lyrics, it is worth to say that the vocabulary used mostly belongs to the common vocabulary and the presence of obscene vocabulary is minimal. There are also several clearly visible semantic fields: both relatively "traditional" for rap music – "beautiful life", "money", "social injustice", and more original semantic fields specific to a particular performer – "religion", "frustration", "personal growth", "rejection of material values".

Analysis of loanwords

A distinctive feature of Salmo's texts from the point of view of lexical analysis is the diversity of foreign-language loanwords: there are both "classical" English loanwords and loanwords from other languages (French, Spanish and Japanese).

The presence of borrowings from the English language in rap discourse seems

¹ Горячкин А. Р. Итальянское сослагательное наклонение. Функциональные особенности и некоторые аспекты перевода: учебное пособие для студентов переводческого факультета (II курс, I семестр). М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 189 с.

logical, as this musical movement originated in the anglophone environment. On the one hand, some borrowed words underline the universality – many English words are already firmly established in the Italian language (despite the presence of the Italian counterpart) – and are familiar to a large part of the listeners (and speakers of other languages as well). Here are a few examples of such borrowings:

– “Lo giuro tipo scout, con quel culo così grande / Puoi venire al mio concerto e **fare sold out**”;

– “Non faccio **hit** estive, ti sfascio il club privé / Stai con chi mal vive, io in Sardegna, Maldive”;

– “Ho fatto **il cash**, tango, e Salmo dos Santos / Rimbalzo sopra questi rapper come il Super Santos”;

– “Vieni con me, sono il re senza alcun trono / Conosco un posto **cool**, fanno un Moscow Mule buono”;

The English-language loan words in the above examples are hardly perceived as loan words any more: the lexemes “*sold out*”, “*hit*”, “*cash*”, “*cool*” are firmly in use and firmly assimilated in Italian, as indicated by their grammatical assimilation – the article (*il cash*) and the noun-adjective agreement (*hit estive*).

At the same time, Salmo's lyrics include English-language loanwords, which underline the shared conceptual apparatus of rap music fans:

– “Sento la buona onda, sono **la new wave** / Tu aspetti ancora il grande salto, Blue Whale”;

– “Non ho rubinetti d'oro a casa come Monica (uh) / Vivo la città con i fra' senza **bodyguard** (ah) / Il tuo mito è troppo ricco, la tua invidia è cronica”;

– “In gallery cibo per la mente, con il rap ti ho fatto il catering / Scarrello sopra **il beat** ti folk clip clip”;

– “La mia crew ti mette a testa in giù come Belzebù / Quando vede il crocifisso di Gesù, ah (tu-tu)”;

– “Ah, **off-topic** / Vedo i mostri come a Milwaukee”;

– and even a whole passage in English: “You are the source of my strength / We invite you to clap your hands, stamp on your feet (you are) / Lift your hands and feel free to rejoice with us (the source of my strength) / You are welcome”;

Such loanwords – *il beat*, *off-topic*, *new wave* – may no longer be understandable to all native Italian speakers, but are likely to be understandable to fans of rap music.

In the lyrics of the Italian rap discourse borrowings from other languages are common, in particular from French and Spanish, which are close to Italians, for example:

– “Ah, a noi ci va così, così bene / Che non so che cosa dire / Tu diresti **c'est la vie**”;

– “Ho fatto il cash, tango, e **Salmo dos Santos** / Rimbalzo sopra questi rapper come il Super Santos”;

– “Non faccio hit estive, ti sfascio **il club privé** / Stai con chi mal vive, io in Sardegna, Maldive”.

There are also some more exotic loan words for the Italian language:

– “Conta solo su di te, mica su di me / Questo è **un amore kumite**, baby, è un kumite” – “kumite” – is not the most famous Japanese word. Its presence in the text shows a desire to create poetic imagery briefly and metaphorically, while at the same time demonstrating its erudition.

Analysis of culturally specific elements

A distinctive feature of many pieces of music is imagery. The lyrics of the rapper Salmo are no exception: they are a vivid example of how the use of culturally specific speech nominations gives volume and expressiveness to a statement that is often devoid of poetic imagery. We will use the term “cultureme” to refer to such nominations.

We will understand the term “cultureme” or “linguocultureme” [2] to be synonymous with the concept introduced into scientific usage by Y. S. Stepanov [5], i. e. “a nationally marked image of culture, which has linguistic expression in the form of a word, phrase or sentence and conveys some linguocultural

content which is essential for understanding the national features of native speakers”¹.

Such “complex” speech units combine both the linguistic (symbolic, iconic) and the extra-linguistic (conceptual). Many culturally marked elements are found in Salmo texts. Among them, a number of cultural elements based on Italian realities and culture can be distinguished:

– “Nessun dorma” – “Let no one sleep” – this is how Salmo’s composition “Mi sento bene” begins. “Se non dormo io, nessun dorma, / non chiedetemi il perché” immediately evokes the association with the aria of the same name from Giacomo Puccini’s opera “Turandot”, which begins with the phrase “Nessun dorma! Nessun dorma!” and is well known in Italian culture. In the plot of the opera, Princess Turandot, not wishing to marry the unknown Prince Calaf, tries to unravel his name and decides that no one should sleep that night until his name is guessed. The opera is one of Puccini’s best-known operas, and after 1990, when the BBC channel used the composition “Nessun dorma” performed by Luciano Pavarotti as the main theme during the World Cup, the aria became one of the most famous pieces of classical music in the world. “Let no one sleep” in the rap artist’s lyrics refers the listener to this aria, the author draws on the cultural experience he shares with his (Italian-speaking) audience.

– “Ti guardo ed è già Halloween, non è che c’hai **un Aulin** / Lo vedi ho preso il volo come un fottuto monaco Shaolin” – “un Aulin” – the author uses the name of the medicine as a common anti-inflammatory drug in Italy, as people in Italy are familiar with the name, there is no difficulty in understanding it.

– “In giro scooteroni, segni di copertoni / Trenta birre Peroni, cimiteri di ombrelloni” – “Peroni” – a popular beer in Italy;

– “Guardo brutte notizie / **come il TG alle otto** / L'estate sta finendo, ho / già messo il giubbotto / Ho messo pure il casco / perché tu parli troppo / È un canto di protesta, / cerco il punto G8” – “come il TG alle otto” – it is a reference to the traditional viewing of the evening news bulleting “il TG” – short for “il telegiornale”.

However, the author does not only refer to the Italian cultural background, he uses images that have spread in the global cross-national cultural space, for example:

– “Ah, off-topic / Vedo i mostri come a Milwaukee” – The “Milwaukee Monster” is the name Jeffrey Dahmer, a serial killer committing crimes in Milwaukee, USA (his story gained even more publicity after the release of the series on Netflix).

Conclusions

The analysis of the performer’s texts showed that the Italian language within the performer’s rap discourse is close to the standard Italian language, the so-called italiano standard. Phonetic deviations are insignificant and narrow down to abbreviations of separate sounds and syllables, such phenomena as elision, apokopa and apheresa. In Italian-language rap discourse such characteristic feature of rap in other languages as adlibs is present, but vowel reduction typical for other languages is not found in Italian (in the compositions of the performer in question).

Grammatically, the texts correspond to the norms of the modern Italian language. Despite the obvious “colloquiality” of the rap discourse, the Italian rap discourse (within the rap discourse of the performer in question) is built within the norms of the modern Italian language, which is particularly evident in the correct use of the subjunctive mood (in which native speakers often have errors in colloquial speech). Though it should be mentioned that it can be called the author’s style – other rappers do not have such respect for the Subjunctive Mood.

The amount of substandard vocabulary and profanity is minimal, and in the lyrics of most of the songs there are no words at

¹ Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

all, which distinguishes this performer from other Italian rappers. Salmo's lyrics are replete with cultural references from the Italian to the global cultural field.

As for the purposes of further research in this field, it is worth mentioning that identifying the linguistic specificity of Italian-lan-

guage rap as a textual genre will allow, firstly, to compare it with raps in other European languages, as well as to reveal the ways to influence the audience through contemporary song lyrics discourse.

Дата поступления в редакцию 14.07.2023

REFERENCES

1. Borisova I. V. [Linguistic originality of American rap compositions (on the example of MACHINE GUN KELLY and NF)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2022, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 23.01.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2022-5-1123.
2. Vedenina L. G. [Theory of intercultural communication and the meaning of words]. In: *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], 1997, no. 3, pp. 72–76.
3. Gritsenko Ye. S., Dunyasheva L. G. [The language of rap lyrics in the context of globalization]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2013, no. 2 (44), pp. 141–147.
4. Mukhtarova A. S., Alimuradov O. A. [Some linguistic peculiarities of the English and Russian rap texts: a comparative study drawing on the material of texts of grime microgenre]. In: *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2020, no. 2, pp. 133–146. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-133-146.
5. Stepanov Y. S. [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of research. Moscow: Languages of Slavic Culture], 1997. 825 p.
6. Bagatta J. La lingua del rap underground italiano. Alcuni casi di studio / Università degli Studi di Milano. Facoltà di Studi Umanistici. Corso di Laurea Triennale in Lettere. Lecce. Anno accademico 2014/2015. Available at: https://www.inventati.org/apm/materiali/Tesi_RAP_completa.pdf (accessed: 23.01.2023).
7. Kitwana B. The Hip Hop Generation: Young Blacks and the Crisis in African American Culture. New York, Basic Civitas Books, 2003. 256 p.
8. Miglietta A. Sulla lingua del rap italiano. Analisi quali-quantitativa dei testi di Caparezza. Firenze, Franco Cesati Editore, 2019. 126 p.
9. Ogbur J. Hip-Hop revolution: the Culture and Politics of Rap. Kansas, University Press of Kansas, 2007. 236 p.
10. Shusterman R. Pragmatist Aesthetics: Living Beauty, Rethinking Art. Lanham, Boulder, New York, Oxford, Rowman & Littlefield Publishers, INC., 2000. 346 p.
11. Tucci M. "L'urgenza letteraria" del rap italiano: aspetti intrinseci ed estrinseci. In: *ATeM*, 2017, no. 2. Available at: <https://www.ate-m-journal.com/index.php/ATeM/article/view/2017.07> (accessed: 30.03.2023). DOI: 10.15203/ATeM_2017.07.
12. Zukar P. Rap Una Storia Italiana. Milano, Baldini & Castoldi, 2017. 288 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова И. В. Лингвистическое своеобразие американских рэп-композиций (на примере творчества MACHINE GUN KELLY и NF) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 23.01.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2022-5-1123.
2. Веденина Л. Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова // Иностранные языки в школе. 1997. № 3. С. 72–76.
3. Гриценко Е. С., Дунышева Л. Г. Языковые особенности рэпа в аспекте глобализации // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 141–147.
4. Мухтарова А. С., Алимурадов О. А. Некоторые лингвистические особенности английских и русских рэп-текстов: сопоставительное исследование на материале текстов микрожанра грайм // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 2. С. 133–146. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-133-146.

5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки славянской культуры, 1997. 825 с.
6. Bagatta J. La lingua del rap underground italiano. Alcuni casi di studio / Università degli Studi di Milano. Facoltà di Studi Umanistici. Corso di Laurea Triennale in Lettere. Lecce. Anno accademico 2014/2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.inventati.org/apm/materiali/Tesi_RAP_completa.pdf (дата обращения: 23.01.2023).
7. Kitwana B. The Hip Hop Generation: Young Blacks and the Crisis in African American Culture. New York: Basic Civitas Books, 2003. 256 p.
8. Miglietta A. Sulla lingua del rap italiano. Analisi quali-quantitativa dei testi di Caparezza. Firenze: Franco Cesati Editore, 2019. 126 p.
9. Ogbay J. Hip-Hop revolution: the Culture and Politics of Rap. Kansas: University Press of Kansas, 2007. 236 p.
10. Shusterman R. Pragmatist Aesthetics: Living Beauty, Rethinking Art. Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, INC., 2000. 346 p.
11. Tucci M. "L'urgenza letteraria" del rap italiano: aspetti intrinseci ed estrinseci // ATeM. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atem-journal.com/index.php/ATeM/article/view/2017.07> (дата обращения: 30.03.2023). DOI: 10.15203/ATeM_2017.07.
12. Zukar P. Rap Una Storia Italiana. Milano: Baldini & Castoldi, 2017. 288 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Pogoretskaya – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Romance Languages named after T. Z. Cherdantseva, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru

Nikolay V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Romance Languages named after T. Z. Cherdantseva, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: e-nickma@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Погорецкая Ольга Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков им. Т. З. Черданцевой Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru

Иванов Николай Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков им. Т. З. Черданцевой Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: e-nickma@mail.ru

FOR CITATION

Pogoretskaya O. A., Ivanov N. V. Phonetic, grammatical and lexical features of modern Italian rap exemplified by the Sardinian group Salmo. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 114–122. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-114-122

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Погорецкая О. А., Иванов Н. В. Фонетические, грамматические и лексические особенности современного итальянского рэпа на примере сардинской группы Salmo // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 114–122.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-114-122

УДК 811.133.1'01

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-123-132

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО “DEBONNAIRE”

Соловьева М. В.*Санкт-Петербургский государственный университет**199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель работы – выявить особенности значения и объяснить причины семантической эволюции абстрактного прилагательного “*debonnaire*” в старофранцузском языке.

Процедура и методы. В работе проанализирован корпус старофранцузских текстов, определены и описаны значения старофранцузского прилагательного “*debonnaire*”. При работе с языковым материалом использовались методы контекстуального и этимологического анализа.

Результаты. Проведённый анализ позволил сделать вывод о том, что именно оценочная составляющая значения прилагательного “*debonnaire*” обусловила его дальнейшую эволюцию. Кроме того, были описаны употребления прилагательного в различных контекстах и установлена зависимость реализуемого значения от контекста.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты вносят свой вклад в разработку проблематики синкретизма / широкозначности / полисемии, а также в пополнении научных знаний о семантических особенностях абстрактной лексики в старофранцузском языке. **Практическая значимость** состоит в том, что были уточнены значения старофранцузского прилагательного “*debonnaire*”.

Ключевые слова: оценочный компонент значения, полисемия, синкретизм, старофранцузский язык, старофранцузская лексика, широкозначность

SPECIFIC FEATURES OF FUNCTIONING AND SEMANTIC EVOLUTION OF OLD FRENCH ADJECTIVE “DEBONNAIRE”

M. Solovieva*Saint-Petersburg State University**Universitetskaya naberezhnaya 7-9, St. Petersburg 199034, Russian Federation*

Abstract

Aim. To elicit specific features and explain the reasons for the semantic development of the abstract adjective “*debonnaire*” in Old French.

Methodology. The corpus of Old French texts is analyzed in the paper and the range of meanings of Old French adjective “*debonnaire*” is stated and described. The methods of contextual and etymological analyses were used.

Results. The analysis revealed that it was the evaluative constituent of the meaning of “*debonnaire*” that stipulated its further evolution. Additionally, diverse cases of the adjective use in various contexts were also described, thus showing the dependence of the realized meaning on the context.

Research implications. The results obtained add to the development of the problem of syncretism / eurysemy / polysemy and enlarge the scientific knowledge of semantic characteristics of abstract vocabulary of Old French. Moreover, the meanings of Old French adjective «*debonnaire*» were specified which substantiates the practical significance of the research.

Keywords: eurysemy, evaluative component of the meaning, Old French language, Old French vocabulary, polysemy, syncretism

Введение

Изучение особенностей лексического состава древних языков, в частности, старофранцузского, не теряет своей актуальности по нескольким причинам. Во-первых, не ослабевает интерес к специфике отражения картины мира в лексике в зависимости от этапа развития языка, о чём свидетельствуют диссертационное исследование Н. И. Белогривцевой [2], посвящённое сопоставительному анализу несущих эстетическую оценку абстрактных прилагательных в английском, французском и испанском языках в текстах XII–XV вв.

Во-вторых, появилась возможность проводить подобные исследования с привлечением различных корпусов. Использование корпуса старофранцузского языка позволяет проследить семантические изменения на большем количестве разножанровых текстов, расширить временные рамки наблюдения и, следовательно, проанализировать более значительный эмпирический материал. Подтверждением тому служит работа З. Гейликман [12], которая использовала данные нескольких корпусов старофранцузского языка для анализа особенностей функционирования лексем “baron” и “chavalier” в текстах XII–XV вв.

Настоящее исследование ставит перед собой цель показать важность оценочной составляющей в семантике отвлечённого имени прилагательного и ведущую роль оценки в семантическом развитии слова на примере старофранцузского прилагательного “debonnaire”. Это прилагательное было выбрано не случайно: оно описывало важные для средневекового рыцаря качества и входило в число эпитетов, регулярно использовавшихся в характеристиках персонажей.

В задачи исследования входит сопоставить исследовательский подкорпус, проанализировать языковой материал

исследовательского подкорпуса, описать минимальный контекст употребления прилагательного “debonnaire”, определить значение описываемого прилагательного в каждом контексте, объяснить семантическую эволюцию лексемы.

Для проведения исследования использовался корпус “Ancien français”, включающий 57 разножанровых документов общим объёмом 2 813 747 словоупотреблений, датированных 1001–1299 гг., и входящий в Корпус французского языка Frantext¹. В исследовательский подкорпус вошло 240 употреблений прилагательного. При отборе примеров для составления исследовательского подкорпуса и при дальнейшей работе с языковым материалом использовался метод контекстуального и этимологического анализа. Подкорпус был составлен с учётом орфографической вариативности, свойственной старофранцузскому языку.

Теоретическую базу нашего исследования составляют лингвистические и литературоведческие работы, посвящённые описанию имён прилагательных и имён существительных отвлечённой семантики [7; 11; 12; 14]. Если Ж. Маторе подчёркивает сложность определения единственного и точного значения абстрактного имени в старофранцузском тексте [14], то Л. И. Мохова [7], З. Гейликман [12] и К. Дишари [11] говорят об однозначности лексической единицы в контексте, соответственно, о присущей абстрактным именам полисемии на уровне языка и их однозначности в тексте. К противоположным выводам приходят лингвисты, проводившие подобные исследования на материале других древних языков. Так, в работах Ю. С. Степанова [9] и В. В. Колесова [6] показан синкретичный характер лексики древнерусско-

¹ Frantext [Электронный ресурс]. URL: <http://www.frantext.fr/> (дата обращения: 23.03.2023). Далее – Frantext.

го языка. Об этом же свидетельствуют и современные исследования [1; 4]. В работах Н. В. Феоктистовой [10] доказывается широкозначный характер абстрактной лексики древнеанглийского языка. М. Н. Жадейко, разграничивая внешний и внутренний синкретизм, уточняет, что древнеанглийскому языку был присущ первый тип синкретизма, характеризующийся синсемантизмом [5, с. 181].

Основным источником культурологических данных, столь необходимых для работы со средневековым текстом, стали труды, посвящённые своеобразию средневековой картины мира и её отражению в языке¹, а также работы по литературоведению и истории².

Семантические особенности прилагательного “debonnaire”

Старофранцузское прилагательное “debonnaire” входит в число слов, соотносящихся с социально значимыми понятиями, отражающими представления средневекового человека о его месте в обществе и в мире и обозначающих «сгустки культуры в сознании человека» [9, с. 40]. Основа значения подобных слов – категориальный признак, выражающий принадлежность носителя к определённому слою общества и, следовательно,

обладание набором качеств, свойственных этому социальному слою. Именно для этих слов особенную важность приобретает входящие в их структуру «со значения национального колорита, т. е. все принципиально возможные значения в символическо-смысловой функции языка ...» [6, с. 157]. Иными словами, лежащий в основе семантики прилагательного признак задаёт вектор семантической эволюции слова и обуславливает не только одновременное обладание совокупностью сопряжённых значений на уровне языка, но и возможность синкретичной актуализации нескольких значений в тексте. Например, такие старофранцузские прилагательные, как “cortois”, “franc”, “gentil” и проч., могут одновременно реализовывать значения «знатный» / «благородный» / «отважный». Синонимичное им прилагательное “debonnaire”, особенности семантической эволюции которого составляют предмет нашего исследования, обладает схожим спектром реализаций, но отличается той ролью, которую сыграло в его развитии наличие оценочного компонента в его семантической структуре.

В основе старофранцузского прилагательного “debonnaire” лежит словосочетание, включающее в себя предлог “de” (из), прилагательное “bon” (хороший, знатный) и существительное “aire” (1), восходящее к латинскому “area” («гумно», «двор»). Вероятно, в результате омонимической коллизии с существительным “aire” (2), происходящим от латинского “ager” («поле», «владение»), “aire” (1) получает в старофранцузском языке значение «род», «семья» [13, p. 76]. Словосочетание de bon aire («из благородного рода») постепенно клишируется и в результате стяжения образует качественное прилагательное “debonnaire” («знатный / высородный»).

Примечательно, что в текстах XII–XIII вв. наряду со слитным встречается раздельное написание “de bon / bone aire”, причём в эту формулу регулярно вклю-

¹ См.: Гуревич А. Я. Категории Средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 285 с.; П. М. Бицилли. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 244 с.

² Козн Г. История рыцарства во Франции. Этикет, турниры, поединки / пер. с фр. яз. В. Климанов. М.: Центрполиграф, 2010. 120 с.; Дюби Ж. Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе / пер. с фр. Ю. А. Гинзбург. М.: Языки русской культуры, 2000. 316 с.; Vallecalle J.-Cl. Aspects du héros dans « Aliscans » // Mourir aux Aliscans: « Aliscans » et la légende de Guillaume d'Orange. Études recueillies par Jean Dufournet. Paris: Honoré Champion, 1993. P. 177–195; Flori J. Chevalerie et liturgie. Remise des armes et vocabulaire « chevaleresque » dans les sources liturgiques du IXme au XIVme siècle (début) // Le Moyen Age. 1978. № 2. P. 247–279; Flori J. Chevalerie et liturgie. Remise des armes et vocabulaire « chevaleresque » dans les sources liturgiques du IXme au XIVme siècle (suite et fin) // Le Moyen Age. 1978. № 3–4. P. 409–443.

чаются другие качественные прилагательные, например, “put” («поганный»), “mal” («низкий», «плохой»), “fin” («наилучший»):

1). Ahi ! culvert, malvais hom de put aire¹ (О, подлый, негодяй из презренного рода!);

2). E ! gentilz hom, chevaler de bon aire³ (Эй, добрый человек, рыцарь из знатного рода!);

3). ... desloiaus vilains de put aire⁴... (... бесчестный простолюдин из презренного рода ...);

4). Telz a vestue l'aspre haire / Qui aspres est et de mal aire⁵ (Тот обрёл себя на тяжёлые страдания, / Кто жесток и низкорождён);

5). S'autrement le faisies, dont seriens nous contraire / A la geste Aymeri qui est de tres fin aire⁶. (Если иначе поступили бы, против нас имели бы / Семейю Эймери, который происходит из самого лучшего рода).

Следует ли из этого, что в XII–XIII вв. внутренняя форма прилагательного была понятна носителям языка, или раздельное написание – лишь дань традиции? Скорее всего, существительное “aire” в составе прилагательного осознавалось говорящим, на что указывает интеркаляция интенсификатора “tres” в примере 5), а также нижеследующий пример:

6). Devant ert frans et debonaire, / Or est cuivers et de put aire⁷. (Раньше был знатный и высокородный, / А сейчас подлый простолюдин из презренного рода).

Антитеза, образованная прилагательным “debonaire” и словосочетанием “de put aire”, свидетельствует в пользу ясности внутренней формы для реципиента. Кроме того, в текстах этого времени существительное “aire” встречается в независимом употреблении в разных значениях:

– значение «гнездо, насиженное место»: 7). Illues suelent aigle nigier, / Faire lur niz e tenir aire⁸. (Там обычно селятся орлы, / Вьют свои гнёзда и выводят потомство (досл.: насиживают место)).

– значение «путь»: 8). Car il est escript en l'Euvangile : “Et après il faisoit son aire par les cités et par les chastiaus preeschant le royaume de Dieu...”⁹ (Ибо написано в Евангелии: «После сего Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие ...» Евангелие от Луки, гл. 8, ст. 1. Синодальный перевод).

В последнем примере отметим употребление словосочетания “faisoit son aire”, которое дословно переводится: *шёл по невозделанному полю / вышел на жатву*. Эта квази – этимологическая метафора (смешение лат. “area” – «гумно» и лат. “ager” – «поле»), уподобляет невозделанному полю селения, в которых ещё не прозвучала проповедь Христа.

Вышесказанное позволяет с большой долей вероятности предположить, что прилагательное “debonaire” в старофранцузский период сохраняло внутреннюю форму, благодаря ощущающейся носителями языка этимологической связи с существительным “aire”, восходившим, в свою очередь, к латинским “area” («гумно» / «двор») и “ager” («поле» / «владение»).

Основные составляющие значения прилагательного “debonaire” в старофранцузских текстах

О значении самого прилагательного “debonaire” можно судить исходя из контекста его употреблений.

¹ La Chanson de Roland, 1125, FR, p. 74 // Frantext.

² Здесь и далее приводится авторский перевод старофранцузского текста – М. С.

³ La Chanson de Roland, 1125, FR, p. 168 // Frantext.

⁴ Roman de Renart. Branche 10, 1200, FR, p. 22 // Frantext.

⁵ Gautier de Coinci – Miracles de Notre-Dame, t. 1. Comment Theophilus vint a penitance – Livre premier, 1218, FR, p. 162 // Frantext.

⁶ Adenet le Roi – Buevon de Conmarchis, 1271, FR, p. 150 // Frantext.

⁷ Gautier de Coinci – Miracles de Notre-Dame, t. 1. Comment Theophilus vint a penitance – Livre premier, 1218, FR, p. 86 // Frantext.

⁸ Wace – Le Roman de Brut, 1155, FR, p. 497 // Frantext.

⁹ Jean de MEUNG – La vie et les Epistres, 1290, FR, p. 116 // Frantext.

Описываемая лексема регулярно вступает в отношение парной синонимии со старофранцузским прилагательным “franc” («знатный»), выступая тем самым в роли его абсолютного синонима.

9). Car franc vos voi et *debonaire*, / Et preuz me samblez et hardiz¹. (Ибо вижу, что вы знатный и *высокородный*, / И кажетесь мне отважным и смелым.)

Латинизированная форма “francus” дала в старофранцузском языке прилагательное “franc”, обозначававшее национальность («франк/француз») и, одновременно, «свободный, высокородный, отважный» – все те характеристики, которыми должен был обладать представитель франкского народа [13, p. 120].

Комплекс значений, подобный этому, в XII–XIII вв. имеет прилагательное “cortois” (от лат. “cohortem” – «задний двор» / «двор»), обозначающее: «принадлежащий ко двору» / «принадлежащий к королевскому двору» / «высокородный» / «благородный» / «отважный» / «учтивый» [8, с. 631]. Оно так же, как и “franc” используется в качестве парного синонима к прилагательному “debonnaire”:

10). ... si l’a mise / desor le palefroï norrois, / come *debonaire* et cortois². (... и усадил её / на норвежского скакуна, / Как добавляет *галантному* и учтивому человеку.)

Вероятно, именно “cortois” оказывает влияние на семантическое развитие изучаемого прилагательного, обогащая его более «светскими» оттенками, как в следующем примере, в котором описывается, как собеседник Говэйна грубо ответил рыцарю, совсем не так, как подобает учтивому человеку, обученному хорошим манерам:

11). ... et cil qui n’ert pas *debonaire* ...³ (... и тот, который не был галантен / *учтив* ...)

Употребление прилагательного в сочетании с существительным “cuer” («сердце», которое, напомним, в Средние века считалосьместилищем храбрости) позволяет заключить, что семантика прилагательного вмещала также значение «храбрый»:

12). Li varles au cuer *debonaire* / set del roulain canqu’il puet faire.⁴ (Юноша с *храбрым сердцем* / Знает, на что способен же-ребёнок.)

Это подтверждается использованием “debonaire” в качестве парного синонима к “preus” («отважный»):

13). “Frere, fait il, com estes et preus et *debonaire*! / En vous puet on bien prendre de tous biens exemplaire”⁵. («Брат, – говорит он, – как вы отважны и *храбры*! / Во всех добрых делах можно брать с Вас пример».)

Другое важное рыцарское качество – верность принесённой клятве, верность слову, надёжность обозначается прилагательным “debonaire” в следующих примерах:

14). Mesagier frere, ce li a dit Charlon, / Est Agoulanz *debonaires* ou non?⁶ (Гонец, друг, – сказал ему Карл, – / *Надёжен* ли Аголант или нет?)

15). quel qu’il soit, fel ou *debonaire*⁷ (Каким бы он ни был, предателем или *надёжным* человеком.)

Подобно прилагательным “biaus”, “gentil” (в значении, сопоставимым в русском языке с прилагательным «дорогой»), “debonnaire” регулярно используется в контексте обращения. Судя по всему, в этой функции его этимологическое значение ослабляется.

16). Or me di, frere *debonaire*, / ces armes, qui les te bailla ?⁸ (Так скажи мне, *дорогой* брат, / Это оружие, кто тебе его дал?)

⁴ Gautier d’Arras – Eracle, 1180, FR, p. 54 // Frantext.

⁵ Adenet le roi – Buevon de Conmarchis, 1271, FR, p. 150 // Frantext.

⁶ Anonyme – Aspremont: chanson de geste du XIIe siècle, FR, p. 94 // Frantext.

⁷ Anonyme – Le Roman de Thèbes: t. 1, 1150, FR, p. 60 // Frantext.

⁸ Chrétien de Troyes – Conte du Graal, 1181, FR, p. 366r // Frantext.

¹ Wauchier de Denain – Deuxième continuation de Perceval, Episode 20, 1210, FR, p. 212 // Frantext.

² Chrétien de Troyes – Perceval, 1181, FR, p. 386d // Frantext.

³ Chrétien de Troyes – Perceval, 1181, FR, p. 386f // Frantext.

Все перечисленные выше употребления “debonaire” ставят его в один ряд с другими прилагательными, описывающими положительные качества рыцаря: “preus”, “gentil”, “hardiz”, “frans”, “cortois”, – соотносясь с представлением об идеальном средневековом рыцаре. Однако прилагательное “debonaire” используется также для описания душевных качеств, соотносящихся с христианскими добродетелями. Судя по всему, именно это употребление прилагательного, став узальным, привело впоследствии к значительным изменениям в его семантике.

Так, например, Фенис рассуждает о том, может ли любовь принести страдания:

17). Comant ? Set donc Amors mal faire ? / Don n'est il dolz et *debonaire* ? / Je cuidoie que il n'eüst / En Amor rien qui boen ne fust, / Mes je l'ai mout felon trové¹. (Как? Неужели может Любовь причинять боль? / Разве она не мягкая и *добрая*? / Я полагала, что не могло бы быть / В Любви ничего, кроме доброго, / Но я поняла, что она очень жестокая.)

Здесь “debonaire” используется в качестве синонима к прилагательным “dolz” («мягкий») и “boen” («добрый»), а также в качестве антонима к прилагательному “felon” («жестокий», «предательский»).

В подкорпусе содержится большое количество примеров, в которых прилагательное “debonaire” выступает в роли эпитета, характеризующего Деву Марию, Христа или Бога- Отца.

18). ... Virge sacree, *debonnaire*, / Que porrai je dire ne faire?² (Дева святая, *добрая*, / Что смогу я сказать или сделать?).

19). La mere Dieu par est si tenre, / Si piteuse, si *debonnaire*³. (Божья Матерь так нежна, / Так жалостлива, так *добра*.)

20). Cis myracles bien noz esclaire / Que mout par est Diex *debonnaire*, / Misericors, piteuz et doz⁴. (Эти чудеса нам хорошо показывают, / Что Бог очень *добр*, / Милостив, жалостлив и мягок.)

21). ... Jhesu Crist qui dit: “Aprenes de moy, car je suis *debonnaire* et humble de cuer”⁵... ([в учении] Иисуса Христа, который сказал: «Научитесь от Меня, ибо Я *кроток* и смирен сердцем» Евангелие от Матфея, 11:29. Синодальный перевод)

Показательно, что в Вульгате процитированный стих из Евангелия от Матфея (11:29) содержит прилагательное “mitis” – «мягкий/кроткий»⁶, которому и соответствует в переводе старофранцузское прилагательное “debonnaire”.

Во всех этих примерах прилагательное реализует значения «добрый / смиренный / милостивый / кроткий», называя неотъемлемые характеристики Бога и Божьей Матери – всепрощающую любовь к людям и великое смирение. Возникает вопрос, каким образом лексема, входящая в лексико-семантическое поле, описывающее моральные качества рыцаря и принадлежащее феодальной культуре, становится эпитетом в описаниях Бога и Божьей Матери?

Факторы, повлиявшие на семантическую эволюцию прилагательного

Два фактора оказали влияние на семантическую эволюцию прилагательного. С одной стороны, представляется, что в основе подобного употребления прилагательного лежит характерное для средневековой культуры восприятие Бога как Высшего созерцателя. Кроме того, почитание Пресвятой Богородицы постепенно

⁴ Gautier de Coinci – Miracles de Notre-Dame, t. 4, 1218, FR, p. 291 // Frantext.

⁵ Jean de Meung – La vie et les Epistres, 1290, FR, p. 161 // Frantext.

⁶ «et discite a me, quia mitis sum, et humilis corde». См.: Mattheus 11 VULGATE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Mattheus%2011&version=VULGATE> (дата обращения 30.03.2023).

¹ Chrétien de Troyes – Cligès, 1176, FR, p. 56e // Frantext.

² Gautier de Coinci – Miracles de Notre-Dame, t. 4, 1218, FR, p. 248 // Frantext.

³ Gautier de Coinci – Miracles de Notre-Dame, t. 4, 1218, FR, p. 256 // Frantext.

отождествляется с культом Прекрасной Дамы, отражаясь в языковом клише: “*roïne glorieuse*” («Славная Царица / Царица, стяжавшая славу на небесах») или же в эпитетах “*franche*” («высокородная») и “*cortoise*” («высокородная», «благородная»), часто использовавшихся, как мы видели, в феодальном контексте для описания рыцарских добродетелей.

Подобное употребление прилагательного в значении «добрый», но не по отношению к Богу или Божьей Матери, содержится в тексте поэмы середины XIII в. и свидетельствует о расширении коллокации прилагательного:

22). Dame, or aiez del lion remembrance / Qi aus felons est fels e otrageus / Et aus humels *de bon aire* e piteus¹. (Госпожа, так вспомните обо льве, / Который к жестоким – жесток и надменен, / А к кротким – *добр* и жалостлив.)

С другой стороны, этимологически прилагательное восходит к словосочетанию “*de bon aire*”, включающему собственно оценочное (аксиологическое) прилагательное “*bon*” («хороший») [3, с. 29]. Судя по всему, именно это обстоятельство обусловило семантический сдвиг в лексическом значении “*debonnaire*” от «высокородного / знатного / благородного» к «доброму / милостивому / смиренному». Показательно, что в словаре XVII в.² Фуретьер возводит “*debonnaire*” к латинскому этиму “*de bonus / de bonarius*”, что, безусловно, свидетельствует о стирании внутренней формы и, косвенно, – о ведущей роли оценочного компонента, который задал вектор развития значению.

Л. Эликс высказывает предположение об изменении значения прилагательного “*debonnaire*” в результате омонимической коллизии с существительным “*air*” («внешний вид / образ / поведение»). По

мнению исследовательницы, синтагма “*de bon air*” – «доброго вида», «доброго образа, поведения» смешивается с синтагмой “*de bon aire*” [13, р. 76]. Однако это утверждение вызывает сомнение по двум причинам. Во-первых, в старофранцузском языке конечное “*e*” произносилось, выполняя смысловоразличительную функцию. Во-вторых, по данным «Исторического словаря французского языка»³ существительное “*air*” в значении «внешний вид / образ / поведение» появляется во французском языке лишь в 1580 г. в «Опытах» М. де Монтеня. До XVI в. слово использовалось исключительно в значении «воздух/ветер»⁴.

Эволюция значения прилагательного “*debonnaire*” оказывает влияние на значение регулярно использовавшегося в паре с ним прилагательного “*gentil*” (от “*gentilem*” – «принадлежащий к роду» – «принадлежащий к знатному роду», «высокородный», «благородный»).

23). Fet la gentils, la *debonere*⁵... (Говорит высокородная, *благородная* [дама]...)

Представляется, что прилагательное “*gentil*” под воздействием “*debonnaire*”, использовавшегося в качестве его парного синонима, начинает обозначает мягкость характера, доброту. Именно это значение остаётся основным для обоих прилагательных в современном французском языке.

Заключение

Анализ функционирования старофранцузского прилагательного “*debonnaire*” выявил ряд особенностей, присущих подобным социально значимым

¹ Anonyme – Chansonier de Zagreb, 1225, FR, p. 139r. // Frantext.

² См.: *debonnaire* [Электронный ресурс] // Dico en ligne Le Robert : [сайт]. URL: <https://dictionnaire.le-robert.com/definition/debonnaire#furetiere> (дата обращения: 29.03.2023).

³ См.: *Air* // Dictionnaire historique de la langue française / sous la direction de Alain Rey. Paris: Dictionnaires Le Robert, 1993. P. 39.

⁴ См.: *Air* // Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle / sous la direction de F. Godefroy. Complément. Paris: Librairie Emile Bouillon, 1898. P. 61-62 [Электронный ресурс]. URL: <http://micmap.org/dicfro/search/complement-godefroy/air> (дата обращения: 08.05.2023).

⁵ Renart Jean – Roman de la Rose ou Guillaume de Dole, 1228, FR, p. 146 // Frantext.

лексемам вообще и описываемому прилагательному в частности.

Прилагательное “debonaire” регулярно используется в старофранцузских текстах в качестве парного синонима к прилагательным “cortais”, “franc”, “gentil”, “preus”, “hardiz”, реализующих значения: «принадлежащий ко двору» / «принадлежащий к королевскому двору» / «высокородный» / «благородный» / «отважный» / «учтивый», которые составляют основные характеристики рыцаря.

Благодаря синкретизму, то есть наличию целого комплекса недифференцированных значений и способностью одновременно реализовывать их в тексте, вышеперечисленные прилагательные оказывают друг на друга влияние, расширяя контекст употребления каждого из них и, следовательно, спектр возможных значений.

В этом ракурсе показательны употребление прилагательного “debonnaire”, служащего для передачи значений «из хо-

рошего рода» – «высокородный» – «благородный» – «добрый/милостивый» – «смиранный/кроткий», использующихся в контекстах описания рыцарских (воинских) и христианских добродетелей. При реализации в религиозном контексте “debonnaire” образует парную синонимию с прилагательными “dolz” («мягкий») и “boen” («добрый»). Показательно, что именно это прилагательное становится эпитетом, сопровождающим имя Людовика I Благочестивого (Louis Ier, dit le Pieux ou Débonnaire), правившего франками на рубеже VIII–IX вв. и известного своей религиозностью.

Именно оценочный, аксиологический, компонент значения прилагательного “debonnaire” оказал основное влияние на семантическую эволюцию слова, а не омонимическая коллизия со словосочетанием “de bon air”.

Дата поступления в редакцию 16.05.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. В. Семантический синкретизм древнерусского термина мечникъ // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XIII международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области (Владимир, 24–26 сентября 2019 г.) / под ред. Т. Е. Шаповаловой и Д. Г. Демидова. Владимир: Транзит-ИКС, 2019. С. 29–32.
2. Белогривцева Н. И. Эстетическая оценка как фрагмент лингвокультурной картины мира (на материале лексики английского, французского, испанского языков XII–XV вв.): дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2019. 185 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Дмитриева Е. Г. Семантический синкретизм в значениях эмотивных лексем: диахронический аспект // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XIII международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области (Владимир, 24–26 сентября 2019 г.) / под ред. Т. Е. Шаповаловой и Д. Г. Демидова. Владимир: Транзит-ИКС, 2019. С. 133–137.
5. Жадейко М. Н. Синкретизм и полисемия соматизмов в антропологическом аспекте // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: материалы VI международной научной конференции (Тольятти, 11–12 октября 2018 г.) / под ред. Ю. И. Горбунова. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2018. С. 177–183.
6. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова. СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
7. Мохова Л. И. Полисемия и синонимия старофранцузской абстрактной лексики (существительные социально-этической семантики): дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1988. 174 с.
8. Соловьева М. В., Никитина Е. Я., Тимофеева Е. О. К вопросу о широкозначности / многозначности / синкретизме старофранцузской лексики: особенности функционирования прилагательного cortais // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. № 3. С. 621–636. DOI: 10.21638/spbu09.2021.312.

9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
10. Феоктистова Н. В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 188 с.
11. Dicharry K. Réflexions sur la debonnaireté dans l'editio princeps de Lancelot du Lac // *Questes. Revue pluridisciplinaire d'études médiévales*. 2021. No. 42. P. 67–79. DOI: 10.4000/questes.5692.
12. Geylikman Z. 'Baron' et 'chevalier' en français médiéval. Une étude sémantique de noms d'humains dans la société féodale. Paris: Honoré Champion, 2022. 282 p.
13. Hélix L. L'épreuve de vocabulaire d'ancien français. Fiches de sémantique. Paris: Édition du Temps, 1999. 224 p.
14. Matoré G. Le vocabulaire et la société médiévale. Paris: PUF, 1985. 336 p.

REFERENCES

1. Alekseyev A. V. [Semantic syncretism of the Old Russian term мечѣникъ (mechnik)]. In : *Yazykovyye kategorii i yedinitysy: sintagmaticheskiy aspekt: materialy XIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Vladimir, 24–26 sentyabrya 2019 g.) [Language categories and units: syntagmatic aspect: materials of the XIII international scientific conference (Vladimir, September 24–26, 2019)]. Vladimir, Tranzit-IKS Publ., 2019, pp. 29–32.
2. Belogrivtseva N. I. *Esteticheskaya otsenka kak fragment lingvokul'turnoy kartiny mira (na materiale leksiki angliyskogo, frantsuzskogo, ispanskogo yazykov XII–XV vv.): diss. ... kand. filol. nauk* [Aesthetic assessment as a fragment of the linguocultural picture of the world (based on the vocabulary of English, French, Spanish languages of the 12th–15th centuries): PhD thesis in Philological Sciences]. Saratov, 2019. 185 p.
3. Wolf Ye. M. *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of assessment]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 228 p.
4. Dmitriyeva E. G. [Semantic syncretism in the meanings of emotive lexemes: diachronic aspect]. In: *Yazykovyye kategorii i yedinitysy: sintagmaticheskiy aspekt: materialy XIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Vladimir, 24–26 sentyabrya 2019 g.) [Language categories and units: syntagmatic aspect: materials of the XIII international scientific conference (Vladimir, September 24–26, 2019)]. Vladimir, Tranzit-IKS Publ., 2019, pp. 133–137.
5. Zhadeiko M. N. [Syncretism and polysemy of somatisms in the anthropolinguistic aspect]. In: *Aktual'nyye problemy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki i optimizatsiya prepodavaniya inostrannykh yazykov: materialy VI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Tol'yatti, 11–12 oktyabrya 2018 g.) [Current problems of theoretical and applied linguistics and optimization of teaching foreign languages: materials of the VI international scientific conference (Togliatti, October 11–12, 2018)]. Togliatti, Togliatty State University Publ., 2018, pp. 177–183.
6. Kolesov V. V. *Zhizn proiskhodit ot slova* [Life comes from the word]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 368 p.
7. Mokhova L. I. *Polisemiya i sinonimiya starofrantsuzskoy abstraktnoy leksiki (sushchestvitel'nyye sotsial'no-eticheskoy semantiki): diss. ... kand. filol. nauk* [Polysemy and synonymy of Old French abstract vocabulary (nouns of social and ethical semantics): PhD thesis in Philological Sciences]. Leningrad, 1988. 174 p.
8. Solovieva M. V., Nikitina E. Ya., Timofeyeva E. O. [Revisiting polysemy/eurysemy/syncretism of Old French vocabulary: specifics of the functioning of the adjective corteis]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2021, vol. 18, no. 3, pp. 621–636. DOI: 10.21638/spbu09.2021.312.
9. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1997. 824 p.
10. Feoktistova N. V. *Formirovaniye semanticheskoy struktury otvlechenogo imeni (na materiale drevneangliyskogo yazyka)* [Formation of the semantic structure of an abstract name (based on the material of the Old English language). Leningrad, Leningrad Iniversity Publ., 1984. 188 p.
11. Dicharry K. Réflexions sur la debonnaireté dans l'editio princeps de Lancelot du Lac. In: *Questes. Revue pluridisciplinaire d'études médiévales*, 2021, no. 42, pp. 67–79. DOI: 10.4000/questes.5692.

12. Geylikman Z. 'Baron' et 'chevalier' en français médiéval. Une étude sémantique de noms d'humains dans la société féodale. Paris, Honoré Champion, 2022. 282 p.
13. Hélix L. L'épreuve de vocabulaire d'ancien français. Fiches de sémantique. Paris, Édition du Temps, 1999. 224 p.
14. Matoré G. Le vocabulaire et la société médiévale. Paris, PUF, 1985. 336 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьева Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: m.solovieva@spbu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria V. Solovieva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Romance Philology; Saint-Petersburg State University;
e-mail: m.solovieva@spbu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соловьева М. В. Особенности функционирования и семантической эволюции старофранцузского прилагательного “debonnaire” // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 123–132.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-123-132

FOR CITATION

Solovieva M. V. Specific features of functioning and semantic evolution of old french adjective “debonnaire”. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 123–132.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-123-132

НАШИ ИЗВЕСТНЫЕ УЧЁНЫЕ: ЛИНГВИСТЫ, ПЕДАГОГИ, НАСТАВНИКИ

ЧАЛКОВА ЕЛИЗАВЕТА ГРИГОРЬЕВНА (1950-2016)

Гори, гори твоя звезда!

ELIZAVETA GRIGORYEVNA CHALKOVA (1950-2016)

Burn, burn your star!

Сегодня в соответствии с тематикой проводимых Государственным университетом просвещения мероприятий в рамках объявленного президентом РФ Года педагога и наставника мне хочется вспомнить Елизавету Григорьевну Чалкову. Уже 7 лет с нами нет этой удивительной женщины, нестандартной яркой личности, неординарного учёного, кандидата психологических наук и доктора филологических наук, при жизни являвшейся руководителем лаборатории психолингвистики и теории языка МГОУ, членом двух диссертационных советов (МГОУ и Военного университета МО), академиком Международной педагогической академии, профессором кафедры теории языка и англистики.

Отмечу, что, как и большинство учёных того времени, прежде чем получить все перечисленные мною регалии, Елизавета Григорьевна прошла сложный путь формирования себя и как учёного, и как педагога, и как личности.

Вот только несколько фактов из биографии моего наставника.

Будучи ребёнком, Елизавета Григорьевна принимала активное участие в различных конкурсах и олимпиадах, причём по разным предметам, и прак-

тически всегда их выигрывала. Окончив симферопольскую школу с золотой медалью, она вместе с отцом уезжает «завоевывать» Москву, чтобы развивать свои неординарные способности, которые, с её точки зрения, на тот момент можно было реализовать только в столице, а мой наставник всегда ставила перед собой исключительно амбициозные цели. Елизавета Григорьевна всегда стремилась быть нужной людям, поэтому и выбрала профессию педагога, поступив в 1968 г. на романо-германский факультет в МОПИ им. Н. К. Крупской, который позже, вполне ожидаемо, окончила с красным дипломом.

С 1973 г. Елизавета Григорьевна начинает трудиться над разработкой своего ускоренного/интенсивного метода обучения английскому языку, который в те годы в СССР широко практически не применялся, и именно этот метод – «Интенсивное обучения английскому языку за 20 дней» – позже поможет ей сформировать теоретическую часть своей первой диссертации.

В 1976 г. Елизавета Григорьевна выходит замуж за известного учёного-психолога, который заметно повлиял на вектор развития её научных интере-

сов, повернув его в сторону психологии, а позже – психолингвистики, и в 1985 г. мой наставник успешно защищает свою кандидатскую диссертацию по психологии на тему «Личностно-ориентированное общение как психологическая основа эффективности довузовской подготовки учителя иностранного языка».

Кандидатская степень для Елизаветы Григорьевны станет лишь стартом для развития её высокого научного и педагогического потенциала. С начала 90-х гг. прошлого века её приглашают преподавать в несколько известных высших учебных заведений мира, где она не только успешно работает, но и собирает обширный материал для будущей докторской диссертации, которую успешно защитит в 1999 г., находясь к тому времени в штате нашего университета уже несколько лет. Тема докторской диссертации: «Основы иноязычной личностно-ориентированной фразеосемантики». В дальнейшем именно в этом научном поле Елизавета Григорьевна будет работать со своими воспитанниками, предоставив каждому из них возможность пройти свой путь в науке. Они сформировали и проанализировали большое количество фразеосемантических микрополей общего макрополя *'personality behavior'* («поведение личности»), опираясь на предложенные ею в докторской диссертации, теоретические суждения, понятия и определения в рамках исследований по иноязычной личностно-ориентированной фразеосемантике.

Сформированные моим наставником фразеосемантические микрополя и группы, ставшие основой для тем работ её будущих диссертантов, раскрывались каждым из них по-разному, но обязательно посредством проведения анализа всех основных структур и подструктур личности, реализуемых в её вербальном поведении через использование самой личностью или создавшим её автором фразеологических единиц (например, диссертационное исследование Лапки-

ной Т. О. «Фразеосемантическое поле акцентуаций личности в английском языке»).

Яркие и образные фразеологические единицы (ФЕ), используемые при характеристике любой личности, всегда становятся семантическими центрами текстов/высказываний и вербально высвечивают акцентуации её поведения. Мой наставник была убеждена, что «изучение и знание ФЕ личностно-ориентированного общения необходимо было обучающимся для формирования у них успешной языковой и коммуникативной компетенций, а также умения адекватно характеризовать и правильно анализировать основные аспекты поведения и поступков личности, в том числе и на иностранном языке, при овладении обучающимися аутентичной и образной иноязычной речью, а также при развитии у них навыков продуцирования более экспрессивной речи и на родном языке».

Елизавета Григорьевна всегда придерживалась мнения, что «исследование семантической структуры ФЕ, используемых в личностно-ориентированном общении, детерминировано, прежде всего, необходимостью предоставления обучающемуся, в том числе и изучающему иностранный язык, не только полной, но обязательно систематизированной информации, которая бы могла создать у такого обучающегося определённую систему ориентиров для осуществления им успешной коммуникации в разнообразных ситуациях общения».

Мой наставник много читала не только специальную научную литературу, но и классическую, в том числе и аутентичную литературу, поэтому практически все акцентуации личности в их вербальном проявлении изучались её аспирантами путём проведения анализа поведения героев хотя и современной, но ставшей уже классической литературы.

Елизавета Григорьевна 43 года жизни отдала нашему университету и была его патриотом до последнего дня. Учёный

воспитала (именно воспитала, а не просто была научным руководителем) более 30 кандидатов и двух докторов наук. Е. Г. Чалкова – автор более 120 научных работ: статей, монографий, учебников и учебных пособий; на её труды ссылаются в различных научных публикациях. В течение всей жизни учёный-практик постоянно экспериментировала как в научной, так и в педагогической деятельности. У Елизаветы Григорьевны много учеников и последователей в науке, к которым с большой честью отношу и себя.

Л. Фейхтвангеру принадлежит высказывание, которое в немного вольном переводе звучит так: «талантливый человек талантлив во всём», и это выражение очень точно характеризует моего наставника. Одарённый педагог, увлечённая многим сама и умеющая увлечь, «зажечь» других, эрудированный человек, она была абсолютно уверена, что рассмотрение объекта в диссертации в аспекте нескольких наук – это реалии зарубежной и будущее нашей отечественной науки, и часто спорила со своими, даже более известными коллегами, убеждая их ориентироваться на поощрение защиты именно таких диссертаций, потому что в них точно есть требуемая в науке новизна и действительно практическая значимость.

Думаю, что именно её особенностью в педагогической и научной деятельности было желание взрастить из обычного ученика – одарённого, из заурядного аспиранта – успешного учёного, поэтому и «зажигала» она, и увлекала всех как-то особенно, по-чалковски, учила не бояться мыслить по-другому.

Чем дальше её уход от нас, тем чаще я пересматриваю и анализирую те годы, что были у меня «с ней». В чём-то не всегда я разделяла её научные и жизненные позиции, а в чём-то не до конца оценила её, но я старалась и стараюсь пропагандировать важность и значение её любимой психолингвистики и близких к ней отраслей наук. В новом русле развития этих наук отстаивать право на их место в качестве обязательных дисциплин для изучения в стенах учебных заведений страны, прежде всего лингвистических факультетов, включая и наш вуз, поскольку не представляю себе успешного педагога, лектора, лидера без элементарных знаний из психолингвистики, без желания овладеть её методами и пользоваться её подсказками, даже если у кого-то и есть способности от природы или приобретённый в этом направлении опыт. Психолингвистика и её новые научные векторы исследования должны быть!

*Мазирка Ирина Олеговна,
доктор филологических наук, профессор
(Государственный университет просвещения)*

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ МАРЧУК – УЧЁНЫЙ-ПРАКТИК И ПЕДАГОГ (1932–2018)

YURY NIKOLAEVICH MARCHUK – SCIENTIFIC PRACTITIONER AND EDUCATOR (1932–2018)

О Юрии Николаевиче Марчуке можно снимать фильм. Его биография и биография его семьи – яркий пример жизни людей, выросших и воспитанных в советское время. Он родился 5 ноября 1932 г. в г. Тюкалинске Омской области в семье врачей. Отец был родом из крестьян, а мать – из дворянства. Отец, Николай Петрович, с 1941 г. прошёл всю войну, спасая жизни раненных солдат, мать, Александра Павловна, работала хирургом в госпитале Омска. В семье было ещё двое детей: дочь, которая пошла по стопам родителей и стала врачом, и сын Алексей – в будущем легендарный прораб Братской ГЭС, доктор технических наук. Нельзя не вспомнить и ещё об одном представителе этой могучей сибирской семьи – Гурии Ивановиче Марчуке, двоюродном брате Юрия Николаевича, докторе физико-математических наук, председателе Государственного комитета по науке и технике (1980–1986), президенте Академии наук СССР (1986–1991). Все они также были и преподавателями в различных вузах страны (МЭИ, МГСУ, МГУ и др.). В год педагога и наставника особо хотелось бы подчеркнуть роль семьи в формировании будущих учёных, организаторов отечественной науки.

Юрий Николаевич закончил апрелевскую среднюю школу, так как отца перевели в подмосковное Алабино, в 1955 г. с отличием окончил переводческий факультет Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков (ныне

МГЛУ), в 1960 г. – Всесоюзный заочный энергетический институт, электроэнергетический факультет. Соединение профессиональной подготовки в области перевода и вычислительной техники, а также выполнение задач, стоявших тогда перед нашей страной в сфере информационных технологий, привели Юрия Николаевича сначала к разработке систем машинного перевода в закрытых профильных учреждениях (на 60-е годы как раз приходится первый этап развития СМП), а потом к созданию Отдела машинного перевода во Всесоюзном центре переводов ГКНТ и АН СССР, руководителем которого он был. Можно сказать, что междисциплинарный подход в решении актуальных народнохозяйственных задач был уже и тогда. В это время формировались такие научные направления, как вычислительная лингвистика, математическая лингвистика и др.

Длительное время Ю. Н. Марчук был директором Всесоюзного (затем Всероссийского) центра переводов, где были разработаны и доведены до эксплуатации в промышленном режиме системы МП АМПАР (Автоматический машинный перевод с английского языка на русский), НЕРПА (Немецко-русский перевод автоматический), велась работа над системами французско-русского машинного перевода (ФРАП) и русско-английского перевода (АСПЕРА).

Как и многие, Юрий Николаевич сочетал организаторскую деятельность с научной и преподавательской.

В 1980 г. он защитил докторскую диссертацию «Лингвистические основания системы машинного перевода (МП) по переводным соответствиям» в МГУ. Принцип переводных соответствий лежал в основе разрабатываемых в ВЦП систем МП с английского и немецкого языков на русский, правильность которого подтвердилась уже в современных системах МП при колоссально возросших технических возможностях обработки огромных массивов текстов.

В последние годы своей жизни Юрий Николаевич неоднократно подчёркивал, что машинный перевод является центральной проблемой искусственного интеллекта и действующей моделью, на которой исследователь может проверить свои гипотезы на всех уровнях языковой системы. Это также находит своё подтверждение в современных системах ИИ, столь бурно развивающихся в последние годы.

Юрия Николаевича, прежде всего, интересовали лексикология, лексикография, терминоведение и машинный перевод, причём все эти разделы скорее в прикладном, чем в чисто теоретическом аспекте. Одной из сложнейших задач МП является разрешение лексической многозначности, решению которой посвящены многие его научные работы, имевшие практическое продолжение в разрабатываемых в ВЦП системах МП.

Ю. Н. Марчук и возглавляемый им отдел ВЦП много занимались составлением словаря-конкорданса на заданном массиве текстов, что, с одной стороны, было важно для создания алгоритмов анализа текстов на исходном языке в СМП, а с другой – вписывалось в контекст корпусной лингвистики, которая также зарождалась в то время.

На рубеже веков в связи с бурным развитием новых направлений в науке и технике возникла необходимость в описании и систематизации терминологии новых областей знания. В нашей стране сформировалась представительная школа тер-

минологов (Л. И. Борисова, С. В. Гринев-Гриневиц, В. М. Лейчик, В. А. Татаринцов, И. И. Убин и другие). У Юрия Николаевича много работ и в данной области, некоторые из них переведены на иностранные языки. И опять-таки теоретические положения нашли отражение при создании многоязычных терминологических словарей. Можно упомянуть «Русско-английско-испанско-французско-китайский словарь географических терминов» (2005 г.), «Англо-французско-немецко-испанско-кхмерско-русский исторический словарь» (2015 г.).

Юрий Николаевич любил преподавательскую работу: он читал лекции в МГУ им. М. В. Ломоносова, в МГПИИЯ им. М. Тореца – МГЛУ, в МГОУ; в разное время преподавал такие дисциплины, как вычислительная лингвистика, машинный перевод, автоматический анализ и синтез текстовой информации, терминоведение, лексикология, лексикография, компьютерная лингвистика, основы прикладной лингвистики. Его неоднократно приглашали читать лекции в различных странах мира: в Америке, Лаосе, Камбодже, Северной Корее, Кувейте, Китае, Франции и др., чему, конечно, способствовало и свободное владение английским и французским языками. Одновременно с чтением лекций велась и работа над различными проектами в области лексикографии и машинного перевода, осуществлялось руководство аспирантами из Ирака, Камбоджи и других стран.

Еще одна сфера деятельности Ю. Н. Марчука, которую он очень любил и ценил, – реферативная деятельность в Институте научной информации по общественным наукам по написанию обзоров научных публикаций по лингвистике для Реферативного журнала ИНИОН. Это было актуально для научной общест-венности в силу ограниченного доступа в те годы к зарубежным научным публикациям.

Сибирская закалка помогала Юрию Николаевичу совмещать все эти раз-

нообразные виды деятельности с руководством кафедрой теоретической и прикладной лингвистики нашего университета, в составе которой были те, кто работал и с системами машинного перевода в ВЦП, тогда молодые научные сотрудники, а сейчас – доктора наук, профессора Ирина Ивановна Валуйцева и Ольга Ивановна Максименко.

Научная и организационная деятельность Ю. Н. Марчука отмечена многочисленными государственными и общественными наградами. И в год педагога и наставника хотелось бы ещё раз вспомнить его разностороннюю личность и обратить внимание на стремление к знаниям молодых людей из небольших сибирских городов, которые многого достигли в своей жизни.

*Валуйцева Ирина Ивановна, доктор
филологических наук, профессор
(Государственный университет просвещения)*

ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ КЛЫЧКОВ (1932-1987)**GEORGY SERGEEVICH KLYCHKOV (1932-1987)**

Я познакомилась с Георгием Сергеевичем в 1977 г., когда он возглавил кафедру английской филологии МОПИ (Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской).

Это было время, когда вся наша личная жизнь была под микроскопом начальства. Не избежал этого микроскопа и известный лингвист Георгий Сергеевич, переходивший из военного института переводчиков в наш институт: его вызвал ректор и долго расспрашивал о причинах его развода.

Даже при самом коротком общении с Георгием Сергеевичем становилось ясно, что перед вами человек неординарный, особенный. А при более близком общении – что это человек широчайшей научной, и не только лингвистической, эрудиции. Он буквально фонтанировал научными идеями, нисколько не скупясь, одаривая ими всех желающих. Это был удивительно талантливый, умный человек, абсолютно бесхитростный и беззащитный перед ловкачеством, хитростью, низостью. Доктор филологических наук в 35 лет, Георгий Сергеевич – лингвист-индоевропеист, особенно много сделал в области фонологии. Он обладал многочисленными талантами, в том числе неплохо рисовал, лепил бюсты.

Удивительно, но когда он только начал читать лекции студентам, от них посыпались жалобы в деканат: Георгий Сергеевич делился с ними своими знаниями, идеями, приглашая их думать, анализировать. Студенты же привыкли записывать лекцию как диктант, а новый лектор не пытался подстроиться под их уровень восприятия. Со временем и студенты приняли манеру чтения лекций профессора Клычкова, и он сам несколько пере-

строился. Георгия Сергеевича полюбили, стали уважать и гордиться им.

Возглавив кафедру, Георгий Сергеевич попытался вдохнуть жизнь в её работу. Он начал с того, что предложил на каждом заседании кафедры заслушивать научный доклад одного из преподавателей. Конечно, никому не хотелось этого делать. А вдруг опозоришься. Меня выбрали козлом отпущения. Я тогда только что защитила кандидатскую диссертацию, посвящённую развитию временных союзов в английском языке. Подготовила доклад, выступила. Георгий Сергеевич задал вопрос: «Вы рассматриваете градуальные оппозиции, а почему вы не обратили внимание на эквиполентные оппозиции?». Когда я ответила: «Действительно, надо бы. Обязательно рассмотрю», Георгий Сергеевич заулыбался и смягчился. Очевидно, он опасался худшего. Опасался, что кафедра совсем слабая и квалификация её членов очень низкая.

Благодаря этому выступлению Георгий Сергеевич разглядел во мне какой-то научный потенциал и предложил мне начинать работать над докторской. Я тогда и не помышляла об этом. Приходила к нему домой консультироваться. Георгий Сергеевич много и очень интересно мне что-то толковывал. Сидя в удобном кресле и попивая чай, предложенный его замечательной женой Натальей Владимировной, мне казалось, что я всё понимаю и докторская просто у меня на ладони. Затем я выходила на улицу и осознавала, что я бездарь и ничего и не понимаю, и не помню.

Свою тему я со временем нащупала сама и работала над ней с настоящим увлечением и удовольствием.

Однажды при мне у Георгия Сергеевича зазвонил телефон, и я поняла из

разговора, что ему предстоит операция. Звонивший сообщил, что оперировать будет профессор, а Клычков сказал: «Ну, что профессор, я сам профессор... Скорее всего, оперирует раз в месяц. Лучше просто грамотный хирург, который режет каждый день».

Геorgию Сергеевичу удалось значительно поднять уровень издававшихся кафедрой сборников научных трудов. Сам он вырастил многих кандидатов и докторов наук.

Благодаря усилиям Георгия Сергеевича мы смогли увидеть и услышать у нас на кафедре выступления ряда выдающихся лингвистов, в том числе Владимира Петровича Нерознака (1939–2015). Клычков привлёк к работе в институте таких учёных, как: лингвист и педагог Нелюбин Лев Львович (1927–2014); основоположник отечественной школы перевода и преподавания перевода Миньяр-Белоручев Рюрик Константинович. Мне почему-то особенно запомнился рассказ Владимира Петровича Нерознака о конференции в Греции, с которой он тогда только что вернулся, и его слова о том, как, прибыв на вокзал в Афинах, он к своему удивлению услышал лингвистический термин «метафора», который звучал отовсюду. Оказалось, что первое значение этого слова – носильщик.

Геorgий Сергеевич был, как правило, внимателен и тактичен со всеми. Если случалось ему проявить жёсткость или вспылить – переживал, извинялся. Однажды, намереваясь похвалить Лидию Константиновну Голубеву, он назвал её «хорошим, надёжным парнем». Она очень обиделась, а Клычков просто не знал, как загладить свою вину.

Геorgий Сергеевич, сын поэта-деревенщика Клычкова Сергея Антоновича (1889–1937), которого Сергей Есенин на-

зывал «прекрасным, истинно народным поэтом» и которому посвящал некоторые свои знаменитые стихи, однажды организовал для коллег поездку на родину своего отца.

И вот мы, несколько преподавателей и аспирантов кафедры, в небольшом автобусе отправилось в путь. Мы наслаждались общением с Георгием Сергеевичем и ехавшим с нами основоположником отечественной этнолингвистики, академиком Никитой Ильичом Толстым, правнуком Льва Николаевича, умным, образованным, много видевшим и знающим учёным-лингвистом.

Дело было зимой, было страшно холодно, мы промёрзли. Геorgий Сергеевич и Никита Ильич остановили автобус у сельского магазинчика, принесли несколько бутылок водки и заставили каждого выпить, чтобы не заболели. Помню фигуру интеллигентнейшего Н. И. Толстого с бородой как у великого предка и бутылками водки в авоське.

Оборвалась жизнь Георгия Сергеевича довольно рано, ему было всего пятьдесят пять лет. Он и его аспирант, Васильев Виталий, летели в Одессу на защиту какой-то диссертации. Неожиданно Геorgию Сергеевичу стало плохо: сердечный приступ. В одесском аэропорту он скончался.

Прошло тридцать шесть лет, как не стало Георгия Сергеевича, память о нём жива, прежде всего в его сыновьях, внуках, жене и в нас, его коллегах, в выращенных им учёных, некоторые из которых стали по-настоящему известны, например, Савицкий Владимир Михайлович, Карасик Владимир Ильич.

Геorgий Сергеевич не демонстрировал наигранный демократизм, не изображал великого учёного, был всегда очень естественным и даже непосредственным, чутким, совестливым, настоящим.

*Ощепкова Виктория Владимировна,
доктор филологических наук, профессор*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 72.2.020.05 В 2023 Г.

SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE DISSERTATION COUNCIL 72.2.020.05 IN 2023

По решению Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России в связи с укрупнением научных специальностей в 2022 г. все диссертационные советы страны прошли перерегистрацию. Докторский диссертационный совет Д 212.155.04, который проработал на лингвистическом факультете более 26 лет, где проходили защиты сначала по трём востребованным лингвистическим специальностям: 10.02.19 – теория языка, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – прикладная и математическая лингвистика, а затем по двум – 10.02.19 и 10.02.20, также прошёл эту процедуру. После успешной перерегистрации совет получил номер 72.2.020.05 и продолжил работу по объединённой специальности 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Основным состав членов совета удалось сохранить.

С июля 2023 г. в совете было защищено 10 кандидатских диссертаций. Защищались аспиранты и соискатели Государственного университета просвещения, четыре диссертации были представлены внешними соискателями: одну работу представил аспирант Бурятского государственного университета из Китая Ван Чжицян (научный руководитель д.ф.н. П. П. Дашинамаева), соискатель из

Дагестанского государственного педагогического университета Дж. Ю. Юсуфова (научный руководитель д.ф.н. В. М. Загиров), соискатель из Государственного гуманитарно-технологического университета В. В. Ларина (научный руководитель д.ф.н. Л. М. Шатилова), соискатель из Московского городского педагогического университета А. В. Шаталова (научный руководитель д.ф.н. Е. В. Бирюкова).

Профессора кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения д.ф.н. И. И. Валуйцева и д.ф.н. Г. Т. Хухуни подготовили по два и три аспиранта соответственно (Д. А. Ерастова и О. С. Филичева; О. А. Гнатюк, М. М. Рокотьянская и М. А. Сахапова). Научным руководителем А. Н. Цепелевой выступила д.ф.н., профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Н. Г. Елифанцева.

Тематика защищённых работ представляла собой широкий спектр актуальных проблем в рамках объединённой специальности. Разным аспектами психолингвистики были посвящены работы Д. А. Ерастовой «Освоение идиоматики родного языка в онтогенезе», где было выявлено, что способность современных детей и подростков правильно воспринимать фразеологизмы и интерпретировать их значения не в полной мере

реализуется в речевой практике. В работе О. А. Гнатюк «Психолингвистические и социолингвистические аспекты интерференции (на материале русско-испанского двуязычия)» рассмотрены проблемы интерференции при русско-испанском двуязычии на примере категорий рода и числа имён существительных. Проблемы сравнительно-сопоставительной лингвистики отражены в работе Дж. Ю. Юсуфовой «Лексическая синонимия в разносистемных языках: табасаранском, русском и английском», где на системном уровне в сравнительно-сопоставительном аспекте анализируется синонимическая лексика табасаранского языка, одного из северо-восточных языков лезгинской группы, считающегося одним из самых сложных в мире. Вопросам лингвокогнитивистики были посвящены работы В. В. Лариной «Лингвокультурные концепты “правда” и “ложь” во французской и русской языковых картинах мира» и Ван Чжицяна «Солнце и Луна в сознании носителей русской и китайской культур». В рамках исследования преимущественно используется психолингвистический подход для выявления (бес)сознательных и психологических атрибутов речемыслительной деятельности, связанной с предметом исследования. В исследовании М. М. Рокотянской «Сопоставительный анализ лексико-грамматических средств отражения национального вопроса в современной прессе (на примере русского, английского и испанского языков)» был проведён комплексный сопоставительный лексико-грамматический анализ представительного массива интернет-версий текстов современной (XXI в.) качественной прессы, посвящённых острым проблемам, связанным, с одной стороны, с национальным характером, а с другой – с проявлением национализма. Вопросам, связанным с переводоведением, посвящены работы М. А. Сахаповой «Межъязыковая передача разговорной и стилистически сниженной лексики при переводе автобиографий представителей

поп-культуры (на материале автобиографии О. Озборна)» и А. Н. Цепелевой «Особенности перевода на русский язык социокультурного компонента английских художественных текстов». В работе О. С. Филичевой «Лексико-синтаксические средства когезии информационно-коммуникативной структуры текста (на примере учебно-научного текста технической направленности)» предпринято развитие теоретико-методологических положений теории риторической структуры на материале учебно-научных текстов. А. В. Шаталова изучала «Функционально-семантическое поле компаративности в немецком, английском и русском языках (на материале метеотекстов)».

Таким образом, в совет были представлены и защищены работы по русскому, английскому, французскому, испанскому, немецкому, китайскому и табасаранскому языкам. Интерес исследователей распространялся на сферы переводоведения, психолингвистики, лингвокогнитивистики, теории текста, терминологии, грамматики, лингвокультурологии, социолингвистики.

В качестве коллективного оппонента (ведущей организации) диссертационные работы рецензировали такие вузы, как Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, МГИМО (университет) МИД РФ, Уфимский университет науки и технологий, Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, Тамбовский государственный технический университет, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Ивановский государственный университет, Московский городской педагогический университет и др. Оппонентами по защищаемым в совете диссертациям выступали ведущие специалисты по профильным специальностям – доктора филологических наук, профессора Н. В. Зененко, О. И. Калинин, Т. Г. Попова, Н. А. Сидорова (Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ), А. Э. Левицкий

(МГУ им. М. В. Ломоносова), М. Н. Макеева (Тамбовский государственный технический университет), Е. Ю. Мягкова (Тверской государственный университет), Е. А. Шимко (Мичуринский государственный аграрный университет), И. И. Эфендиев (Дагестанский государственный медицинский университет) и многие другие. Представленные на защиту исследования неизменно вызвали научный интерес у членов совета и сопровождались широкими дискуссиями.

Стоит отметить, что 5 работ из 10 защищённых в 2023 г. были подготовлены аспирантами и соискателями кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения.

Докторский диссертационный совет 72.2.020.05 успешно продолжил работу, опираясь на многолетний опыт своего предшественника – докторского диссертационного совета Д 212.155.04.

Максименко Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения, председатель докторского диссертационного совета 72.2.020.05

Лукин Дмитрий Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения, учёный секретарь докторского диссертационного совета 72.2.020.05

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2023. № 6

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова

Переводчик А. Ю. Назарова

Корректор М. С. Тарасова

Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9, уч.-изд. л. 10,5.

Подписано в печать: 28.12.2023 г. Дата выхода в свет: 09.02.2024 г. Заказ № 2023/12-11.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А